

Мир сверил часы в Санкт- Петербурге

Встреча «большой двадцатки» в Санкт-Петербурге закончилась. Нельзя преуменьшать значение события и его результаты, нельзя не заметить усилий России как страны-председателя создать условия и выдвинуть платформу для конструктивного разговора...

СТР. 2

Моральный кодекс капиталиста

Россия устала от того капитализма, который в ней завёлся. Но так ли уж пагубно для нашей страны предпринимательство? Какими были русский капитализм и люди, его олицетворившие, на заре своего становления? И заслуживает ли проклятия либерализм, который чаще всего воспринимается у нас сейчас с сильным негативным оттенком. Об этом беседа обозревателя «ЛГ» с директором Института российской истории РАН Юрием Петровым.

СТР. 3

Как привлечь деньги на науку?

В крупных зарубежных университетах коммерциализировать разработки, найти источники финансирования помогают специальные департаменты вуза. А как, на какие средства превратить идею в конкретный продукт нашему учёному?

СТР. 12

Август 91-го

Прошло полтора года с той трагической ночи, когда в своей московской квартире застрелился один из последних руководителей советской разведки генерал-лейтенант Леонид Владимирович Шebarшин. В тяжёлом августе 1991 года он 27 часов был председателем КГБ СССР. Через месяц Шebarшин вообще ушёл из системы...

СТР. 15

На прошлой неделе наш сайт www.lgz.ru посетили 31 142 человека. Заходите!

Ещё и ещё раз про любовь

У Татьяны Дорониной – юбилей

«Вам будет очень трудно. Может быть, трудней, чем многим. Но есть защита – это работа. Работайте всегда, несмотря ни на что». Слова эти были сказаны мудрым педагогом Борисом Ильичом Вершиловым много лет назад абитуриентке, только что ставшей первокурсницей, в неслучайном разговоре на лестнице некогда знаменитой школы-студии МХАТ. Всю свою творческую жизнь народная артистка СССР Татьяна Васильевна Дорониная этот завет лучшего педагога студии всех времён, своего прекрасного Учителя выполняет. И через несколько дней после юбилея выйдет на сцену Московского Художественного академического театра имени А.М. Горького, которым руководит уже четверть века. И вновь её Васса Железновой будет бесконечно аплодировать огромный зал...

А трудно было... Лучшая студентка курса (а он был звёздным – Евстигнеев, Козаков, Любшин, Сергачёв, Басилашвили), она была вынуждена уехать по распределению в Сталинград. Потом были Ленинградский театр имени Ленинского комсомола, товстоноговский Большой Драматический, где сыграны лучшие, как сейчас принято выражаться, культовые роли, затем Москва – МХАТ (ещё до трагического раздела), театр Маяковского эпохи Андрея Гончарова, на спектакли которого невозможно было попасть, и снова главный театр страны. Тогда она сказала: «Я во МХАТ не ушла, я в него вернулась». Как оказалось, же. Огромный дом на Тверском бульваре, рядом с памятником любимому Сергею Есенину, стал для неё жизнью и судьбой.

Сколько лет театральные критики не замечали премьер в этом здании, а если и писали о доронинском МХАТе, то только зло, несправедливо, обидно. Некоторые, правда, позже прилюдно сожалели об этом. Можно только догадываться, как это всё переживала и пережила Татьяна Васильевна, которую уже в тридцать лет называли великой. Она сумела после вероломного расчленения Художественного театра не только замечательно выстроить репертуар, но и спасти честь русского театра, мхатовских актёров, которым не нашлось места в здании в Камергерском переулке. «Откуда вы берёте силы, чтобы выдержать все трудности?» – спросили её однажды. Ответ был таков: «Из убеждения в том, что всё, что делаешь, – это нужное и божеское».

Только в 2013-м премия «Золотая маска», учреждённая Союзом театральных деятелей почти двадцать лет назад, сделала то, что надо было сделать давно, – наградила Т.В. Доронину в номинации «За выдающийся вклад в развитие театрального искусства». Видимо, больше замалчивать успехи её театра попросту невозможно. А она к этой награде, в театральной среде считающейся престижной, отнеслась спокойно, как всегда, с достоинством, но, что называется, без фанатизма.

В эти дни телевидение покажет фильмы, в которых снималась актриса, – их всего 12! И в который раз все мы будем переживать за так и не нашедшую ключ героиню «Трёх тополей на Плющихе», за «Старшую сестру», «Мачеху» или эlegantную стардессу из ленты «Ещё раз про любовь». Народной артисткой зритель её признал после первых фильмов, и, хотя она давно не снимается (ну не в сериалах же!), Татьяна Васильевна по-прежнему – одна из самых любимых исполнительниц.

У «ЛГ» к Татьяне Дорониной отношение особое. На вступительных экзаменах в школу-студию она читала стихи Константина Симонова – в то время нашего главного редактора, мы – одно из немногих изданий, которое рассказывает о новых работах её театра, несколько лет назад она оказала нам честь, приняв премию «Литературной газеты» имени Антона Дельвига.

Виват Татьяна Васильевна!

Продолжение темы на стр. 8

Евгений ФЕДОРОВСКИЙ

ПРЕМЬЕРА РУБРИКИ

Мы много говорим о проблемах книгоиздания, о качестве выходящих книг. И почти никогда – о том, где и в каких условиях изданные книги живут, – о книжных магазинах. Во многом наше молчание послужило оборотистым людям толчком к повсеместному

реперофированию помещений, которые ещё совсем недавно были – в широком смысле – домами книги. «ЛГ» открывает рубрику, под которой будут обсуждаться вопросы, связанные с массовым исходом книги из больших и малых городов России.

Куда уходит книга?

Сергей ШАРГУНОВ,

прозаик, публицист,
главный редактор сайта
«Свободная пресса»,
МОСКВА

Я помню: в детстве на Фрунзенской набережной, где жил, киоски: там кроме газет продавались книги. Там я купил атлас мира с яркими, поразившими меня животными, там позже купил сборник Ходасевича «Тяжёлая лира». А потом пропала милая и заботливая старушка-киоскёрша и возникли «комки» – торговые палатки с водкой и «сникерсами». А сейчас там вообще ничего нет. Пусто. В 17 лет я переехал на улицу Дружбы и ещё застал книжный магазин на Университетском проспекте, но вскоре и его не стало.

Смерть книжных особенно ощущается в провинции. Некоторое время назад мне плакали мои ярославские друзья, потому что на место любимых привычных книжных магазинов в городе решили гордо встать офисные центры и рестораны. А что говорить о постсоветских республиках? Ведь именно русская культура и её штабы – книжные магазины и библиотеки – соединяли страну общим смыслом. Прилетел недавно в Бишкек. Там во славу «независимости» вмиг упразднили книжные, и вот наконец нашлась семья, которая открыла в городе такой магазин заново. Полуказах-полурусский по имени Виктор

по фамилии Кадыров и его русская жена... На встречу с читателями народу набилась тьма – киргизы, русские, молодые, немолодые, наш посол, древняя учительница литературы Роза Марковна... У них глаза сверкали жадным огнём, и этот праведный вампиризм подарил им книжный магазин.

Сегодня книжных становится всё меньше. Их упраздняют в пользу мнимой эффективности. Да, где-то по европейскому образцу удаётся открыть в книжном кафе, сделать его местом встреч и юного тусняка, но это капли в море... Так же как и «досуговые центры» вместо традиционных библиотек – редкие случаи. В реальности ничего не приходит взамен упраздняемой культуры. А начальникам всех рангов не мешало бы вспомнить: культура по определению дотационна. И без поддержки и защиты сильных она сменяется пустотой. Эту пустоту неизбежно заполняет варварство.

Олег РЯБОВ,

прозаик, библиофил,
директор издательства
«Книга»,
НИЖНИЙ НОВГОРОД

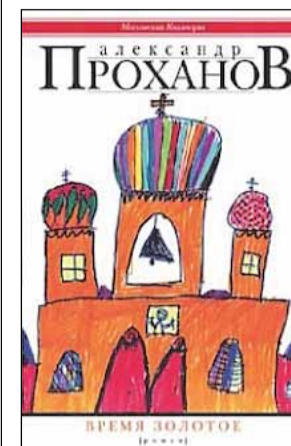
Будучи членом Национального союза библиофилов (а это очень серьёзная организация), я часто на наших встречах отвечаю на один вопрос: как же так случилось, что в моём родном городе

Горьком в помещении центрального книжного магазина, который стоял на площади Горького, напротив памятника Горькому, разместились предприятие американского общепита Макдоналдс? А ведь встречал я в том «Когизе» и Александра Градского, и Анастасию Вертинскую, и Иосифа Кобзона, и Валентина Распутина!

Во все времена общение с книгой было признаком высокой культуры. И не могут быть образование или культура рентабельными. Их рентабельность выражается опосредованно – в статустности государства, когда национальные агентства безопасности подготавливают руководству своих стран доклады: сколько у НИХ издаётся книг, какие тиражи и каков процент грамотных. В маленькие деревни хлеб возят два раза в неделю на машинах, и, наверное, это тоже нерентабельно, но это же делается.

Чтение книги – это ведь очень интересный процесс. Он в корне отличается от прослушивания текста, который будет читать даже самый талантливый артист. А вот когда из кружочков букв складывается в голове слово, имеющее определённый смысл, работает мозг, и это очень важно.

В миллионных городах книжных магазинов пока хватает. Но месяц назад ко мне приехали пожилые краеведы из села Лысково (население 20 000 человек) и рассказали, что у них закрыли последний книжный киоск. А ведь на этом селе, стоящем на Волге, держалась когда-то Макарьевская ярмарка! Вот когда такие немаленькие населённые пункты лишаются последних книжных «точек», начинаешь понимать, что в страну приходит беда.

● Александр Проханов.
Время золотое:
Роман. – М.:
Центрполиграф,
2013. – 383 с. –
3000 экз.

«Центрполиграф» понемногу перетягивает на себя лоскутное одеяло бестселлеров. Новый роман Александра Проханова «Время золотое» – его первая публикация в этом издательстве – подтверждает нашу мысль. Эта книга сохраняет дух предыдущих произведений писателя об идеологической и политической жизни страны в последние десятилетия. Героем «Времени золотого» становится человек, центр жизни которого составляет идея русской государственности и утверждение уникального «русского смысла». Идея романа – преобразование лидера. Но было бы слишком просто провести прямую аналогию между идеологическими центрами современной России, ньюсмейкерами сегодняшнего дня и персонажами Проханова. Роман буквально раскалён от столкновений мыслей и фактов.

В нём рассказывается о недавних событиях, которые сотрясли основы государства Российского: о Болотной площади, о толпах, двигавшихся на Кремль, о трагической схватке, в которой могли погибнуть миллионы людей, а вместе с ними Российское государство: «Градобоев чувствовал могучую слепую силу толпы, которая колыбалась на Болотной площади, как чёрный вар в накалённом котле. Его слова, как языки пламени, лизали стены котла, и толпа вскипала липкими пузырями, чавкала, чмокала, одевалась туманом, в котором мутно белели лица, струились флаги, качались транспаранты». Антигероям Болотной противостоит лидер, который одолевает духовную слабость и становится победителем в жестокой схватке. В центре повествования – идеолог, носитель русских смыслов, проповедник русского государства, русской победы: «Иногда Бекетову казалось, что у него два разума, два сердца, две души. Его жизнь движется двумя отдельными руслами... Но иногда два этих русла совпадали, и ему открывалось, что его жизнь драгоценна во всех проявлениях. Он движется в бездонном потоке времени, вмещает в себя вселенские катастрофы и беды, божественные озарения и взлёты. И тогда в его жизни не оказывалось мелочей и тусклых случайностей, а всё было проявлением космического смысла».

Не следует искать среди героев прямых прототипов. В книге всё правдиво и условно, правдоподобно и вымышлено одновременно. Здесь ничего не стоит упрощать и воспринимать напрямую, хотя всё вызывает неизбежные аналогии.

МОСКОВСКИЙ ВЕСТНИК

Новый прежний мэр

8 сентября 2013 года впервые за 10 лет москвичи выбирали градоначальника. На этот пост претендовали шесть кандидатов: Михаил Дегтярёв от ЛДПР, Николай Левичев от «Справедливой России», Иван Мельников от КПРФ, Сергей Митрохин от «Яблока», Алексей Навальный от РПР-ПАРНАС и врио мэра, самовыдвиженец Сергей Собянин.

После подсчёта 100% протоколов на выборах мэра Москвы Сергей Собянин набрал 51,37%, Алексей Навальный – 27,24%, Ивана Мельникова поддержали 10,69% москвичей, Сергея Митрохина – 3,51%, Михаила Дегтярёва – 2,86%, Николая Левичева – 2,79%.

ОЧЕВИДЕЦ

В чём нам каяться?

Президент Германии Йоахим Гаук призывает нас покаяться за советское прошлое, как когда-то покаялись немцы за ужасы нацистского режима.

Что ж, каяться нам надо. Но не за советское прошлое, а за постсоветское настоящее.

Мы бросили свою землю. Она зарастает бурьяном. На недавнем сельскохозяйственном форуме раздали красивые такие, щедро изданные брошюры. А там самая новая актуальная статистика. Такая, к примеру: в 1990 г. на один гектар посевной площади вносили 88 кг минеральных удобрений, а сегодня — 38. Мы заездили нашу почву, как тощую деревенскую клычу. А много полей и вовсе побросали. Снова ввести эту землю в оборот — нереально, это невыносимые затраты, на них никто не пойдёт.

Мыскаемся, православные, за грех перед своей землёй-кормилицей! А также магометан, иудеев и научных атеистов приглашаю покаяться — они тоже не в стороне стояли. И католики, ежели случатся поблизости, пускай опустят очи долу и произнесут своё mea culpa. Твоя, твоя culpa, мужик, не сомневайся!

Идём дальше по пути покаяния. Мы пустили в распыл свои леса. Поразительное дело: лесники были со времён Петра I — хранили казённое богатство. Даже во время войны были, а сегодня куда-то делись. У нас подмосковный лес стоит без всякого пригляда и ухода. И горят, горят леса. А что тут удивительного? Человеческая мысль имеет свойство материализоваться. Мы сказали о нашей земле: «А гори оно всё синим пламенем!» — вот она и горит. А что не сгорит — короед доест.

Мы побросали свои селения — теперь уж не деревни, а и до городов дело дошло. Там нет работы, нет жизни, народ стекается в большие города. Правительству даже план сочинило — сселить народ в двадцать больших городских агломераций, но потом это как-то забылось. Но процесс идёт — земля оголяется. Не нужна она нам — земля наша? Как-то не очень. А ведь Бог, давая народу такую большую территорию, не иначе что-то имел в виду. Какую-то он на нас налагал обязанность. А мы её провалили. Мы, сегодняшние. Кровавый большевистский режим как раз землю осваивал, застраивал и в меру сил украшал. Не бросал, по крайней мере. А побросали мы — просвещённые, креативные и умеющие по-английски. Бросили землю зарастать бурьяном, а оставшихся аборигенов — впадать в дикость. Вот за это бы покаяться...

Советская власть, за действия которой нам предлагают непрерывно испытывать чувство неизбыточной вины, принудительно заставляла народ трудиться и цивилизоваться. А сегодня никто никого работать не заставляет, поскольку это нарушило бы неотъемлемые права суверенной личности. То правительство тасило людей вверх — часто по-дурачки, действуя с извещением слона в посудной лавке, но тасило. В результате было выстроено то, чем мы сегодня живём и что по сию пору недоприватизировали.

Мы утратили квалификацию индустриального народа. Мы, сегодняшние, разучились делать то, что умели отцы и деды. Скоро дедовы чертежи прочитать не сможем. А кто читать-то будет — юристы с культурологами?

Работник космической отрасли недавно бегал среди пенсионеров в поисках квалифицированного фрезеровщика для некой нетривиальной работы. Их просто нет. И среди инженеров такая же история. У нас в посёлке перебиваются случайными заработками такой Колька — почти спившийся гражданин братской Украины. Колька — квалифицированный рабочий, но за свои 40 лет он ни разу не имел стабильной длительной работы: заводы когда-то промышленного Запорожья закрывались, кем-то покупались и тоже закрывались. Мать его живёт в России в няньках, ну и он при ней. Этот почти павший на дно Колька — выразительный символ постсоветской судьбы нашего народа (или наших народов, скажем полнокорректно). Весь наш народ — это Колька — опустившийся, разучившийся, утративший ориентиры, блудящий невзвест куда.

Помолимся за Кольку и покаемся за то, что довели его до такого убожества.

Отдельного покаяния заслужила наша народолюбивая интеллигенция, печальница горя народного. Сословие работников умственного труда имеет вполне определённую задачу: добывать истинные знания о природе вещей и организовывать народный труд. Иных задач у образованного сословия нет. В этом назначение интеллигенции. А у нас интеллигенция, созданная государством, причём дважды — при Петре I и при Сталине — отказалась от этой работы и начала подкуивать народ на свершение этого самого государства. Интеллигенция не выполнила своего долга «понимателя», вот мы и пробавляемся обносками западной мысли. Наша российская цивилизация не описана и не осмыслена. Интеллигенция некогда была: она либо плакала, либо готовилась к отъезду, либо каялась за что-нибудь в прошлом. Это ведь так удобно: каяться за то, что произошло в годы твоего бессмысленного детства, и при этом не делать того, что можно и нужно делать сейчас.

В глубине души русский человек ощущает как грех действия в защиту своих прав и интересов. Это совершенно неверно и пагубно: во многих случаях греховна именно слабость, а не сила. В моей родной Коломне церкви и монастырь находятся в кремле, в крепости — святость и сила там слыты воедино. Неприятие силы, отказ от силы, неучастие в собственной жизни и сдача её — это ложно и греховно. Вот в этом надо нам каяться.

Но ощущение греховности силы у русского человека, к сожалению, есть. И этим пользуются враги России, внушая ей комплекс вины за всякое решительное действие и отставание своих интересов. И тут же на подтанцовке — наша народолюбивая интеллигенция. Негодование по поводу ввода войск в Чехословакию — это просто опознавательный знак всякого порядочного русского человека. Просто пароль какой-то: «За вашу и нашу свободу». А что, собственно, произошло летом 1968 года? Мы отстаивали свои интересы. Тогда отстояли. А через двадцать лет — сдали. И получили натовские ракеты под боком. Этого хотела свободолюбивая публика? Не этого? Тогда чего? Вот в этом хорошо бы разобратся и покаяться.

А покавшись, надо приступить к серьёзной работе. Вступить, так сказать, на путь исправления. Потому как вера без дел мертва, и покаяние тоже ничего не стоит.

Татьяна ВОЕВОДИНА

Точка зрения авторов колонки может не совпадать с позицией редакции

ФОТОГЛАС

В Перми, в сквере лица № 1, входящего в образовательный комплекс Политехнического университета, открыли памятник Александру Сергеевичу Пушкину. Скульптурная композиция, выполненная известным в Пермском крае мастером кузнечного дела Геннадием Зелениным, представляет собой скамью, на которой расположился Пушкин, а на свободном месте рядом с поэтом может сфотографироваться любой желающий. Памятник изготовлен из современного композиционного материала на основе полиэфирной смолы и мраморной пудры — так называемого антивандального сплава.

Триумфально начался традиционный Большой фестиваль Российского национального оркестра — без сомнения — главное музыкальное событие осени. Его открыло выступление прославленного коллектива под руководством Михаила Плетнёва и солистки Элен Гримо, исполнившей концерт № 2 для фортепиано с оркестром Брамса. Слушателям так понравилась её исполнение, что часть произведения пришлось исполнить на бис. Во втором отделении концерта прозвучала 2-я симфония Сергея Рахманинова.

Элена ГРИМО

Писатель Юрий Поляков за роман «Гипсовый трубоч» удостоен Всероссийской премии имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. Награда автору лучшего произведения, написанного в сатирическом жанре, была торжественно вручена в Кирове, в доме-музее, носящем имя великого сатирика, губернатором области Никитой Белых. А уже на следующий день собравшая немало читателей презентация этой книги, только что вышедшей в новой авторской редакции, фактически открыла Московскую международную книжную выставку-ярмарку.

ЗЛОБА ДНЯ

Как писала « » в публикации накануне встречи «большой двадцатки» в Санкт-Петербурге, мировые лидеры соберутся под председательством России, чтобы сверить часы. И это произошло. Нельзя преуменьшать

значение события и его результаты, нельзя не заметить усилий России как страны-председателя создать условия и выдвинуть платформу для конструктивного разговора, но совершенно очевидно, что часы в разных странах

идут по-разному. И дело не только в разнице часовых поясов. По многим вопросам, в частности, в подходе к взрывоопасной ситуации в Сирии, синхронизировать ход часов не удаётся. И не только в этом.

Разница во времени

Поправки в повестку

Владислав ИНОЗЕМЦЕВ, экономист, научный руководитель Центра исследований постиндустриального общества:

— Проведения в России «большой двадцатки» власти ждали и активно к нему готовились. На протяжении почти десяти месяцев формировалась повестка дня, формулировались проекты решений. И совсем незадолго до встречи стало ясно, что много, если не всё, идёт не по запланированному. «Двадцатка» — клуб ведущих экономик мира. На её членов приходится около 79% глобального валового продукта и более 82% мировой торговли. На саммит съезжаются представители стран — эмитентов всех мировых резервных валют, основных «постиндустриальных» держав и главных поставщиков природных ресурсов. Здесь можно — и должно — решать важнейшие экономические проблемы. Россия заявила одну из таких проблем — проблему ускорения хозяйственного роста. Заявила тогда, когда свежа была память о майских (2012 года) указах Путина, повелевавших экономике расти на 5–7% в год, а инвестициям — стремиться к 25% ВВП. Но у экономики свои законы — она не слушается командных окриков. В результате Рос-

сия закончила второй квартал 2013 года с пятым «с конца» темпом роста среди стран «двадцатки», а к моменту проведения саммита балансировала на грани рецессии. В Санкт-Петербурге предполагалось обсуждать «бюджетную дисциплину»: российские власти хотели, чтобы великие державы не наращивали государственный долг и контролировали эмиссию якобы «необеспеченных» денег. Но прибывшие главы государств, как выяснилось, надеялись не на эту реформу, а на продолжение бесконтрольной эмиссии со стороны США — это сегодня во многом и удерживает мировую экономику от рецессии. Так что российская повестка дня претерпела немалые изменения, что отражено и в крайне скудных упоминаниях страны-хозяйки в итоговых экономических документах форума. Однако В. Путину сильно повезло: экономические темы на саммите (фактически впервые) оказались заслонены политическим кризисом вокруг Сирии. Не будь Москвы и Пекина в Совете Безопасности ООН, от Асада уже не осталось бы и следа, но накладываемое нами вето ставит Запад в крайне неловкое положение, вынуждая США в который уже раз пытаться действовать без санкции международного сообщества. На саммите в Петербурге России удалось если и не создать мощный фронт оппонентов американской позиции, то, по крайней мере, расколоть западный лагерь. И поэтому — как бы ни сложились события дальше — саммит останется в памяти как место, где Россия сказала всё же своё слово. Правда, в экономической сфере практически никто не готов был его слушать.

Один в поле воин?

Валерий КАПЛУНАТ, председатель Совета директоров ООО «Омский завод технического угля»:

— Саммит в Санкт-Петербурге в чём-то стандартен, если принять во внимание те рамки, которые установили для себя и своего взаимодействия страны «большой двадцатки». Экономика развивается, степень интеграции растёт, требуется воля политических лидеров для координации противоречивых процессов, особенно когда ещё кажется призрачной стабилизация продолжающегося кризиса мировой экономики. Естественно, это очередная попытка нащупать формы координации, использовать некий мировой совет для выработки мер, способных повлиять на процессы экономического развития. Противоречий от этого, к сожалению, пока меньше не становится. Наша страна имеет в мировой экономике долю порядка 4%, а по номинальному ВВП на душу населения занимает 47-е место в мире (по данным МВФ). Мало того, держится до сих пор преимущественно за счёт того, что торгует ресурсами, полезными ископаемыми. Не может не обратить на себя внима-

ние, что даже в такой стране, как Китай, с которой у нас весьма добрососедские отношения, в ведущих газетах можно прочитать высокомерные, подчас даже пренебрежительные оценки состояния нашей экономики и перспектив развития нашей страны. Это плохой признак. Путин при таком низком старте российской экономики делает, на мой взгляд, по сути, героические усилия, и то, чего он достиг на дипломатическом фронте, заслуживает всяческой похвалы. Реальная роль России, исходя из её сегодняшнего экономического потенциала, ниже, чем степень влияния, которую нам обеспечил Путин в международной политической сфере, в том числе в ходе прошедшего саммита «двадцатки». Направиваются выводы. Или мы наконец-то решительно меняем структуру своей экономики, диверсифицируем её, развиваем реальный промышленный и научный потенциал, или мы падаем в глазах «двадцатки» (и не только её) ещё ниже лишь по той причине, что личностных усилий нашего президента может не хватить. На ум приходит аналогия. Печальные итоги бездарно проигранной царской администрации русско-японской войны в начале прошлого века были серьёзно скорректированы в пользу России результатами блестящей работы российской делегации во главе с премьером графом Витте при заключении Портсмутского мира. Но это не убергло страну от великой смуты 1917 года.

Участники контрсаммита:

«Народ Сирии — не футбольный мяч»

Как индустриала «ЛГ» в предыдущем номере, в городе на Неве в канун встречи «большой двадцатки» прошёл контрсаммит — встреча ведущих мировых экспертов, ищущих альтернативные пути развития глобальной экономики. Его участники пришли к согласию, что принципы «Вашингтонского консенсуса» должны быть повсеместно отброшены, а развитие в новую, посткризисную и постглобализационную эпоху будет строиться на основе новой организации экономики и государственной власти.

Кроме того, участники альтернативной встречи приняли обращение к лидерам стран G20 по Сирии. В нём говорится, что необходимо следовать многопартийному и многопартийному подходу к политическому разрешению кризиса и выработке программы национального восстановления Сирии. Общее мнение таково: американцы обсуждают эту ситуацию так, словно сама Сирия вообще не при чём, и смотрят на сирийский вопрос, будто это футбол, а народ Сирии — мяч. «Нужно спросить самих сирийцев, чего они хотят, пока же происходящее просто аморально», — заявил в Петербурге участник контрсаммита, американский активист Кевин Данатер. За последние годы в Сирии погибло более 100 000 человек,

и поэтому, как полагают участники контрсаммита, выделение химической атаки в отдельную тему сильно сужает взгляд на сирийский кризис.

Что им Папа?

В письме, адресованном президенту РФ как главе страны — председателя G20, и другим участникам саммита, папавский Франциск призвал мировых лидеров найти такой путь разрешения ситуации в Сирии, который позволил бы «избежать бойни». При этом глава Римско-католической церкви решительно против военного решения конфликта. В это же время Конгресс США фактически одобрил решение Обамы нанести удар по стратеги-

ческим объектам Сирии. Пентагон собирается не только ударить крылатыми ракетами с кораблей ВМС, но и использовать бомбардировщики. Кроме того, Белый дом запросил расширенный список целей для уничтожения вдобавок к уже существовавшим 50 целям. Очень знакомая история! Денги и «национальные интересы США», как понимают их те, кто имеет деньги, определяют вектор действий, а для прикрытия «урока демократии» сгодится любая ложь. И это мы тоже наблюдали уже не один раз.

Встреча президентов «на ходу»
Президенты России и США встретились — таки в кулуарах саммита, и это всё же не выгля-

дело сенсацией, хотя возможность иного исхода всячески муссировалась, особенно в западных СМИ.
Назвать почти получасовую (со слов Путина) беседу «встречей на ногах», или «на ходу», было бы неправильно. Другое дело, что каждый из лидеров остался при своём, если иметь в виду не только различие их позиций по сирийскому вопросу. Но диалог на самом высоком уровне продолжается, а отношение к замыслам Обамы даже со стороны союзников не столь привычно однозначно. Однако, скажем, Германия вскоре после саммита изменила свой подход, взяв сторону американского президента.

Подготовил Сергей ВОЛОДИН

<p>ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА</p> <p>1971 1979</p> <p>УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ АНО «Редакция «Литературной газеты»</p> <p>Главный редактор ЮРИЙ ПОЛЯКОВ</p> <p>Заместители главного редактора Алесь Кождуб, Леонид Колпаков, Марина Кудимова, Игорь Серков</p>	<p>ОТДЕЛЫ: «Политика, экономика» тел. 8-499-788-01-06 Игорь Серков, Владимир Сухомлинов «Литература и библиография», тел. 8-499-788-02-05 Марина Кудимова, Игорь Панин, Татьяна Шабасева «Искусство» тел. 8-499-788-02-12, Арина Абрамидова, Анна Кузнецова «ТелеЕдени» тел. 8-499-788-02-12 редактор Александр Кондрашов, Олег Пухнацев «Общество» тел. 8-499-788-02-08 редактор Людмила Мазурова, Наталья Гамаюнова «Клуб 12 стульев» тел. 8-499-788-00-53 администратор Александр Хорт</p>	<p>Обозреватели Сергей Мнацаканян, Лев Пирогов, Дмитрий Каралин (Санкт-Петербург), Игорь Гамаюнов</p> <p>Спецпроекты и приложения Алесь Кождуб, Анастасия Ермакова</p> <p>Отдел оформления тел. 8-499-788-01-13 бильд-редактор Евгений Федоровский, художественный редактор Антон Меншов</p> <p>Сайт «ЛГ» редактор Ольга Моторина litgazeta.webeditor@gmail.com</p> <p>Представитель в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе Валерий Павлов</p> <p>Собственные корреспонденты Александр Самойленко (Калуга), Юрий Белков (Пермь), Жан Миндулов (Ульяновская область, Татарстан),</p>	<p>Владимир Шемшученко (Санкт-Петербург), Владимир Королёв (Смоленск), Сергей Евстратов (Республика Молдова), Юрий Щербков (Астрахань и Калмыкия), Лия Иванни (Армения), Ирина Тосунян (США), Алексей Славин (Германия), Мария Хамакер (Центральная Европа), Никита Барашев (Италия), Светлана Селиванова (Китай), Евгений Минин (Израиль), Эдвард Асланьян (Кипр)</p> <p>Московский тираж — 60 652 экз. Федеральный тираж — 35 707 экз. (печатается в Санкт-Петербурге, Ростов-на-Дону, Воронеж, Новосибирск) Тираж в Крыму — 2500 экз. Тираж в Европе и США — 6000 экз. (печатается во Франкфурте-на-Майне) Тираж в Израиле — 22 000 экз. Тираж в Великобритании — 9000 экз. Тираж в Греции — 3000 экз.</p> <p>Общий тираж 138 860 экз.</p>	<p>Цена договорная Отпечатано в ЗАО «Полиграфический комплекс «Экстра М», 143400, Московская область, Красногорский р-н, п/о «Красногорск-5», а/м «Балтия», 23-й км.</p> <p>Номер подписан к печати 10 сентября 2013 г. Зак. № 13-09-00188</p> <p>Редакция рассматривает все обращения читателей, оставляя за собой право не рецензировать и не возвращать письма и рукописи.</p> <p>Подписные индексы: 50067, 34189, 84874 и 99168 (для предприятий и организаций)</p> <p>Подписка и распространение: тел. 8-499-788-01-12</p> <p>Экспортная подписка — по каталогу «МК-Периодики» и «East View Publications»</p>	<p>Газета зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций Свидетельство ПИ № ФС77-35721 от 20.03.2009 г.</p> <p>Адрес редакции: Д. Холостый переулок, 10, стр. 6 Москва, 109028 тел. 8-499-788-02-52</p> <p>Автоматизатор и соединение с отделами: 8-499-788-02-10</p> <p>Электронный адрес: litgazeta@lgz.ru Факс: 8-499-788-00-52</p> <p>Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ЛГ» обязательна</p>	<p>Ведущий редактор номера Леонид КОЛПАКОВ</p>
---	--	---	--	--	---	--

Моральный кодекс русского капиталиста

Чем до Октябрьской революции московские предприниматели отличались от петербургских

Россия устала от того капитализма, который в ней завёлся. Велико разочарование, оно всё сильнее охватывает и молодых. Но так ли уж пагубно для нашей страны предпринимательство? Каким был российский капитализм и люди, его олицетворявшие, на заре своего зарождения и становления?

Наш собеседник — директор Института российской истории РАН доктор исторических наук Юрий ПЕТРОВ.

— Юрий Александрович, почему вы заинтересовались историей становления капитализма в России? Это же наверняка случилось не десять лет назад, а гораздо раньше. В социальном государстве историк берётся изучать капитализм... Это как-то не тянет на медаль...

— Сорок лет назад я поступил на истфак МГУ, дипломную работу писал по теме «Московский купеческий банк». Это был один из крупнейших банков дореволюционной Москвы. Я пытался понять его связи с промышленностью, проследить, как он действовал, кто им руководил, как его деятельность сказывалась на секторе реальной экономики. Возглавляла его группа крупнейших московских предпринимателей, в основном текстильных фабрикантов.

Эти люди оставили после себя зримые следы. Третьяковку все знает. Были другие филантропические деяния — дома бесплатных квартир Солдовникова, Бахрушинских или Боткинской больницы — она же Солдатёвская. И ещё много прекрасных сооружений — они носили собственные имена, хотя часто неофициально. Мне было удивительно, как мало об этом писали тогда. Увы, немного знают и сейчас.

— В связи с подобным интересом к «буржуинам» не было ли на вас в советское время давления?

— Открытого не было, поскольку мы занимались этим в рамках исследования предпосылок революции в России. Это была как бы индустрия для историков бизнеса. Находили своё русло, не вступая в прямой конфликт с властью, бронируя за собой свободный участок для творчества. Негласное же давление было.

После университета я работал сначала в Историческом музее, потом пришёл в институт — тогда он назывался Институт истории СССР АН СССР. Основные векторы исследований — история крестьянства, рабочего класса, индустриализация, коллективизация и т.д. Капитализм и его персоны были на периферии. Потом изменилась эпоха, наши исследования оказались в начале 90-х годов востребованными. По этому поводу шушу: это не я в струю попал, а она в меня.

С другой стороны, когда появляется популярная, а значит, выгодная тема, туда устремляется большое количество «искателей удачи» — не вполне искренних учёных. Это было примерно тот же контингент, который в советское время чаще всего кучковался вокруг истории КПСС, чтобы быть поближе к власти и к деньгам.

Они довольно много сделали неудачного, плохого. Вместо проклятий капитализма стали литься оды, вместо анализа — эмоциональные восклицания. На самом деле для науки и та и другая крайности — вредны. Нужно подходить аналитически, понимать предмет и персон исследования. Для этого надо идти в архивы, работать с документами, бумагами, читать, о чём и кому люди писали, чтобы понять, каковы были их устремления, чего они добивались.

— Каким же был русский капитализм в момент зарождения и становления, в чей его обаяние?

— Первая и главная — русский капитализм был не каким-то занесённым из Европы невиданным цветком, как многие, в том числе народники, считали. Они прямо утверждали: русской душе капитализм чужд, у нас общинный дух, особый менталитет. На самом деле — нет. Капитализм, как ни удивительно, вырос из мужицкой среды. Почти все ставшие потом известными династии российских фабрикантов и купцов в прошлом крестьянствовали. Именно крестьянский слой обеспечил быструю динамику развития. Морозовы, Рябушинские, Третьяковы — все из крестьян. Прошло два-три поколения, и перед нами по-европейски образованные люди с широким кругозором, ясным представлением о своей роли, кстати, очень адекватным. С большими культурными запросами.

— Какой это исторический период? — После отмены крепостного права — время бурного роста. Те же Морозовы. Они ещё до реформ откупались от хозяина, заплатив 17 тысяч рублей — огромную по тем временам сумму. Многие другие тоже из крестьян. Получив желанную волю в 1861 году, они просто-таки ринулись в бизнес. Стали на месте маленьких домашних прядильных светёлочек строить фабрики, заказывать новейшие станки и оборудование в Европе, привлекать бывших односельчан на работу. Со временем создали то, что можно назвать русским Манчестером — это район Ивановна, бывшая сельская глубинка.

Менее чем за полвека она превратилась в крупнейший промышленный район. Объективно скажу: эти люди были недооценены и незаслуженно забыты при советском строе.

— Что ещё отличало русский капитализм?

— Очень сильный старообрядческий компонент. Это связано с тем, что по российским канонам старообрядцам запрещалось заниматься любой службой — гражданской или военной. Для них бизнес — коммерция, промышленность — стал единственным путём достойного существования. Отсюда выраженная старообрядческая струя, которая была усилена ограничениями, существовавшими у старообрядцев — отказ от алкоголя, табакокурения. Это дисциплинировало. Во-вторых, они, как гонимые, были скреплены сильными внутрикорпоративными узами. Очень была развита взаимовыручка, помощь кредитом, что помогало быстро выйти на высокие рубежи в бизнесе.

— Кого можно причислить к их числу?

— Тех же Рябушинских. В начале XX века они даже стали лидерами старообрядческого движения, собирали всероссийские конгрессы старообрядцев, издавали журнал «Церковь» и «Народную газету» — всё это на свои деньги. И Гучковы из старообрядцев, некоторые Морозовы имели к ним отношение.

Есть третья особенность. Называю её так: в России можно делать деньги или быстро, или честно. У многих первых русских капиталистов, в том числе у всех упомянутых, не было государственного покровительства — с системой казённых заказов, что было развито в других отраслях, например, в железнодорожном строительстве, где требовалось получать в канцеляриях обязательное разрешение. Или если речь шла о сталеплавильных заводах. У них был текстиль — это освобождало от прямой связи с казной. Они были относительно независимы. И потому более свободолобивы.

— Наверное, можно сказать, что и для коррупции это было не лучшая почва.

— Естественно. Взятку давать не любили. Хотя иногда приходилось. Как вспоминает Владимир Рябушинский — почти дословно: «В Петербург ехал я всегда с тяжёлым сердцем, потому что общения в канцеляриях радости не приносили, и сёстры всегда надо мной в канун поезда шутили: «Володя хмурый, опять как в Орду едет».

Отказ от казённых заказов требовал полной ориентации на рыночный характер работы. Текстильщики одевали всю Россию, особенно крестьянское население — дешёвые московские и ивановские ситцы расходились повсюду. В результате комбинация ряда факторов наблюдалась и очень высокая политическая активность. Этого, кстати, в среде буржуазии Западной Европы не было.

К началу XX века эти люди точно понимали, что являются «солью земли», хозяевами экономики, что от них зависит очень многое, что они создают десятки тысяч рабочих мест, преобразуют Россию крестьянскую в новую индустриальную. Это чувство позволяло им поддерживать внутреннее достоинство и высокую адекватную самооценку. Поэтому с политическим режимом, который их самооценку не разделял, были конфликты. Царская администрация с большим подозрением относилась к политическим течениям в этой среде, поскольку полагала, что политика не купеческое дело. Мол, есть у вас бизнес — им и занимайтесь.

— Расшифруйте слово «они». Из того, что вы говорили, я понял, что были те, кто занимался текстилем, и те, кто занимался железными дорогами, владел сталеплавильными заводами, разные... Как вы их разделяете?

— Существенный вопрос. Пока я акцентировал внимание на так называемой московской буржуазии. Именно она была связана с текстильной промышленностью, широкой торговлей, менее была нацелена на казённые заказы. Были другие группы. Очень сильная петербургская. В ней преобладали финансисты, банкиры — владельцы банков, железнодорожные концессионеры, строители, владельцы крупнейших заводов, таких как Путиловский. Это качественно другая группировка — в политическом отношении более индифферентная. Её интересовало прежде всего бизнес, от государства нужны были покровительство, лицензия на выгодные проекты. Политики они сторонились в отличие от москвичей, которые полагали, что Россия — это не только место, где можно зарабатывать, но и где надо жить.

— Иное мировоззрение?

— В Москве сформировалась деловая элита, которая не без оснований считала себя лидером предпринимательского класса и выразителем его интересов. Петербуржцы же, повторяю, думали больше о прибыли, чем о перспективах развития страны. Немного отрублено, но суть такова.

Именно московская буржуазия породила политических лидеров не только своего класса, но и всей России. Отсюда Александр Гучков, председатель Государственной думы, Александр Коновалов, министр Временного правительства, Павел Рябушинский — фигура незаурядная, легендарная. Постов официальной страны не занимал, но был фактическим лидером московской буржуазии. Григорий Крестовников отсюда же. Павел Бурштин... Относительно немногочисленная группа, но очень влиятельная в идеологическом плане.

Они выпускали свои газеты. Павел Рябушинский издавал «Утро России» — знаменитую газету, очень массовую. Мне приятно, что сейчас возле Страстного монастыря на Малой Никитской, где сохранилось здание типографии «Утра России», не так давно появилась надпись на фронтоне — «Утро России».

Отличительной чертой московской буржуазии являлось и то, что она была всерьёз озабочена отношениями с рабочими. Большая и лучшая их часть понимала, что надо строить для рабочих жилища, больницы, детские сады, дома культуры, создавать нормальную атмосферу для жизни. Им был свойствен социальный стратегический взгляд на вещи.

Плакат 1911 года «Пирамида капитализма», на котором сатирически изображалась буржуазия, стоящая на плечах пролетариата: «Мы едим за вас»

— Очень интересно!

— Есть в Костромской губернии городок Вичуга. Он — дитяще двух фабрикантов. С одной стороны — Кокорев, с другой — Коновалов. Кокорев для жителей построил огромную церковь в память об утонувшей дочери — колокольня выше колокольни Ивана Великого, видна за 30 километров. Коновалов строил прочные дома из железобетона, детские ясли и сады, больницы, амбулатории, Народный дом — Дом культуры. Создал современнейшую по тем временам инфраструктуру. Забастовок рабочих на фабриках Коновалова не было никогда. А у Кокорева, несмотря на его богородность, постоянно случались рабочие волнения — жаден был.

— Как я понимаю, если бы, образно говоря, победили московские, а не питерские и при этом царский режим был более дальновидным, может быть, не создалась столь явные предпосылки для Октябрьской революции 1917 года?

— Трудно говорить, что было бы, если бы... Но то, что людей, о которых ведём речь, режим на дух не воспринимал — факт. Знаю это из архивных документов. За каждым из лидеров группы было установлено филёрское наблюдение, на каждого в Департаменте полиции было досье, каждый имел клочку в сообщениях филёров.

— Проходили прямо как революционеры.

— Фактически да. Они были либералы и поэтому считались людьми очень опасными. О каком-то диалоге говорить не приходится. Действовали в условиях полицейских преследований. Закрывали их газеты по цензурным соображениям или по распоряжению генерал-губернатора. Высылали из Москвы, что случалось с Рябушинским. Существовали придирки всякого рода. Конечно, по сравнению с советским временем — детские игры, но эти придирки тоже можно назвать преследованиями.

Когда царский режим рухнул в феврале 1917 года, буржуазия получила возможность прийти к власти — напомним, что Гучков стал военным министром, Коновалов — министром торговли и промышленности, Сергей Третьяков, племянник Павла Третьякова, — министром экономического развития. Но ситуация была уже неуправляемой,

страна вошла в такой штопор политического развития, а социальный кризис оказался настолько острым, что свои стратегически верные лозунги они реализовать не могли. А лозунги были таковы. Россия не дошла до социализма, надо пройти буржуазную стадию развития, как и всем народам Запада, не нужно слушать демагогов, призывающих к немедленной смене общественного строя, нужно предоставить буржуазии, предпринимателям основные рычаги управления, убрать из власти всяких социалистов — имелось в виду из Временного правительства, где было немало радикалов. Но летом 1917 года уже фактически не было альтернативы революционному перевороту. Всё шло к этому.

— Война, потери, разруха, бедность играли свою роль.

— Конечно. Это обостряло положение людей, вызвало взрыв ненависти. И пропаганда социализма хорошо ложилась на русский менталитет. Мол, есть кучка негодяев, банкиров, «жирных котов», которых надо вышвырнуть, и всё будет замечательно.

Стратегически выразители идей предпринимательского сообщества всё верно наметили, но не хватило тактических средств, как не было и социальной опоры, имевшейся у радикалов.

— Среднего класса не было...

— Он прорастал, но был несоизмеримо мал в сравнении с бедными слоями. Россия позже других вступила на путь индустриального развития и, к сожалению, на тот момент не прошла ещё точки невозврата.

Запоздалое

— Развитие капитализма в России объясняет многое в трагической судьбе нашей страны.

— Можно ли утверждать, что самодержавие было тормозом?

— Нельзя сказать, что абсолютным тормозом. Во всяком случае Александр II провёл великие реформы. В следующем году будем отмечать 150-летие его земской реформы и судебной. Они были прогрессивны, проведены на европейском уровне. Тем не менее понимание, что переход к системе рыночного хозяйствования неминуемо требует, чтобы новому социальному слою и его лидерам были предоставлены достойные места в государственном управлении, не было абсолютно. Дворянская спесь, пренебрежение к «этим чумазам» сохранялась в дворянской элите. Это было серьёзной слабостью царского режима. Если бы диалог между бизнесом и властью выстроился, то какой-то консенсус могли найти. Но была конфронтация.

— Самое время поговорить о персонах.

— Начну с Павла Рябушинского, фигуры мною наиболее исследованной и, считаю, одной из трагических. Он ровесник Ленина. Родился годом позже, умер в один год с ним. Только могила его в Париже. Гола два года назад я был там, пошёл на кладбище Батиньоль. Надо отгадать название французским клеркам, быстро сказали: ряд такой-то, номер могилы такой-то. Оказалось — могила подзабытая. Видимо, некому ухаживать. В этом символ его трагедии. Он всю жизнь думал о процветании России, а в результате оказался выброшенным за её пределы.

Квинтэссенция его взглядов выражена в размещённой в «Утре России» статье «Купец идёт». Смысл её в том, что прежней, дворянской аристократии, которая руководила государством и обществом несколько столетий, нужно потесниться, дать место новой социальной силе — предпринимателям. Под этот лозунг была создана Прогрессистская партия. Прогресс понимался как путь к рыночной экономике, политическое устройство — конституционная монархия. По новой Конституции предполагалось: монархия останется, но у государства не будет возможности контролировать всё и вся.

— Что-то вроде британской монархии?

— Да, конституционная монархия европейского типа. Если же вернуться к личности Павла Рябушинского, то он был очень одарённым человеком. Любимым его развлечением было решение на досуге математических задач высшей сложности. Он жил в особняке на Гоголевском бульваре, который приобрёл у наследников Сергея Михайловича Третьякова. В этом особняке сейчас Российский фонд культуры. А тогда Рябушинский стал проводить там экономические беседы, стремясь привлечь на свою сторону интеллектуальную элиту. Приглашали ведущих учёных, ректора Московского университета Мануйлова, известного юриста Новгородцева, представителей бизнеса...

— А артистов, художников?

— Нет. Интересовали прежде всего интеллектуалы, чтобы с их помощью создать общую программу развития страны. Это были обеды, произносились речи, шли разговоры в кулуарах. Однако программа так и не была создана...

— У их современников наследников тоже с программами как-то не складывается... Традиция?

— Аллюзии, конечно, возникали. Позже Рябушинский писал: «К людям бизнеса в России отношение всегда насторожённое, а со стороны интеллектуалов — особенно насторожённое». Да, мало что им удалось в политической сфере. Но как бы там ни было, бизнес вошёл в интеллектуальную элиту. И по уровню образования эти люди вполне соответствовали своим собеседникам.

Они вынуждены покинули Родину после революции, но никто не озлобился, хотя они почти всё потеряли. Когда Париж оккупировали немцы, никто на контакт с ними не пошёл. Хотя в русской эмиграции было крыло, считавшее, что допустимо вместе с Гитлером освободить Россию от большевизма. Рябушинские были убеждены: в этом случае освободили бы Россию вместе с населением.

— Можно ли сопоставить две персоны одного поколения — Владимира Ленина и Павла Рябушинского?

— Оба прожили по 53 года. В остальном ничего общего. Рябушинский был за то, чтобы обеспечить поступательное эволюционное развитие без социальных потрясений, без катаклизмов. У Ленина другой подход: чем хуже для страны — тем лучше для революции. И мечта — возглавить её и осуществить замысел о ликвидации капитализма вместе с его носителями.

Они никогда не встречались, но Рябушинский высказался по поводу Ленина и его сторонников. В августе 1917 года в Большом театре в Москве состоялось государственное совещание — попытка Керенского объединить страну. Не удалось. На совещании каждый из представителей определённого политического крыла выступил с декларацией, и на этом разошлись. Рябушинский призвал людей, которые, как он сказал, претендуют на руководство страной — имел в виду левых радикалов, воспитанных в подполье, не понимавших истинных ценностей жизни, — не следовать своей социальной мечте. Эта иллюзия, прямо заявил он, ведёт Россию в пропасть. Если вы будете продолжать социалистическую демагогическую политику, сказал Рябушинский, Россия неминуемо ожидает «костялая рука голода».

Это его выражение большевики извратили и превратили в обвинение Рябушинскому в том, что он де намерен костлявой рукой голода залушить революцию. Смысл был совершенно иной: если будет принята социалистическая авантюра, она добьётся костлявая рука голода, чтобы все одумались. Он был либерал настолько, насколько Ленин был радикалом.

— А что лежит в основе радикализма Ленина, неистового врага капитализма и капиталистов?

— Говорят, что большинство гениев бывает среди аутистов. Они умные, но в своём мире живут, недоступном для нас. Что касается Ленина, то у него была абсолютная внутренняя убеждённости, что он хочет России добра. И даже не столько России, как всему миру. Мессианская, пророческая идея, что Россия должна поднять флаг борьбы с мировым капиталом, добиться освобождения пролетариата, несмотря ни на какие жертвы. Чего у него точно не было, так это гуманизма, милосердия. Их заменила идея революционной целесообразности. Он был фанатиком идеи.

— Кто из персон того времени может стоять в одном ряду с Рябушинским, кто, возможно, по сей день недопонят и недооценён?

— Коновалов Александр Иванович. Редкого ума человек, прекрасного образования. Великолепный пианист, ученик профессора Александра Зилоти. Виртуозно владел инструментом, ему прочили карьеру сродни рахминовской. Выступал с концертами, но затем оставил. Продолжал играть в узкой аудитории, нередко в квартете с Павлом Милоковым — прекрасным скрипачом. И это был тот самый фабрикант, предки которого 50 лет назад ходили в лаптях. Я уже упоминал его начинания в Вичуге. У него бы-

ло очень осознанное понимание, что надо идти с рабочим классом рука об руку, не конфликтовать, не злить его. Заботиться, создавать нормальные условия существования.

Перед Первой мировой войной он встречался с большевиком Скворцовым-Степановым. Большевики тогда готовили очередную съезд партии за границей, денег остро не хватало. Савва Морозов уже умер, спонсоров не было. Рассчитывали на Коновалова. Скворцов вёл прямую переписку с Лениным по этому поводу. Ленин писал, что надо побольше взять у этого «экземпляра»... Вот так — «экземпляр».

— Презрение такое же, как у дворян.

— Да, деньги готовы взять, но внутренней презираем. У Коновалова был свой интерес — хотел создать нечто вроде объединённой оппозиции: либеральной в основном, но с привлечением части радикалов. Вёл переговоры с эсерами и эсеками, чтобы действовать согласованно. Ничего не вышло, потому что у социал-демократов были свои виды. Они хотели получить деньги, но вместе с либералами действовать не жаждали. Денег Коновалов не дал...

После февраля 1917 года он вошёл в состав Временного правительства как министр торговли и промышленности. Считался лучшим другом подготовленным к этой должности. Довольно быстро понял, к чему идёт развитие событий, и в мае 1917 года подал в отставку. Потом Керенский снова уговорил его вернуться в кабинет. Нехоту, но вернулся. И как раз 25 октября 1917 года во время штурма Зимнего дворца именно Коновалов вёл последнее заседание Временного правительства, когда Керенский уехал в Гатчину за подмогой. Его и арестовали там, затем отправили в Петропавловскую крепость. Но большевики в это время ещё не были столь жестоки. Почти всех министров Временного правительства отпустили.

Через некоторое время Коновалов эмигрировал в Париж, работал у Милокова, вместе издавали самую знаменитую эмигрантскую газету «Последние новости». Очень высокого политического класса был человек.

— Что могли бы пощепнуть наши предприниматели у первого поколения российских капиталистов?

— Главное — воспринять их генеральную идею — эти люди не собирались никуда уезжать, удаче денег было предостаточно. Они хотели жить и работать, и чтобы их дети жили и работали в России и на благо России. Идею патриотизма и теснейшего союза со своей Родиной надо бы воспринять всем и сегодня. Знаю, что сегодня есть большой соблазн: быстро сделать деньги и потом остаток жизни провести где-то там, на тёплых берегах. Но это не смысл жизни, мне кажется. За чем сначала так рисковать и работать, чтобы потом ничего не делать? Вот эта позиция — работайте в России, думайте, чтобы в ней было хорошо и вам, и вашим детям, — вот что отличало мировоззрение тех, о ком мы говорили. Как и — думайте о тех, кто рядом с вами работает. Кстати, одним из самых крупных грехов у старообрядцев, зафиксированных даже в специальном вопроснике, считалось задержание платы рабочему.

Понятно, сейчас такой религиозной составляющей нет в бизнесе, тогда надо использовать нравственно-этическое компоненту, как говорил Иммануил Кант, категорический императив, который заключается в короткой максиме: делай человеку так, как ты бы хотел, чтобы тебе сделали. Очень просто.

Итак — будьте с Россией, живите её интересами. Никаких особых открытий тут нет.

— В заключение хочу спросить о либерализме. Изменилось ли наполнение этого понятия? Наши первые лучшие представители буржуазии были ведь либералами. Сейчас же либерализм чаще всего воспринимается с сильным негативным оттенком. В чём тут суть, на ваш взгляд?

— Этот наш антилиберальный настрой, проклятия по поводу либералов и демократов 90-х годов, мне кажется, что это не очень верно. В политической жизни этот спектр должен присутствовать. И не должно быть такого негативного отношения населения к одному из политических направлений. Либералы — такие же политики, как все другие. Может быть, даже самые «древние» — впервые оформились в Англии. Слово «либеральный» в корне своём — это «свобода», «свободный». Примат свободы, примат законности, противодействие любому незаконному давлению на общество и его представителей...

— И на тот же самый бизнес.

— Да. И на бизнес — это и есть либерализм. Так что я не разделяю антилиберальные настроения, которые распространены у нас. Даже исходя из опыта моих героев — предшественников современных либералов, могу сказать, что либерализм в России — не тушковый путь развития. Это нормальная компонента, которая должна быть. Она не всегда побеждает, не всегда срывает, но от неё не следует отказываться и не стоит демонизировать.

Владимир СУХОМЛИНОВ

ДИРЕКТОР У ДИКТОФОНА

«Читатель нынче тороплив»

Дмитрий Бак о критике, поэзии, литпроцессе и многом другом

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Дмитрий Бак — поэт, филолог, критик, журналист, профессор РГГУ. Родился в 1961 году на Камчатке в посёлке Елизово в семье военного врача. Окончил филологический факультет Черновицкого госуниверситета (Украина), кандидатскую диссертацию защитил в 1991 году в Институте мировой литературы РАН. Автор более 200 публикаций о классической и современной русской литературе, лауреат премии литературного журнала «Октябрь» (2004 и 2012 годы). С февраля 2013 года — директор Государственного литературного музея в Москве.

— Вы известны не только как филолог, критик, журналист и писатель, но и как преподаватель, читаете лекции в университетах, возглавляете Государственный литературный музей в Москве. Выходит, можно объять необъятное?

— Это не так уж необъятно! Все перечисленные мои занятия объединяет русская литература. И потом, я ведь не одновременно всем занимаюсь, так уж сложилось. Скажем, действующий критик должен регулярно писать о новых книгах — так, чтобы читатель его узнавал, интересовался именно его мнением о том или другом сочинении. Я и был таким, но достаточно непродолжительное время и, увы, давно — на рубеже 90-х и 2000-х. То же можно сказать и о журналистике: я это делать умею и люблю, но получается только от случая к случаю, в последнее время почти всегда только если обращаются с просьбой об интервью...

— А не возникает мысли, что одно идёт в ущерб другому? Ну, скажем, что преподавательская деятельность оставляет меньше возможности заниматься литературой, собственным творчеством? Такие нагрузки — это ведь не шутка.

— Я так не думаю. Преподавание — своего рода послушание, смысловая рамка, в которую заключена вся остальная жизнь. Ведь здорово, что каждый год в начале мая, готовясь к лекции, я перечитываю Гончарова, а в апреле — Тютчева... Про критику я уже ответил: это по большей части дело прошлое. Что касается «собственного творчества», то я во многом человек устный и удачную лекцию считаю не меньшим достижением, чем что-нибудь написанное и опубликованное. Кроме того, общение со студентами — дело совершенно незаменимое: от комплексов оберегает, и от нытья, что, мол, молодое поколение у нас не такое да не этакое. Часто так говорят те, кто это самое поколение видит только в телевизоре. Молодые, сильные, энергичные собеседники вокруг — это может быть лучше? Такого вдохновляющего общения у меня много, спасибо студентам РГГУ и Школы-студии МХАТ. Что до нагрузок — тут вы правы, иногда нелегко приходится. Но ведь всякий лекционный курс — это как любимое дитя: если его не пестовать, отбивается от рук. Вот я когда-то лет десять читал в университете курс по истории русской критики XIX века, а потом передал его своему бывшему аспиранту. И теперь чувствую, что этот материал меня покинул, лёг куда-то в дальние пласты памяти, это для меня потеря.

— Кстати, о Литературном музее. Что изменилось с вашим приходом в феврале этого года? И что ещё изменится?

— Мне самому нелегко судить, об этом лучше спросить моих коллег, а также посетителей музея. Мне кажется, о Литературном музее стали чаще вспоминать, но больше не находится в информационном вакууме. Мне часто приходится говорить о разительной диспропорции между потенциалом Гослит-

музея (кстати, самого значительного по объёму и составу фондов литературного музея России) и его реальным местом в отечественной культуре. Кое-что сделать удалось: провели несколько крупных выставок, самая значительная состоялась в Большом Манеже: приобретённые Министерством культуры для ГЛМ материалы парижского архива Алексея Ремизова. Осваиваем новые области работы, стремимся стать площадкой, на которой бы вели дискуссии ведущие профессионалы, связанные с литературой, — не только писатели, но и критики, издатели, переводчики... Открываем отдел музейной педагогики, будем развивать просветительские программы для детей и взрослых, в том числе туристические. Собираемся запускать несколько издательских проектов. Но главная задача — к 80-летию музея (2014 год)

— В начале XX века критики наперебой говорили, что писатель измещался. А что можно сказать о нынешнем времени?

— Мне кажется, что в наши дни поэт — больше не больше, чем поэт. И, знаете, я по большому счёту не против. Если от писателя ждут, что он будет и политиком, и религиозным пророком, и экономистом, и психологом, — это свидетельствует о глубоко неблагоприятном состоянии, в котором нельзя свободно говорить о религии или о политике. Пусть сапоги тачает сапожник и пироги — тот, кому следует, печёт. Тогда лучше будут

поняты задачи литературы как таковой.

— Почему писатели перестали быть «властителями дум»? Можете ли вы представить ситуацию «литература без читателя» и будете ли продолжать писать, если это станет явью?

— Словесное начало, с точки зрения многих, уступило первое место визуальному, литература чрезмерно усложнена, неспособна поспеть за временем. Я не из числа скептиков, я буду продолжать читать «бумажные» тексты, что-то писать, это мои привычные занятия, а привычки менять мне уже поздно.

Три обязательных вопроса:

— На какой вопрос вы бы хотели ответить, но я его вам не задаю?

— Это был бы вопрос о моей сегодняшней литературной работе. Ответ прост: я вот уже скоро двадцать лет работаю с рукописями замечательного русского поэта Арсения Тарковского, при постоянном доброжелательном содействии и незаменимой помощи Марины Арсеньевны, его дочери и биографа, а также многих и многих историков литературы, архивистов. Есть несколько замечательных издательских проектов, например, научное издание стихов Тарковс-

кого в серии «Новая библиотека поэта», которая выходит под редакцией Александра Кушнера. Все сроки представления результатов моих трудов давно прошли, но я надеюсь, что финишная прямая близка и, вопреки вечной нехватке времени, уже очень скоро я смогу вслед за классиком воскликнуть «окончен мой труд многотелный». Марина Арсеньевна, Александр Семёнович, простите великодушно мои опоздания, комментарии будут даны, большой русский поэт будет наконец издан с комментариями, с учётом всех рукописных редакций!

добиться центрального здания, которого мы лишены более 40 лет, и это, по-моему, преступная расточительность. Ведь из всех литмузеев только наш, в силу разнообразия своих фондов, способен обеспечить масштабную экспозицию по многовековой истории русской литературы и книжности.

— Стали чаще говорить о Литмузее? Не уверен. В писательских кругах он давно не является предметом обсуждения. Его вроде бы и не существует. Вот о Литинституте говорят постоянно, хвалят, ругают, но он на слуху...

— Я уже говорил об информационном вакууме, в котором много лет находился музей, — в значительной мере по вине «внутренним» причинам. Хотя и внешний мир изменился: возникли новые технологии хранения, экспонирования, управления, информационного сопровождения, здесь мы по-прежнему отстаём от требований сегодняшнего дня, надеюсь, это ненадолго.

— Вы, помимо всего прочего, ещё и поэт. Не деботировали книгой стихов «Улики» только три года назад, то есть в достаточно зрелом

— А не обидно, что к поэтам вас не причисляют? Или причисляют достаточно редко. Это ведь беда многих поэтов, активно пишущих критику, публицистику, занимающихся культуртрегерством. Обычно обсуждают их громкие статьи и проекты, а стихи воспринимаются в качестве дописка. Мол, человек талантливый, он и в рифму умеет...

— Нет, всё это не обидно, ни в коем случае. Это ведь объективная вещь — если человек известен чем-то помимо поэзии, то и поэтому его многие автоматически считают «по совместительству». Но я знаю, что есть люди, которые дали себе труд вчитаться в мои тексты по-настоящему, вне связи с послужным списком. Несколько суждений в печати было высказано, близко совпадающих с моим собственным ощущением по отношению к стихам. И на том спасибо!

— Вам как члену Союза писателей России не горько от того, что сейчас происходит с этой структурой? Писательский профсоюз превратился, по сути, в богадельню. Престарелое руководство, взяв пример с Брежнева,

требован. Критики прошлого (от Николая Надеждина и Виссариона Белинского до Марка Шеглова и Игоря Делкова) стремились пояснить, к какой традиции относится тот или иной автор, книга, из какого контекста они выросли. Более того, критики пытались наметить верные, по их мнению, пути будущего развития литературы. Сейчас в большинстве случаев о книгах пишут не критики, а (как бы верно подобрать слово?) «ревьюеры». Для них главное — в очень кратком (чаще всего — газетном) формате объяснить торопливому читателю, «про что» книга и почему её надо приобрести. А читатель нынче тороплив, потому что привык сплошь да рядом использовать технологии комфорта, прибегать, например, к услугам программиста, который только и желает, чтобы человеку жилось проще, так и норит макрокоманду придумать, чтобы вместо шести нажатий на клавиши было достаточно одного. Вот и рецензия-обзор рассчитана, так сказать, на одну экранную прокрутку: пробежал глазами — и сразу понял, какое от-

ношение к тебе имеет рецензируемая книга. Это очень далеко от привычной критики, её задачи для ревьюера непосильны. А корпоративные интересы блюдутся, конечно, но без этого никогда не обходилось: вспомним баталию «Литературной газеты» и «Северной пчелы» в 1830 году или споры «Октября» и «Нового мира» в конце 1960-х!

— В своё время много нареканий вызывали ваши проекты, в которых вы представляли современную русскую поэзию. Например, антология «Стихи года. 100х1». Вас обвиняли в необъективности, в том, что делаете рекламу друзьям и идейно близким авторам...

— Так говорили те, кто попросту не прочитал предисловие. Речь ведь не о лучших стихах 2007 года. Выстраивать иерархию, определять лидеров и аутсайдеров — вещь слишком серьёзная, я такую ношу на себя не взваливал. Я просто составил книгу своих собственных, субъективных читательских впечатлений 2007 года, о чём прямо и написал в предисловии. Это было интересно: прочитать сотни журнальных подборок, поэтических книг и выбрать сто «зацепивших» стихотворений — по одному каждого из ста поэтов. И авторы эти не обязательно «лучшие» — бывает, что поэт сам по себе не очень масштабный, но особенно известный, а конкретный текст удачен. Более того, в списке авторов книги — и ныне покойный историк литературы Лев Осповат, и прозаики Аксёнов (также от нас ушедший) и Прилепин, и певица Арсенина. Мне говорят, почему Арсенина, а не Гребенщикова? Мой ответ — да просто потому, что это антология впечатлений, а не книга иерархий, не ставил я целью выбрать лучший рок-текст года! Гребенщикова почитаю, но в 2007 году его поэтические публикации мне не встретились. Вообще словосочетание «стихи года» очень условно — журнальные публикации обычно не датируются, поэтому очень вероятно, что в 2007-м впервые напечатаны стихи, написанные раньше. Скажу больше: если бы мне пригласили стихи Слуцкого или Тарковского, впервые опубликованные в том году, я бы и их не преминул включить в книгу...

— А что вам не нравится в современном литпроцессе? Что вы хотели бы — чем чётче не шутит — изменить? У вас ведь больше возможностей для этого, нежели у рядового труженика пера. Вы ведь не только пишете, но и преподаёте, входите в жюри крупных премий, от вашего мнения многое зависит.

— Непростой вопрос. Мне не то чтобы не нравится, но кажется непривычным для русской литературы, что в прозе, по сути дела, отсутствуют направления, школы, группировки, есть аморфное поле конкурирующих издательских стратегий да стоны и жалобы тех, кто остался на обочине. То есть критики свои конструкции по-прежнему строят, но их «обоймы» не очень-то на слуху у широкого читателя. Наверное, это происходит потому, что романы и повести гораздо реже впервые публикуются в журналах, то есть там, где раньше были «прописаны» литературные критики. «Направление» классического толстого журнала — в прежние времена это была вещь очень серьёзная, тут не могло быть внутренних противоречий. А в разных редакциях одного и того же крупного издательства вполне могут выходить в свет книги очень разные — и откровенно рассчитанные на низкий вкус, и серьёзные, даже усложнённые. Издаём и Гоголя, и милорда Глоупо, и никаких тебе противоречий — просто работа с разными фокус-группами читателей...

Беседу вёл Игорь ПАНИН

ОСТОРОЖНО: ПРОФАНАЦИЯ

Тизер и мизер

Квазителерный креатив просто зашкаливает. Промоакция «Новости от классиков», направленная на «повышение интереса к чтению», с огнём поддержана ведущими новостными порталами, радиостанциями и социальными сетями. Казалось бы, можно вздохнуть спокойно. Но вздох отчего-то замирает в груди...

В сонм терминов, пришедших из сферы рекламы и стремительно приживающихся среди родных офисных осин, внедрилось словечко «тизер» (teaser). По-русски это «дразнилка» или «завлекалка». По-новорусски — рекламное сообщение, содержащее информацию о продукте, при этом сам товар впрямую не называя. Тизерной рекламой забит интернет. Допустим, вам в Сети попадает объявление: «70% браков распадаются после посещения этого сайта». Вы автоматически кликаете его... и перед вами раскрывается реклама моющих обоев. Разочарованы? Ничего! За ваш клик рекламодателю уже закапало. Тизерная реклама, по утверждению креативщиков — один из самых действенных методов монетизации сайта. Недаром к инициативе немедленно подключилось одно из крупных рекламных агентств.

При чём здесь русская классика? А притом что объявление кампания по её срочной тизеризации и переводу на язык «жёлтой» прессы. Скоро на «Яндекс.ру», «Полит.ру», «Ленте.ру», других раскрученных и массово посещаемых порталах и в соцсетях появятся тизер-новости. Вот такого сорта: «Жена высокопоставленного чиновника покончила с собой после ссоры с любовником». Кликаем — и обнаруживаем, что это — интернет-анонс романа «Анна Каренина». Забавно, правда? Или вот ещё пример тизера: «Экологи бьют тревогу: дельтаперы угрожают реликтовой треще». Это — реклама пьесы Чехова «Вишнёвый сад». Идём дальше: «Невеста сбегала со свадьбы к собственному убийце».

Кликаем — и анонс дешифруется: «Полиция Адмиралтейской части Санкт-Петербурга раскрыла убийство гражданина Б., произошедшее в доме на улице Гороховой, 38. Ранее там же был обнаружен труп потерпевшей. В помещении при этом находились двое лиц, идентифицированных как уроженцы Санкт-Петербурга, — граждане Р. и М. Подозреваемые были взяты под стражу до выяснения обстоятельств. Гр-н М. был отправлен в психиатрическое отделение в силу своей недееспособности...» Это — сюжет романа «Идиот». Ха-ха-ха! «Дворник-президиент оказался жестоким догхантером». За этим перлом скрывается, вы не поверите, тургеневская «Муму»!

Оригинальная идея якобы состоит в том, что «новость» о преступлении на бытовой почве или пародия на Гринпис возбуждают в пользователей такой неудержимый интерес к классической литературе, что они в кафе «Жан-Жак» не пойдут, про митинг позабудут, а засядут не отрываясь читать Достоевского и Чехова. Ведь до нынешней придумки хипстеры были уверены, что русская классика — это скучноватая скучища, напичканная нудными назиданиями. А тут психи, садисты и болютные наёмки! Роман Горького подаётся таким способом: «Мать одного из лидеров оппозиции, возможно, будет осуждена на длительный срок тюремного заключения». Кликаем — выскакивает: «За участие в несанкционированном пикете задержана и привлечена к административной ответственности жительница Москвы В., 55 лет, работница одного из муниципальных учреждений столицы». ИМХО, это же Власовна! Актуальное пошло!

Но тизерная реклама — только начало кампании. Интернет-пользователи смогут сами вволю покреативить, сочиняя анонсы похлеще приведённых. Ведь, как уверены идеологи

акции, для того чтобы сочинить тизер, надо заглянуть в высмеиваемую книгу. Да бросьте, ребята! Где тизер, там требуется мизер — знаний, культуры, совести. За глаза хвалят издательской аннотации и «краткого содержания», щедро рассыпанного в интернете. А сколько отобьют в ходе рекламной акции, мы никогда не узнаем. Это только в преферансе мизер — игра без взятки.

Затем лучшие образцы глума отберёт жюри. Кто же в него входит? Ну, конечно, Д. Быков — у кого больший опыт выставления классики со времён «Гражданина Поэта»? И, конечно, И. Ургант — он, собственно, и начал процесс литературной тизеризации в эфире (об этом мы писали не раз). А уж присутствие крупного специалиста в области педагогики — В. Гай Германики — обеспечит конкурсу достойную экспертную оценку. После чего закладки с анонсами победителей раздадут в крупных книжных магазинах и распространят в школах (!). Пусть дети учатся монетизировать остатки программы по литературе, а не тратить время на её бесплатное усвоение. Ну а самых остроумных ослативят приглашением на церемонию награждения премии «Большая книга» и на ярмарку интеллектуальной (!) литературы Non/fiction. Потому что читать каждый дурак может, а стёбать — только истинный интеллектуал! Как Ваня Ургант.

На самом деле в такие игры студенты-филологи заканчивают играть примерно к концу второго курса. Но в любой момент могут, если надо, и продолжить. Вот вам загадка-тизер навскидку, по горячим, так сказать, следам: «Провальный код Герцена». Кликаем — выскакивает: «В Ятке (нынешний Киров), на месте старого офиса предприятия «Кировлес», найдена неизвестная зашифрованная рукопись революционера-демократа А.И. Герцена, отбывавшего здесь ссылку. Инициатива учёных, взявшихся за это дело, оказалась провальной: им удалось расшифровать только одну фразу автора бессмертного вопроса «Кто виноват?»: «Трудно будет народ тому, кто не в ладах с законом».

Максим МАКАРОВ

ГРИГОРИЙ БАКЛАНОВ — 90

Навеки лейтенант

Твардовский сказал о мальчиках этого поколения, что они «выше лейтенантов не поднимались и дальше командира полка не ходили».

Григорий Бакланов так рвался в армию, что ушёл из техникума, чтобы экстерном окончить школу: ходили слухи, будто первыми будут призывать тех, кто сдал экзамены за десятилетку. Доброволец, самый юный рядовой гаубичного полка Северо-Западного фронта, Бакланов вспоминал свой первый страшный военный опыт: «Обмороженных в ту зиму было больше, чем раненых». Звание лейтенанта получил в августе 1943-го, после ускоренного выпуска из артиллерийского училища. Командовал взводом управления артиллерийской батареи на Юго-Западном и Третьем Украинском фронтах. Воёвал на Украине, в Молдавии, Румынии, Венгрии, Австрии. Был тяжело ранен, контужен.

С войны не вернулся оба его брата. Из двадцати одноклассников, ушедших на фронт,

вернулся он один — с боевым орденом и медалями за взятие Будапешта, за освобождение Вены. По дороге из Австрии домой его, победителя, чуть было не исключили из партии. Артиллеристы в эшелоне перебрали на радость. Командир полка заметил и поднял скандал на всю бригаду. В 91-м Бакланов вышел из партии сам...

Писать о войне он не спешил. Первую военную повесть «Южнее главного удара» — о сражении за венгерский Секешфехервар — написал в 1957-м. Потом была «Пядь земли» — о защите небольшого плацдарма на правом берегу Днестра, которая уже имела огромный успех и во многом определила параметры

«лейтенантской» литературы. «Мы не только с фашизмом воюем, — мы воюем за то, чтоб уничтожить всякую подлость, чтобы после войны жизнь на земле была человеческой, правдивой, чистой», — говорит герой «Пяди» лейтенант Мотовилов. А известнейшую свою повесть «Навеки — девятнадцатилетние» Бакланов закончил, когда ему было уже за 50. В интервью говорил о своём поколении уже с позиции старшего: «Я думаю об этих юношах — святых, честных, самоотверженных исполнителей своей долгу, — с отеческим чувством думаю о них, мне больно, что так рано оборвались их жизни». За эту повесть Бакланов получил Государственную премию СССР (1982).

Но литературная известность фронтového поколения имела свою оборотную сторону. Популярность «мирных» произведений этих писателей, которых критика много била за «ремарковщины» и «хемингуэвщины», не шла ни в какое сравнение с их окол-

ной прозой. Бакланов — не исключение. Редакторство в журнале «Знамя» держало его на плаву. Тираж журнала при Бакланове достиг миллиона экземпляров. Он, безусловно, входил в элиту советской литературы, был одним из самых благополучных писателей, но никогда не превзошёл успеха своих «лейтенантских» повестей. По ним снимали фильмы и ставили спектакли, но любой писатель ожидает, что вершинами станут его новые вещи. У Бондарева так случилось, у Бакланова — нет. Ни «Мой генерал», ни «Меньший среди братьев», ни одна из первых беспристрастных характеристик А. Солженицына «Кумир». Но его беспардонная и бескомпромиссная фронтная проза, безусловно, стоит в одном ряду с лучшими книгами о той войне — В. Быкова, В. Астафьева, В. Богомолова. Лейтенант Григорий Бакланов выполнил боевую задачу, которую сам перед собой поставил.

Георгий СЕМИКИН

ЭТОЙ ЯРМАРКИ КРАСКИ

Средь книжного зала, случайно

Кому нужна Международная московская книжная выставка-ярмарка? Вот, к примеру, журналистка «Коммерсанта», литературный критик Анна Наринская считает, что ей ярмарка не нужна, и обосновывает это примерно следующим образом: я и так много читаю, а за ММКВЯ не стоит никакой идеи, да и книг по-настоящему интересных (подразумевается: интересных мне, знатоку) там всё равно не найдёшь, хотя кто хочет, конечно, пусть пробует.

Доля здравого смысла в этом есть: вот и издательство «Эксмо», этот великий и ужасный флагман российской книжной торговли, полагает, что пришла пора отделиться от литературы читательской и перейти к литературе смотрительской. Ровно эта мысль приходит на ум, когда обозреваешь центральную выкладку «Эксмо»: это почти исключительно книги, по которым вышли нашумевшие кинофильмы. Тут же краем уха слышишь интервью генерального директора издательства: он радуется, что «эротический триллер» Эрики Джеймс возбудил интерес к чтению. Собственно, тут не поспоришь: возбудил, да. Вот и заключённые американских тюрем, по статистике, тоже особенно любят эту книгу долгими одиночными вечерами.

А как же интеллектуальная литература? А что это за зверь такой? На круглый стол, посвящённый сему редкостному виду, в качестве его представителя был приглашён Юрий Буйда, и уже одно это сделало и без того трудноуловимое понятие «интеллектуальной литературы» практически неосознаваемым. До чего же договорился! Модератор круглого стола Александр Гаврилов сделал блестящий вывод: не только книгоиздатели не знают, кому нужна интеллектуальная литература, но даже сами читатели, которым нужна интеллектуальная литература, не знают, что та или иная книга им нужна, пока не откроют её.

Хаос в желаниях, невнятица в определениях... да что там новая интеллектуальная литература — послушная, как Дмитрий Быков перечисляет места из «Войны и мира», которые надо прочитать (а другие, по определению, не так уж и надо), и наворачивает на красивый, но хрупкий логический остов феерическое количество ерунды, — читатель может усомниться, что интеллектуальна и классика. Ведь не эскадрон же мыслительных её таковой делает. В то же время

Фотопортрет ЕВГЕНЬЕВ

книготорговцы, люди сугубо прагматические, не могут определиться в своих мечтах: чего они хотят от государства — то ли чтобы всячески защищало от пиратов, то ли чтобы обнесло красной ленточкой и оставило в покое. То ли — и такое мнение звучало — чтобы пираты взяли штурвал в свои нечистые, но умелые руки и спасли утопающее в мутных рыночных волнах литературное чтение.

А теперь отставим иронию в сторону. Была ли ММКВЯ-2013 интересна завязанному книжнику? И просто читающему человеку? Ответ — в обоих случаях — положительный. «Просто читающему» найдёт здесь популярные (в том числе безусловно заслуживающие прочтения) книги во всём доступном разнообразии и по цене, существенно более низкой, чем в магазинах: к примеру, «Хроники раздолья» Павла Санаева и «Всё о муми-троллях» Туве Янссон здесь были дешевле на 100 рублей, «Красный свет» Максима

Кантора — на 90. Про то, что найдёт матёрый книжник, поговорим подробнее.

Прежде всего ММКВЯ-2013 порадовала присутствием региональных издательств. Да, они не всегда представляют новинки, случается, привозят книжки пяти- и даже десятилетней давности. Но что это за книжки! И где ещё вы найдёте их! Книжки о местных народных промыслах, истории и архитектуре, книга-альбом «Васнецовщина» из Вятки, составленная Ольгой Васнецовой, которая рассказывает о своих предках — художниках, педагогах, священниках, учёных. Книжки из Екатеринбурга — об учёных и промышленниках Урала, красивейшая книга «Возрождение святых» — об Успенском храме на территории российского посольства в Пекине... А как вам такие названия: «Архангельский областной словарь», «Славянское языкознание: Материалы XV международного съезда славистов», «Русский народ: этнографическая энциклопедия», «Творчество В.В. Маяковского в начале XXI века»? Вот книги со стенда Русского фонда содействия образованию и науке: «Несостоявшаяся информационная революция: условия и тенденции развития в СССР электронной промышленности и средств массовой коммуникации» — доктора исторических наук Н.С. Симонова; «Балканский «щит социализма»: оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии в 50–80-х гг.» — заведующего отделом социальных и политических проблем XX века Института всеобщей истории РАН Ар. А. Улуяна; «Полис, логос, космос: мир глазами эллина» — одного из крупнейших специалистов по античной истории И.Е. Сурикова... Это ли не интеллектуальная литература? А вот новинки со стенда Центра книги Рудомино: альбом «Мемориальная библиотека Волошина в Коктебеле: книги и материалы на иностранных языках», отлично изданный сборник «Поэтический мир прапрадедов», стихи Есенина в переводе на пятнадцать языков мира... Неожиданно и приятно вдруг увидели среди символических книжных развалов советские издания: солидную серию «Литературные памятники» Академии наук СССР, старые, ещё 60-х годов, томики ЖЗЛ, книги серии «Библиотека поэта» и «Жизнь в искусстве» — всё в хорошем состоянии и отнюдь не по завышенным ценам...

Есть ли в Москве (хотя бы в Москве) места, где нечто подобное можно найти вне ярмарки? Конечно, есть «Фаланстер», есть «Циолковский», прямо в своих стенах торгует своими книгами Библиотека иностранной литературы им. Рудомино... И всё же книжная выставка-ярмарка, где на огромных площадях собраны русские книги необычайно большого географического и хронологического разнообразия, — это не место, от которого стоит отворачиваться человеку, читающему себя знатоком и ценителем книг. Ищущий обрывает даже то, что не искал специально: для автора этих строк такой сокровенной находкой стало «Пушкиногорье» С.С. Гейченко 1981 года издания. В самом деле: мы порой и не знаем, какой интеллектуальной литературы нам надо, пока не возьмём её в руки.

Татьяна ШАБАЕВА

ПОЭЗИЯ

Неустройство мира

Дмитрий МИЗГУЛИН

Времени последних зритель,
Беспампством дышу,
За чередой событий
Стремительно спешу,
В потёмках спотыкаюсь,
Блуждаю иногда,
Бреду, греша и каюсь,
Неведомо куда...
Но всё же, куда бы дороги
Ни завели в потёмках,
Не забывал о Боге
И каюсь в грехах.
Шагая в ногу с веком,
Стремился всё успеть,
Стался человеком,
А мог бы озвереть...

Печалит неустройство мира,
Тревожит первобытный страх.
И мы творим себе кумира,
И на земле, и в небесах.
В преддверии последних сроков
Не слышим слов, не видим снов,
Своих не слушаем пророков,
Чужих приветствуем волхвов.
Молчим, речам вождей внимая,
Нас поглощает пустота...
И мы давно не понимаем,
Что мы не те, что Русь не та,
Что, обретая постоянство,
Не замечаем смертный тлен,
Что Богом данное пространство
Исчезло в вихре перемен.
И рухнут выси небосвода,
И срванет грозно трубный глас,
И равнодушная природа,
Легко вздохнув, исторгнет нас.

Однажды, в урочные сроки,
Тоска растворится в крови,
Устав от житейской мороки,
Душа возжелает любви,
Но мир беспощадно железный,
В преддверии суного дня,
Своей суетой бесполозной
В унынье вгоняет меня.
Как в эти минуты хочу я
Исчезнуть в сосновой глуши,
Рождественским снегом врача
Ожог мятежной души.
Здесь нынче такие суровы,
Что путника скроют впаде,
Здесь так мне захочется, чтобы
Заблуды все обо мне.
Здесь топится жаркая печка,
Здесь чайник сопит не спеша,
Здесь вновь затрепещет сердечко,
И тихо отпадет душа...
За окнами синими стынют
Насквозь промороженный лес,
Молитва из этой пустыни
Быстрой долетит до небес.

Не надо любви и участия:
Мне это уже ни к чему!
Какое же всё-таки счастье —
Немного побыть одному...
Забудется даты и лица,
И жизнь отойдёт в никуда,
Неслешно молится вершится,
Струится речная вода;
Уймётся ночная тревога,
Печали растают во мгле...
И ты никому, кроме Бога,
Не нужен на этой земле.

А скорый поезд мчится ночью
По разрошенной земле,
И огоньки и огонёчки
Летят навстречу мне во мгле.
Гремят раскаты стужи,
Любовь и ненависть вразброс;
И наши встречи и раслуки
Летят со свистом под откос.
Меняешь всё без сожаленья,
Летишь сквозь звёздную метель,
Осознавая, что движенье —
Твоя единственная цель.

ХАНТЫ-МАНСКИЙСК

ФОРУМ

Под сенью алых парусов

Старый Крым. Гора Агармыш. 23 августа — день рождения великого романтика Александра Грина. Солнце едва-едва показывается из-за горизонта, и навстречу его первому лучам возносятся алые паруса. А где-то вдалеке начинается искриться бирюзовая полоска воды, чтобы, когда взойдёт солнце, превратиться в бескрайнее Чёрное море. По его волнам и подойдёт в сопровождении дельфинов к пристани Феодосии бриг под алыми парусами. 90 лет прошло с тех пор, когда эта феерия (так её назвал сам А. Грин) впервые увидела свет. У людей, в этот день собравшихся на набережной, появлялось что-то необъяснимое в глазах... Именно такие лица и глаза я увидел у конкурсантов и гостей, прибывших на вот уже 5-й фестиваль «Славянские традиции». Он традиционно проходит в последнюю неделю августа на тёплом побережье Азовского моря в г. Щёлкино. И дирижирует этим, по сути своей неуправляемым оркестром, состоящим из поэтов, прозаиков, переводчиков и драматургов, маленькая влюблённая в литературу женщина — Ирина Силецкая.

Фестивальные дни летели, как ветер над морем. С утра — обязательная экскурсия в «литературную Мекку»: Старый Крым, Феодосия, Керчь, Коктебель... Литературные музеи: А. Грина, А. М. Цветаевых, К. Паустовского, М. Волошина, место упокоения Ю. Друниной... А после

возвращения в ДК «Арабат» — обязательные литературные ристалища. Каждый участник «стихоборья» и каждый прошедший в финал фестиваля в той или иной номинации здесь же и сразу получает оценку своего творчества собратьями-конкурсантами по цеху. Это испытание не для слабонервных: одни сходят со сцены под одобрителльные возгласы, а другие — «под шорох собственных ресниц».

А каждый вечер в пансионате «Крымские дачи» — мастер-классы поэзии. Один из них вёл идеолог метаметафоризма К. Кедров из Москвы, а другой — приверженец традиционного стихосложения, известный поэт В. Шемшученко из Санкт-Петербурга. При этом никому из участников не возбранялось бывать в разных мастерских. Каждый выбирал для себя то, что ему больше по душе.

В один из дней руководители поэтических семинаров решили провести совместный мастер-класс. Было жарко. Искры от «скрепённых идеологических клинков» летели снопами, дискуссии напоминали раскаты грома. И это правильно. Всё стоящее рождается на стыке, на изломе, в противоборстве. Единомыслие, единообразие, единоверие в литературе — это сучка, болото, смерть.

Не менее интересно было на мастер-классе прозаиков и драматургов. В этом году «на новенького» из Минска был приглашён известный филолог В. Салеев. Он, знакомясь, отре-

комендовался так: «Я тот, кого никто не любит, я — критик». И тем не менее он был на месте, а его лекция по эстетике вызвала неподдельный интерес участников фестиваля. И, к величайшему изумлению литературной братии, он же стал победителем «литературного теннисного турнира», оставив позади многих самоуверенных, молодых и рьяных.

Одним из значимых литературных событий фестиваля стало открытие мемориальной доски А. Цветаевой, которую создал, привёз и установил в музее московский скульптор С. Мокроусов; он же в прошлом году установил в музее мемориальную доску М. Цветаевой.

Осталось подвести некоторые итоги фестиваля, собравшего под свои знамёна участников из России, Украины, Белоруссии, Англии, Германии, Австрии, Чехии и других стран. Высшую ступеньку пьедестала заняли: Г. Рудь (литературный перевод, г. Москва), О. Лебединская (стихотворение о любви, Украина, г. Днепрпетровский), В. Савостьянов (поэзия, Россия, г. Тула), Р. Мусатов (драматургия, Россия, г. Богородицк), О. Стомина (стихотворение о Праге, Украина, г. Мариуполь).

А ещё на фестивале были: море, солнце, арбузы, дыни, персики, виноградный сок (всякий!) и, конечно же, — влюблённые в литературу люди.

Соб. инф.

ЭПИТАФИЯ

Прощай, варпет!

Ушёл из жизни подлинный подвижник литературы, долгие годы возглавлявший Союз писателей Армении, широко известный на родине и далеко за её пределами, незабвенный Левон Захарович Анян.

Хочу выразить самое искреннее соболезнование родным, близким, друзьям и коллегам покойного в связи с нашим общим горем — невосполнимой утратой замечательного, душевного человека!

Он был удивительно скромным, начисто лишённым каких-либо административных амбиций, солнечным человеком — отзывчивым, немногоговым, мудро разбирающимся в людях — в их слабостях и достоинствах. Он был признанным мастером — варпетом — на избранной им литературной стезе. Он умел дружить и не умел предавать. Он был заботливым рачителем интересов многотрудного объединения писателей.

Левон Захарович Анян без пиара, без помпезности, неторпливо и основательно делал своё благородное дело консолидации всех творческих сил республики, памятуя о том, что если политика всегда разъединяет, то сплавлива-

ет служителей искусства вовсе не идеология, по определению политизированная, а единственно и только культура.

Я долгие годы дружил с этим прекрасным писателем и человеком, и его твёрдое намерение издать в Армении книгу моих стихов в переводе на армянский Сильвы Капутяня, Ваагна Давтяна и других видных поэтов моей исторической родины свидетельствует, на мой взгляд, не только об отзывчивости, но и о деловой принципиальности и неангажированности руководителя Союза писателей Армении.

Глубоко скорбя об ушедшем в лучший мир друге, не имея возможности лично проводить его в последний путь на родине предков, я послал в Союз писателей Армении своё соболезнование как прощальный траурный венок.

Возлагаю его на последнее пристанище единомышленника и соратника в жизни и литературе от имени всех, кто знал его, уважал и любил.

Глан ОНАНЯН

«ЛГ» выражает искреннее соболезнование родным и близким Л. З. Аняняна

ЛИТ ИНФОРМБЮРО

ЛИТКОНКУРСЫ

В Государственном мемориальном историко-литературном музее-заповеднике Ф.И. Тютчева «Овстуг» в Брянской области прошла церемония награждения финалистов Первого Международного литературного Тютчевского конкурса. В номинации «Лучшее философское стихотворение» награждены: первая премия — Сергей Гонцов (Старица, Тверская обл.) и Галина Умывакина (Воронеж); вторая премия — Александр Логинов (Каргополь, Архангельская обл.); третья премия — Максим Жуков (Евпатория, Украина), Екатерина Ратникова (Лобня, Московская обл.), Алиса Саитбаталова (Москва).

В номинации «Лучшее философское эссе» первой премии удостоены Наталья Бельева (Тверь) и Владимир Кантор (Москва). Вторая премия досталась Наталье Вишняковой (Москва). Третья премия — Алексей Савинов (Москва), Александр Торощев (Москва). Многие участники получили дипломы. Почётной грамотой Всероссийского музея им. А.С. Пушкина за большую работу по организации и проведению Перво-

го Международного литературного Тютчевского конкурса награждена директор ГАУК «Государственный мемориальный историко-литературный музей-заповедник Ф.И. Тютчева «Овстуг» Оксана Михайловна Шейкина.

Жюри конкурса «Новая детская книга» объявило имена победителей — сразу шести авторам в здании Российской государственной детской библиотеки в Москве вручили статуэтки и дипломы. Первые два места среди более чем 2,5 тысячи работ заняли Елена Явцкая и Игорь Жуков, авторы «Бопси! Допси! Пум! Или приключения в стеклянном шаре», и Александр Андерсон с «Алексом и монетками». Второе место присуджено Ирине Краевой, написавшей «Колямбу, внука Одежды Петровны», и Елене Ларычевой с произведением «Искры и зеркала». Третьи места заняли «Осенние каникулы» Юлии Симбирской и «Подмываш» Елены Донцовой.

ЛИТФЕСТИВАЛИ

В Парке искусств «Музеон» завершился Мультимедийный фестиваль живой литературы Bookmarket. Он объединяет выступления звёзд,

общественных деятелей и концерты молодых музыкантов. В фестивале приняли участие самые различные деятели культуры: от Андрея Макаревича, который прочёл свои остро социальные «Невольшебные сказки», до автора нашумевшего романа «Облачный атлас» Дэвида Митчелла. Также на фестивале можно было приобрести тома крупных и небольших независимых издательств. Недалеко от книжных палаток располагалась читальная зона, где гости могли отдохнуть и почитать книгу.

В Черновцах закончился четвёртый Международный поэтический фестиваль Meridian Czernowitz. Поэтические чтения, презентации книг, лекции, театральные и музыкальные перформансы, вечеринки «электропоэзии» проходили в бывшей и действующей синагогах, редакции газеты «Советская Буковина», костёле иезуитов, Еврейском доме и черновичских школах. Участники фестиваля — поэты, переводчики, публицисты и музыканты из Германии, Австрии, Швейцарии, Румынии, Молдовы, Польши, Израиля, Великобритании, Беларуси, России, США и Украины. В рамках фестиваля корпорация Meridian Czernowitz представила новый литературный

проект — поэтическое турне Киев—Черновцы—Львов—Берлин—Бремен, которое будет продолжаться до 25 сентября.

ЛИТВЫСТАВКИ

В преддверии фестиваля «Рубцовская осень — 2013» в Вологодской областной библиотеке им. Бабушкина открылись две выставки — книжная и художественная. Обе будут посвящены жизни и творчеству Николая Рубцова. Книжная выставка «Волнуясь, плачу и люблю: Николай Рубцов и его оружие» будет посвящена Вологде 50–60-х годов. Художественную выставку «Плеть mimo родной ветлы» подготовили известные вологодские живописцы — Владимир Корбаков, Виктор Подгорный, Юрий Новосельцев и др.

ЛИТАКАЦИИ

В Самаре, на площадке перед Областной универсальной научной библиотекой, молодые поэты приняли участие в мероприятии из серии «свободный микрофон» — ставшей традиционной литературной пятницей «Стихопад». Каждый выступивший мог представить публике стихи собственного сочинения. На выступление всем давалось не более пяти–семи минут.

ЛИТУРАТЫ

В Мордовии на 92-м году жизни скончался заслуженный писатель республики, поэт-фронтовик Павел Любаев. Наши глубокие соболезнования родным и землякам.

Ушла из жизни Инна Борисова, легендарный редактор «Нового мира» эпохи А. Твардовского. Светлая была память, Инна Петровна.

ЛИТДАТЫ

7 сентября исполнилось бы 90 лет поэту-фронтовику Эдуарду Аркадьевичу Асадову, любимому миллионами читателей. Его книги, выходявшие 100-тысячными тиражами, раскупались моментально, а литературные вечера поэта на протяжении почти 40 лет проходили с неизменным успехом в крупнейших концертных залах страны. В юбилейные дни многие библиотеки России проводят выставки и мероприятия, посвящённые юбилею Эдуарда Асадова.

75 лет исполнилось 10 сентября Анатолию Санжаровскому, писателю и переводчику, автору многих популярных романов, повестей, рассказов, сборников пословиц, поговорок, загадок. Наши горячие поздравления Анатолию Никифоровичу!

МЕСТО ВСТРЕЧИ

Библиотека иностранной литературы
Николаяская, 1
16 сентября — творческий вечер Рады Полищук, начало в 18.30.

Литературный клуб
«Мир внутри слова»
Малая Пирожовская, 5
17 сентября — творческий вечер Ольги Толмачёвой. Ведущая — Елена Зейферт, начало в 19.00.

Книжный магазин
«Молодая гвардия»
Большая Полянка, 28
14 сентября — презентация новой книги Николая Старикова «Геополитика. Как это делается», начало в 14.00.

Кафе «Читалка»
Жуковского, 4
13 сентября — вечер переводов Вяч. Вс. Иванова, ведёт встречу Елена Калашникова, начало в 19.30.

Клуб «Классики XXI века»
Библиотека им. Чехова
Страстной бульвар, 6, стр. 2
12 сентября — вечер памяти Андрея Вознесенского, начало в 18.00.

Мария МАЛИНОВСКАЯ

19 лет, студентка Литературного института им. А.М. Горького. Победитель ряда литературных конкурсов, лауреат премии им. Д.С. Лихачёва, премии «Молодой Петербург», Гран-при «Илья-Премии-2013».

На Земле легко

Снег без неба, дни без счёта,
Тянет вниз молитва — и
С ней по снегу ходит что-то,
А глаза ещё — твои...

До душевной амнезии —
«Отче наш» — разы подряд.
Что в святых местах России
С лучшими людьми творят?
Стой, опомнись! Для того ли
Ты? Мятажный, ясный ты...

Церковь, где лишают воли? —
Знать, с могил на ней кресты!

Лишь псалтырь в церковном сквере...
Вновь и вновь по снегу с ней...
Если так приводят к вере —
Уводящие честней.

ГОНЧАЯ

Гончая-гончая, шубка горячая,
Пу снегу, пу ветру, женской рукой
Повод натянутый, снизу смотрящая
Смерть — начеку —
под ладонью мужской...

Гончая, белая гончая, выследи...
Страшная сила выходит на лов!
Гончая, будь мне — молитва...
И ввысь лети!
Ноги бывают правдивее слов.

Миг укради мне — чтоб руку родимую —
Накрепко! Ляг под призывной пальбой,
В пасти добычу зажав невероятную,
Смерть заматывается перед тобой...

Вспомнит, рванётся,
пугнёт приближением —
Но далека, далека, далека...
Женской ладони чуть явным движением
Слабо ответит мужская рука.

Принеси попить — и не надо звёзд.
В чудеса твои безоглядно верю.
Принеси попить. Молчалив и прост,
В комнату войди, робко скрипни дверью.

Не являйся мне — чуда не твори,
Просто подойди с неказистой чашкой.
Просто поверни ручку на двери,
Легче чудеса — ручка будет тяжкой.

Обними меня, посмотри, как пьян,
Посмотри, как зло...
просто коснись к бабушке тряпью,
К смятым волосам — это будет чудо...

И тогда уйди. Нечего беречь.
Чашку уберу в прочную посуду.
На Земле легко — тягаче после встреч
Дорогих, земных радоваться чуду...

Я же была пироманкой —
божественного огня...
Ты на меня смотри
сквозь стёклышко из угла.

Тело вжимали в пол
три выдубленных ремня.
Я себя славно жгла, я себя славно жгла!
Ты стёклышко опускал,
записывал за столом

Со слуха мои стихи,
молча рыдал в кулак.
Музыка эта была — сущий металлолом.
После давал листки,
дверь открывал: «Всех благ».

Что же там было с тобой?
Что же там было с тобой?!
Не было сил подсмотреть —
еле плелась домой.

Позже узнала, что ты
занимался фигурной резьбой
По телу, для прочности рапы
порой обшивал тесьмой.

Мне об этом сказали врачи,
кто вызвал — понять не могу.
За год без тебя сгорели амбары и сеновал.
Я извивалась, тёрлась спиной
в подождённом стогу.

Ты меня с пёсей мордой день в день
и час в час рисовал.
Дома наплывали на море,
так виделось издали.

Рыбацкие лодки пылали вверх дном —
вниз рыбаком.
Будто пейзажную лирику этого уголка
На слух записал Творец,
с автором не знаком.

Когда ты вернулась,
вырвал из пола все три ремня.
Прикрутил кандалы.
Я легла на раскрошенный старый лак.
Сквозь стёкла очков неотпрывно,
в затылок посмотрел на меня,
Как будто заранее непрекосовно
желал «всех благ»...

Александр КОСТАРЕВ

Родился в 1990 году. Студент философского факультета Уральского федерального университета. Стихи печатались в журналах «Урал» и «Волга». Живёт в Екатеринбурге.

Косточка от поцелуя

ВОСПОМИНАНИЯ О БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ

В те древние, нетрудные года
я жил по большей части в интернете,
повсюду процветала джигурда
такая, что стыдились даже дети.

И каждый сам себе — изгой, герой,
издатель, идеолог, СМИ. Наверно,
однажды это назовут порой
безудержного перепостмодерна.

(Да, кстати, это слово я украл
у некой новгородской поэтессы.)
Так вот, я выходил почти в астрал,
из дома выходя, — такие бесы

встречались мне, что мама не горюй,
но мама, как две трети населенья,
не горевала (я благодарю
её). Ведь не по шучьему веленью

дожил до двадцати, сказать честней:
за пазухой, под Богом (или боком).
И мне приятна память этих дней.
Но ширился контент, лилась потоком

неправды обезличенная речь,
и мы, как расстреленные угли,
ещё могли кого-нибудь обжечь.
Эпоха? Я не знал её. Погусли.

Под деревьями скамья,
вишня сладкая, вот это —

ты сидишь, а это — я,
только позавчерашним летом.

Я теперь и не знаком
с ним. Он медленно из парка
вышел и пошёл, тайком
улыбаясь, через арку,

а потом по мостовой,
перезитое смакуя,
будто прятал за щекой
косточку от поцелуя.

Просидишь весь день за своим компом,
в мониторе тонешь (какая драма!),
и уже не хочется ни о ком,
да и сам едва ли не голограмма.

То ли выпал снег, то ли это фон
за окном сменили опять на белый.
Но настанет утро, и выйдешь вон,
и продолжишь вновь совершать набеги

на места культуры, еды, питья,
а потом срастёшься с толпой
в маршрутке,
где на всё, что мыслится, есть статья,
и любое горе сводимо к шутке.

Просидишь всю ночь, а потом ещё,
а потом уснёшь, и тебе приснится
будто жизнь твоя по щекам течёт.
И её глаза. И её ресницы.

Татьяна ТОПАРКОВА

25 лет,
живёт в Астрахани.

Баба Маша

К бабе Маше мы приезжали нечасто, раз в полгода. Её родственники, дети и внуки бывали ещё реже. Наша дача находилась некогда рядом с её уютным двориком, но потом дачу продали, а старушку стало жалко. Мы с мужем стали проводить пенсию.

Баба Маша была ветераном, но сколько именно лет было этой маленькой и хрупкой старушке, я не знала, а спросить почему-то стеснялась.

Каждый раз, вступая в границы её засаженного деревьями и клубничной двора, хотелось сразу же схватиться за тяпку или грабли, сполоть все сорняки, побелить покосившуюся баню и попросить прохладного русского кваса. Маруся — как её называли соседи — готовила его сама.

Мы привозили ей стопки свежих литературных журналов, газеты, обязательно — подшивку «Огонька». Всё это Маруся читала через огромную лупу, держа в одной руке толстого серого кота или прихлёбывая остывший чай.

В последний раз она позвонила нам в город и попросила приехать. Купила три машины с песком и удобрениями. Время выпало на майские праздники, мы взяли рабочую одежду, несколько газет и журналов из Роспечати и поехали за город.

Село, где раньше находилась наша дача, называлось Рассвет. Я помню этот район пригорода с детства. Когда я была маленькая, то казалось, что солнце там и правда встаёт раньше обычного, что Волга там шире, а воздух свежее. На самом деле это был посёлок с колхозом и Домом культуры. Сейчас в ДК — дискотека по субботам, от колхоза осталась только проржавевшая вывеска. И люди, привыкшие работать на земле. Баба Маша была одной из таких — трудолюбивой и чистой.

Как только наша машина подъехала к завалке дома, Маруся уже открывала калитку:

— Танюша приехала! — обрадовалась она.
Мы обнялись и поцеловались

— Может, сначала за стол? Я блинчиков таких испекла.

— Не, баб Маш, мы сначала поработаем, — ответил мой муж.
Таскать песок было трудно. Нужно было перенести его, а вдобавок и навоз, сваленный у самой калитки, и разбросать всё это по периметру двора.

— Потом мы это всё перекопаем, и клубничка будет расти вот такая, — Маруся показала нам кулак и засмеялась.

К полудню я поняла, что спина больше не выдерживает многокилограммовых нагрузок. Даже в спортзале, таяя гантели и делая жим лёжа, я не уставала так сильно. Но было в этой физической работе одно огромное отличие от фитнеса: я чувствовала, что не просто работаю, а приношу хоть какую-то пользу своим существованием. В данный момент — пользу пожилой одинокой женщине.

В этот момент я задумалась о том, что и она когда-то была двадцатитрёхлетней, молодой и весёлой девчонкой, носила платья и бантики в косах, бегала в кино и любила эскимо на палочке. Только жизнь её сложилась по другому сценарию. Не так, как она, может быть, хотела. Вместо платья была военная форма, вместо эскимо — граммовые порции хлеба, а кино — вся жизнь. При таких мыслях я сжималась в один маленький, но очень плотный кулак и зажмурилась глазами. Мне было стыдно за моё поколение, за моё государство, за моих правителей. Я вспоминала тусовки в ночных городских клубах, дорогое меню в пафосных ресторанах и цены на платья от известных дизайнеров. Я думала, как бесценна и никому не нужна человеческая жизнь. Сегодня — чья-то, а завтра — моя. Мне становилось плохо, и я с ещё большим напором закидывала песок и навоз в тачку, которую муж отвёз потом во двор.

— Баб Маш, расскажите что-нибудь. Давно с вами не виделись, — в моменты, когда мне становилось очень жаль старушку, я старалась расспросить её о чём-нибудь, проявить интерес и, может быть, забыться в разговоре или рассказать про прошлое и настоящее. О будущем мы не говорили никогда.

— Да что рассказать? Андрюшу Малахова вчера смотрела. Про то, как мать ребёнка своего в детском доме оставила, а сейчас вернуть хочет. Кошмар, что творится.

— Ну, так, может, и вернёт и раскается, и заживут хорошо? — я поставила перед собой лопату и смахнула пот со лба.

— Нет, Танечка, не дело это. Ребёнку без матери нельзя. А как мать без младенца — я вообще не представляю. Это же самая сильная связь — между матерью и ребёнком, самая сильная молитва — материнская. Был у нас случай после войны. У женщины дочь на фронт попала. В какие войска — точно не помню. У нас же как было — девки и радистками были, и мосты взрывали, и в разведку шли. Девка немца ты не баба, не мужик. Ты для него — советский солдат. Вот заканчивается война, а вести от дочери всё реже и реже. Сельчанка вся измаялась. Наступил наконец день, когда дочь её вернулась домой. Приехала она к нам на станцию, а со станции надо было ещё километра три до села идти. Встретила на станции соседней своих. Соседка раньше девки до дома дошла. Пришла к матери и говорит:

— Дочь твоя с фронта вернулась. Живая, здоровая. К тебе идёт.

И у женщины той ноги сразу же отнялись. И что ты думаешь? Она на животе навстречу к дочери поползла. Километра два, наверное.

При этих словах Маруся заплакала, и я почувствовала, как большой солёный ком встал в моём горле. И только тогда до меня дошло, что дети бабы Маши не приезжают к ней уже третий год. И это не она от них отвернулась, а выпорхнувшие из Рассвета птенцы полетели навстречу другому — городскому — солнцу.

Захотелось её обнять. Но снова стало стыдно. До сих пор я вино себя, что не обняла её в тот день. Это то не многое, что я могла сделать для старушки. По-настоящему нужное и важное для неё. Быть может, важнее чернозёма для клубничной рассады. И то, чего ей не хватает сильнее всего.

Больше о детях, родителях и войне мы не говорили. Блинки оказались действительно вкусными. Она по привычке вернула нам с собой.

— В городе таких нет, — улыбнулась и помахала рукой на прощанье.

С тех пор прошло несколько месяцев, а старушка всё не звонит. И я не звоню. То ли стыдно, то ли боюсь, что никто не ответит.

Альберт БАГАТДИНОВ

Лина САЛЬНИКОВА

23 года.
Живёт в Краснодаре.

Всё теплее и тоньше

Всё теплее и тоньше. Любви не бывает больше,
чем ты можешь вместить и, рождая, отдать другому.
Моя музыка — часть инструмента, который ожил,
чтобы кончики пальцев твоих повторять дугой
струн в момент натяжения, таинства букв и звуков,
комбинаций ударов под лаковой гладкой кожей.
В тонком горлышке грифа, почти лебедино-узком,
ты, готовая быть словом, вибрируя, ждёшь — и, множась,
растекаешься в струны... Так, часть заменяя целым,
появляемся мы; так — теплее, соприкасаясь.
Я звучу обнажённой нотой, изгибом тела
принимаю любовь, возрождая и осылая.
Ведь её не бывает больше, чем мы вечаем,
а потом отдаём другому. Слова взрывают,
чтобы то, что возникло и длится, не прекращаясь,
стало тоньше всех чувств, вероятнее и теплее.

СЕВЕР

А завтра нас вновь проверят на лютый Север:
в зрачках, на ладонях, на линиях влажных губ... —

Уходим отсюда.
Останутся пороха, перья, увядшие тропы
и выдох большого зверя,

пойманного и убитого на бегу.
Верь мне, я никогда тебе не солгу.
Иначе мне тоже некому будет верить.

Тут всё изменяет, меняется и пустеет.
Весна попадает на землю, стремится вверх.
Живёшь не для тех, умираешь — всегда не с теми,
лучи восковые не греют, а целая в темноте,
и белым костром выгорает земная твердь.
Весна лишь затем, чтоб острой пережить потерю.

Нас ищут, лишённых места в подобном крае,
охотники, не привыкшие отпускать
ни слабых, ни сильных. Мы злимся и выбираем —
по жестам, повадкам и запаху — тех, кто страшен:
нас зовут учили высележивать чужака.
Сильнее других ноет только такая рана,
к которой готовился, но не предвидел — как.

И завтра нас вновь проверят на этот Север,
инстинкты убийцы с холодным и умным лбом,
на нежность и нужность. Весну распускает клевер.
Сердце до выстрела — птица, а после — перья...

Уходим.
Пусть это случается не с тобой.

Александр СТУДНИЦЫН

Родился в 1989 г. в Москве. Окончил МИСиС. Работает экономистом. В 2012 и 2013 гг. был номинирован на премию «Поэт года».

Сонеты

АРХИТЕКТОР

Единственной судьбе предпочитая сотню,
Из безответности украденных имён
Построив улицы, я создал подворотню.

Теперь, когда во тьме мой голос превращён
В пустыню призраков, мне страшно возвратиться
К себе, иначе как нося чужие лица.

Привычным к пустоте безлюдных мостовых
Нетрудно видеть, как меняются местами
Твоё присутствие с моим, и между нами
Толпятся здания, сплотившие живых.

Возможно, в поисках безделиц дорогих,
Меня твой враг убьёт, но с оальными дождями
Ты завершишь мой путь, в слепой оконной раме
Оставив образ мой в безличии других.

РАССТАВАНИЕ

В кольце дождливых дней, свернувшись в спираль,
Найди опору снам, блуждать союзом или
Вдоль перекрёстка чувств и скоканных фамилий
Знакомых и друзей я не смогу, а жаль.

Я мог бы подарить изысканную шаль
Тебе взамен цветов, о коих мы забыли...
(В том лишь моя вина!) из двухнедельной пыли
Они растут уже незримо как печаль.

Простуда порвала запутанные сети
Моей земной любви, в своём безликом свете
Мечты сжигают ночь, сгоняя сквозняки.

За стенами дождя я вижу только стены...
Ряд фотографий, в них мы сжаты тьмой в тиски
Случайных двойников, как призраков измены.

Дождливая страна
В стеклянных поездах бездомных отражений
Горят огни тревог и призрачных решений,
Не освещая лиц позбишего дождя.

В летящий листопад незавершённой тени
Влетают дома, где много лет спустя
Нас напугает шум бессонных привидений.

Осенняя тоска хранит луномана,
И в них мы тратим цвет, напоминая синий,
Не замечая пульс таинственной пустыни,
Стучащий по вискам разбитого окна.

Когда же праздный дух, бесцельный как струна,
Расплывится в руках у партитурных линий,
Лишь лёгкие штрихи потерянной святости
Укажут светлый край, где спит моя страна.

ПЯТИКНИЖИЕ

ПРОЗА

Екатерина Рощина. **Нравы города Ставрова.** — М.: Издательский Дом Куприянова, 2013. — 247 с. — 300 экз.

Небольшая, изящно изданная и прекрасно проиллюстрированная книжка рассказов, которые вместе образуют цельное повествование о типичном русском захолустье, хотя и входящем в окружение Золотого кольца — городе Ставрове. По жанру это, скорее, повесть в рассказах, где герои переходят из одного текста в другой. И герои эти — не бандиты и их подружки, не олигархи и политики, а люди. Обычные русские люди, мечтающие о счастье и большой любви. Журналист Кумачёв бежит за ним в Ставров из Москвы. Он, как всякий русский журналист, жаждет писательской славы. Вот только не может завершить ни одной рукописи. Поисками любви, её обретением и последующей потерей пронизаны все рассказы сборника. Но в той же мере они пронизаны приметами и зависимостями современного мира. Например, интернет-перепиской между людьми, которым, кажется, сам Бог велел быть вместе. Неслучайно даже в названии вплетена такая примета — значок «собаки». И всё же Ставров живёт не по виртуальным законам, а по законам жизни. Непридуманной. Такой, какую получается прожить.

ПОЭЗИЯ

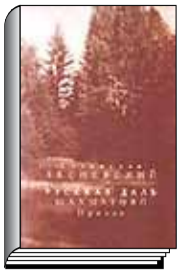
Анатолий Преловский. **Душа-Сибирь.** Книга стихотворений и поэм. — Иркутск: ООО «Форвард», 2013. — 407 с. — 1000 экз.

Преловский был иркутянином, сибиряком, а шире — большим русским поэтом. Очень жаль, что только родной край сегодня помнит об этом: книга вышла в Иркутске усилиями вдовы поэта, многолетней сотрудницы «ЛГ» Виктории Преловской, и автора «ЛГ», друга семьи Преловских — известного адвоката Марка Крутера. Конечно, память о каждом ушедшем прежде всего хранят его родные и близкие. Но творчество Анатолия Васильевича, его подвижнический труд переводчика принадлежат всей России. Такое впечатление, что в писательской и издательской столичной среде об этом прочно забыли.

*В обиходе смертей и рождений,
В смене будничных встреч и потерь
Не сулит никаких открытий
Жизнь чужая: хоть верь, хоть не верь,
А лишь только своего, своего
Жизнью — больше, чем смертью своей,
— Сможешь выразить смысл и идею
Пребыванья средь звёзд и людей.*

Жизнь Анатолия Преловского — лучшее подтверждение его стихов. Для него это были вещи нераздельные. Как утверждал В. Жуковский: «Жизнь и поэзия — одно».

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Станислав Лесневский. **Русская даль. Шахматово.** Пролог. — М.: Прогресс-Плеяда, 2013. — 80 с. — 1000 экз.

Станислав Лесневский — известный литературовед, историк литературы. Роль его в основании Музея-заповедника Александра Блока в Шахматово невозможно переоценить. Труды Лесневского это место встало в один ряд с другими литературными «гнездами» — Спасским-Лутовиновым, Ясной Поляной, Константиновом и Тарханами. Именно прологом к творческой биографии стало дело Блока Шахматово — место, где он, по его же словам, «хотел бы жить». С 1970 года — опять-таки стараниями автора — здесь ежегодно проводится Блоковский праздник поэзии. Мало кто из современных стихотворцев не читал стихов, стоя на воспетом Блоковом валуне. И все утверждали, что в Шахматово некая особая акустика. Сегодня усадьба переживает непростые времена. Может быть, книга С. Лесневского поможет осознать важность сохранения этого заповедного уголка. В книгу включены и малоизвестные материалы: в «Приложении» опубликовано письмо прапрадеда поэта тогда ещё барону Аракчееву — дошедшая до нас весть из далёкого XVIII века.

БИОГРАФИИ

Наталья Скороход. **Леонид Андреев.** — М.: Молодая гвардия, 2013. — 430 с.: ил. — (Серия ЖЗЛ). — 5000 экз.

Об Андрееве сказано немало — чем же выделяется книга Натальи Скороход? Прежде всего перед нами книга, написанная драматургом, и это очень заметно. «Чувство пространства, принципиальность окружающей среды» — эти андреевские свойства очень близки автору биографии. Скороход собирает своего героя «из рассеянных по текстам мелких фрагментов», перед нами искусно составленный спектакль... скорее даже моноспектакль, в котором выразительное сценическое действие воплощает один актёр. «Андреев красив», — на все лады повторяет Наталья Скороход, и против этого, разумеется, не может быть никаких возражений, кроме субъективных. «Андреев для всех», — говорит она, противопоставляя его «рафинированному Бунину», — и это уже куда более шаткое утверждение. Так или иначе, оно действительно «ухитряется совмещать мастерство большого писателя с ремеслом бульварного». Скороход видит в этом проявление гениальности, но даже независимо от этого двуличность и гибкость Андреева — интереснейшая особенность.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Даниэль Дефо. **Робинзон Крузо.** — М.: Клевер, 2013. — 224 с. — 3000 экз.

Выпустив в свет (в который раз!) прославленного «Робинзона Крузо», издательство «Клевер» сумело соединить книжные традиции — знаменитый перевод-пересказ Корнея Чуковского и выполненные в реалистической манере отличные иллюстрации Игоря Ильинского — с гибкостью и разносторонностью современной интернет-энциклопедии. Попутно с приложениями Робинзона читатель узнаёт об особенностях морских штормов и корабельной службы, о добывании огня и приготвлении чернил из подручных материалов, а также о набожности островного затворника, которая в советский период из книги вымарывалась. Географические карты, типы и схемы кораблей и оружия, рассказы о настоящих «робинзонах» (на которые опирался Дефо) и отсылки к исторической хронике сопровождают жизнь славного англичанина. Можно усомниться в том, что все исторические подробности здесь уместны (так как не все они имеют хотя бы косвенное отношение к сюжету), однако в целом опыт издания, где объединены лучшие традиции и современные веяния, можно назвать успешным.

КНИЖНЫЙ РЯД

Просто о жизни

Ирина Сергеева. **Любовь моя, душа моя, или Семейные тайны.** Роман в трёх частях. — СПб: Контраст, 2013. — 292 с. — 1000 экз.

Роман Ирины Сергеевой, известной петербургской поэтессы, — первое отдельно изданное прозаическое её произведение. Роман относится к тому литературному жанру, который сейчас принято называть «просто о жизни». Это реалистическая история о сегодняшнем дне, о мужчине и женщине, которые живут на первый взгляд обычной жизнью — работают, встречаются с друзьями, влюбляются, попадают в неприятные и даже опасные ситуации... Оба главных персонажа неординарны. И Павел, и Варя — люди думающие и чуткие, интересующиеся духовными вопросами, ищущие себя и своё счастье. Этим поискам, самосовершенствованию и обретению настоящей возвышенной любви и посвящён роман. Правда, перед тем как центральные герои придут к счастливому финалу, им придётся многое испытать, многому научиться, в том числе и на собственных ошибках.

Судьбы у них очень разные. Павел Глинский, 40-летний деловой человек, изначально был далёк от духовной жизни. Всё меняется после смерти его второй жены: Глинский знакомится со священником, которому она исповывалась перед смертью. Вскоре он уже активно участвует в восстановлении полуразрушенного храма и привлекает к этому доброму делу своих друзей. Героиня, наоборот, выросла в религиозной среде,

но потом вышла замуж и отошла от Церкви. Однако после того как её супруг оказывается брачным аферистом, а сама она теряет ребёнка и едва не погибает в автокатастрофе, Варя идёт в храм. Её путь назад оказывается ещё более сложным, чем путь Павла вперёд. Раскаиваясь в своём легкомысленном прошлом, Варя порой не верит, что теперь, после совершенных ошибок, она имеет право на счастье.

Но не стоит думать, что «Любовь моя, душа моя» — роман только о любви. Важное место занимает в нём ещё одна тема — интерес к прошлому, к истории своей семьи и всей страны в целом, поиск собственных корней, память о предках. Биографии родственников Павла и Вари, часто непростые и полные трагических событий, оказываются тесно связаны с событиями российской истории XX века, тоже страшной и трагической. Надо ли говорить, что эта тема

ещё долго будет очень актуальной для российских читателей. Ирина Сергеева призывает читателей, интересующихся своими корнями, не отступать. Ведь её героям удалось раскрыть все свои семейные тайны, найти ответы на волновавшие их вопросы о прошлом — и, возможно, именно поэтому они получили ещё один шанс на счастливое будущее.

Интересна и необычна композиция романа. Первая и вторая его части почти не зависят друг от друга: в одной из них рассказывается о Павле, в другой — о Вале, и каждая история кажется самостоятельной сюжетной линией. А в третьей части эти две линии сливаются в одну, что выглядит очень символично: точно так же главные герои сначала жили каждый сам по себе, а потом для них началась новая жизнь — одна на двоих.

Татьяна АЛЕКСЕЕВА

«А старики снова лапти плетут»

Если вы хотите чтения лёгкого, но не легкомысленного, грустного, но не печального, смешного, но не доходящего до примитивно-эстрадных смеховых колик, то эта книга для вас.

Что такое роман-таблонт? Как объясняет автор, это его собственный, изобретённый им жанр современной литературы. В таблонте должна быть фантастическая смесь вымысла и документальности, немного от анекдота, немного от пародии на нашу сегодняшнюю жизнь с обязательным использованием сленга и слёба, характерного для поколения пользователей интернета.

Роман Александра Купера — пародия на реалии нашей жизни, на мأسкулт во всех его проявлениях. Однако за ироничным мировосприятием кроется искренняя тревога за Россию: «У нас в России самая бедная

страна — Рязань, — рассказывал Степан. — Меня из Рязанской области на фронт забирали. В военкомат я пришёл в лаптях и в холщовой рубашке. В деревне нашей про электричество тогда не слыхали. Правда, трактор один в колхозе был... Тут в прошлом году приехал — могилки родителям поправить. Не то что электричество света — а автолавка с хлебом раз в месяц приходит! А старики снова лапти плетут. Называется «возрождение народных ремёсел!» О как! Вот теперь и сравните нынешние жизни с 1913 годом». А вот вполне анекдотичное: «По Марксу, бытие определяет сознание. По Матюшину — питье». Доброму ироничное послание от славянофила западникам: «Русские вообще последнее время в отличие от времён Ивана Грозного и Гришки Отрепьева любят всё новое, прогрессивное и передовое.

Александр Купер. **Флейта Крысолова.** Русская пастораль. Роман-таблонт. — М.: Художественная литература, 2012. — 511 с. — 1000 экз.

Очень сильно мы потянулись к Западу». Патристически-философское: «...если ты улываешь морем, разли садись в самолёт, разве твоя грусть становится меньше грусти на железнодорожном перроне? Всегда есть подозрение, что ты уже никогда не вернёшься — в любимый город, в родную страну, к случайным людям, которые, пусть даже на короткое время, стали твоими соплеменниками. И пусто становится на душе».

Но в романе есть не только размышления о русской доле, но и весьма закрученный сюжет. Пересказывать его не имеет смысла, скажем лишь, что присутствуют все вечные темы: дружба и предательство, правда и обман, любовь и смерть. Особенно трогательна сю-

жетная линия «дорожной феи», плечевой (так называют таких девушек дальних походов) Лизы Лапыриной, судьба которой заканчивается вполне трагически, без всякого стёба.

Александр Купер — хороший рассказчик, умеющий увлечь читателя не только любопытной историей, но и самим способом повествования: с одной стороны, отстранённо-иронично, с другой — доверительно-сердечно. Не чуждо стилистике Купера и нечто эпическое, охватывающее все стороны существования. «Пастораль русской жизни на стыке двух веков», — сказано в предисловии. Пожалуй, с этим можно согласиться.

Кира ТВЕРДЕЕВА

ЛИТПРОЗЕКТОР

Премия без героев

При Пушкине литературных премий не было. В 1831 году, правда, предприниматель Павел Демидов (из того самого уральского рода) учредил награду собственного имени «для преуспеяния словесности и промышленности в Отечестве». Победители избирались не притихтою богача — решением Академии наук. В советскую эпоху первая литературная премия (равно как первое метро и всеобщее начальное образование) появилась, нетрудно догадаться, при том при самом... При Сталине, одним словом. Денежный приз — до ста тысяч рублей — выплачивался из гонораров, полученных наиболее известным после Шота Руставели грузинским поэтом за издания в стране и за рубежом. Тут бы и поехидничать: на какие социально полезные дела пускают свои доходы авторы нынешних бестселлеров (все сплошь — критики усача во френче)? Но лучше назовём некоторых лауреатов первого сезона Сталинской премии в области литературы и искусства за 1940/41 год. Проза — Шолохов, «Тихий Дон»; поэзия — Твардовский, «Страна Муравия»; литературная критика — академик Грабарь, монография «Релин». Да, главному спонсору можно предвещать очень много вопросов, однако ему не откажешь в литературном вкусе.

Многочисленные литнаградки новейшего времени словно и учреждались в подсознательной попытке заполнить эти зияющие пустоты, подвешивая исторический фундамент под разрушенный Дом культуры: за последние 20 лет, кажется, не осталось ни одного третьеразрядного мастера золотого или Серебряного века, с именем которого ежегодно не раздавалась бы какая-нибудь вычурная регалия. Как известно, Томас Манн получил «Нобеля» в 1929 году за эпопею «Будденброки», изданную задолго до того, ещё в 1901-м. Всё справедливо: Шведская академия удостоила великого немца не раньше, нежели он явил вторую грандиозную сагу — «Волшебную гору» (1924), подтвердившую, что семейная хроника, написанная купеческим сыном 25 лет от роду, не была минутным творческим подъёмом. Поэтому критиковать премии, вручаемые зрелым и состоявшимся, как будто не с руки. То есть, разумеется, можно и нужно обсуждать художественные достоинства того или иного опыта в стихах или прозе, но компетенции представительного жюри чаще всего не дают повода к сомнениям. Другое дело — авторы молодые, неискушённые, кому премирование и шумная слава (особенно скандального характера) вполне могут навсегда затупить перо. Вот около 2002 года, помнится, в интернете появляются тексты Ирины Денежкиной, по-своему даже интересные сочетание детской наивности и грубой физиологии пубертатных подростков. 21-летнюю студентку из Екатеринбург объявляют восходящей звездой русской литературы. Книгу переводят в США, Германию, Италию, Венгрии, Польшу и Нидерландах. Ирину Денежкину вывозят на Франкфуртскую ярмарку, включают в короткий список «Национального бестселлера», интэрвьюируют в центральных газетах. Издатели договариваются с Уральским университетом, где она учится на журфаке, чтобы вместо диплома написала роман. С тех пор прошло больше 10 лет. Где-то Ирина Денежкина, где её новые фолио?

Казалось бы, нефтяные дожди вкупе с ростом гражданского самосознания просто обязаны породить общественные и государственные проекты, направленные на поддержку начинающих писателей. Но заметные инициативы пересчитываются пальцами одной руки. Президентская премия для молодых деятелей культуры (отмечающая и литературные достижения). Премия памяти Ильи Тюрина. И, пожалуй, самая известная — «Дебют». Последняя найдёт мало равных по освещению в медиа — о начале приёма рукописей сообщили крупнейшие СМИ. Победителям — по миллиону рублей, не говоря уже о перспективах публикации и командировок по зарубежным «Бук-Экспо». Конечно, размер премиального фонда накладывает на жюри особую ответственность: как подействует внезапное богатство на вчерашнего подростка, порой не знающего в кошельке ничем дороже стипендии провинциального филфака? И в первой половине нулевых «Дебют» (существующий с 2000 года) действительно отметил немало не только молодых, но и впрямь даровитых лауреатами становились прозаики Сергей Шаргунов и Олег Зоберн, поэты Андрей Нитченко и Алла Горбунова, драматург Василий Сигарев и др. Однако со второй половины минувшего десятилетия для премии наступает явный дефицит новых имён. То есть потенциальных финалистов более чем достаточно — каждый сезон Оргкомитет получает несколько тысяч рукописей. Но есть ли между песчинкой будущей жемчужины?

Возьмём, например, номинацию «Малая проза». Победителей по разряду «крупной» анализировать, думается, нет смысла, поскольку во всей истории найдётся лишь два беспроигрышных примера, когда молодой человек до 25 лет написал по-настоящему великое в большой романной форме: уже упомянутые Шолохов и Т. Манн. И так, «Дебют» за рассказы. Эдуард Лукоянов (2011). Цитата из повести под названием «Тр-й»: «На

жаре волосы его скоро высохли, став похожими на грязный ворох тонких палочек». Из рассказа «Плохие люди хорошей страны»: «Старушечка ругалась с продавщицей о подорожничестве на продукты питания». Из рассказа «Обещанный ужас»: «Душа Владимира Михайловича всегда покоилась в надёжном футляре прочного тела». «Дебют»-2008 — Михаил Ентов. 1988 года рождения. Настоящее имя — Станислав Михайлов. Из рассказа «Коробочка с панорамой Варшавы»: «Помимо маленького члена, от отца я унаследовал привычку читать за завтраком газеты». Оттуда же: «Начав потеть, я снял с себя котелок». Жаль, что Ентов-Михайлов в отличие от некоторых других разбираемых сейчас авторов не учился в Литинституте. Уроки Максима Горького по беспощадному вымарыванию из юных рукописей фразы: «Я засунул свою руку в свой карман» усваивают уже на первом курсе. Анна Гераскина («Дебют-2010»). С тех пор — одна (!) публикация, правда, не где попало, а в «мегаэлитарном» журнале «Сноб». Перепечатка в другой периодике год спустя. Угадали: в обоих случаях — «премиальный» рассказ «Я тебя не слышу». Всё! Хотя нет, не всё — подборки стихотворений на сайтах, где опубликоваться может любой желающий, а также в 2012-м — сборник детских рассказов на украинском языке. За литературу братской славянской страны можно только радоваться, но не ошибся ли «Дебют» в выборе? И почему за последнее время этот вопрос мы вынуждены задавать вновь и вновь?

Дарья Тагиль. Финалист «Дебюта-2006». За прошедшие семь лет всего одна (!) публикация — журнал «Знамя», № 9, 2007 г., новелла «Синяя надпись», коя и получила премию годом ранее. Да несколько перепечаток уже знакомых «дебютных» вещей. Всё! Хотя нет, не всё — удостоена почётного упоминания жюри и «длинного списка» того же «Дебюта» в 2012 году за рассказ «Сансара». Неужели из тысяч поступивших рукописей оргкомитет не нашёл никого, кроме собственного лауреата шестилетней давности? Или, может быть, Дарья Тагиль действительно создала шедевр? Неизвестно: текст этого рассказа не гуглится, на сайте премии почему-то не висит. «Дебют-2007» — Ирина Глебова. После премии — две публикации в «толстых» журналах (последняя — в 2009-м). В 2011-м нью-йоркское русскоязычное издательство «Айлорус» выпускает авторский сборник. Порадоваться бы за человека — аж за океаном заметили! — однако справляемся на сайте: Ирина Глебова работает в этом же издательстве арт-директором. Сам её цикл «Чудесные сказки о любви» начинается так: «Весной, когда сходит снег и показывается солнышко, над зданием ДХШ № 17 начинают летать уши от мёртвого Андриушо». А заканчивается: «Они шли на огород, разобрать на дрова шлагбаум и вообще проведать, как там укроп и прочие мыши и ящерицы». После всего изложенного разбирать сюжеты молодых авторов нет

никакого желания. У большинства — повествование от первого лица с потугами на исповедальную прозу, инфантильные герои, ну и безыскусный натурализм, который был весьма в моде лет этак восемнадцать назад. Справедливости ради, из названных нами лауреатов можно, пожалуй, отметить выпускницу Литинститута Полину Ключкину («Дебют-2009»), у которой в прошлом году вышла книга рассказов «Дерись или беги», не вызвавшая, впрочем, особого интереса критики или «взрослых» премий. Но всё-таки за восемь лет — лишь один доросший до «большой» публикации автор малой прозы. Интересно, как обстоят дела в других номинациях? Спору нет — «Дебют» принимает антикризисные меры. В 2011 году возрастной порог премии поднимается с 25 до 35 лет, значительно расширяя круг потенциальных лауреатов. Разумеется, новые гениальные писатели не могут появляться каждый месяц. Однако продолжаясь есея падение качества текстов «Дебюта» вызывает тревогу. Эдвард ЧЕШОКОВ

ОТ РЕДАКЦИИ. Тревогу вызывает не одна отдельно взятая премия, а общая тенденция, о которой «ЛГ» писала не раз. По какому праву в России частные премии именуются национальными? С «Дебютом» в свете этого вопроса как раз всё понятно. Учредитель и «денежный мешок» премии волен, конечно, окружать себя преданными людьми и не менять их до окончания срока кредитования. Именно так в «Дебюте» дело и обстоит. Ольга Славникова, бессменный координатор премии, сама писатель нанометрового масштаба (напомним, что нанометр составляет одну миллиардную часть обычного метра). И с каждым подопечным она, по-видимому, тоже применяет нанотехнологию. К микроскопическим диапазонам привычные, макроскопические подходы часто неприемлемы, а явления, безнадёжно слабые в привычных объёмах, становятся в наномире во много раз значительнее и крупнее. Можно сравнить практику отбора и искусственного укрупнения «дебютных» рукописей и с биотехнологиями — в частности, с клонированием на молекулярном уровне. Тогда становится понятен секрет получения нескольких идентичных копий наследственных славниковских молекул, то бишь лауреатов «Дебюта», в год. Но проблема не в изощрённости сравнений, а в том, кому доверена судьба молодой российской литературы сегодня и дотянет ли она, выпестованная руками литтехнологов, до полноценного масштаба завтра.

ЭПОХА

Она в присутствии любви и смерти

МХАТ. Горький. Дорониная

«Васса Железнова» была давней мечтой Татьяны Дорониной. Многие годы она старательно вынашивала идею постановки этого спектакля, не торопясь, хорошо понимая, какой сложнейший пласт русской жизни надо освоить, чтобы спектакль стал художественным событием, необходимым русскому обществу на современном этапе его развития. Как обучение, как проверка выбранного пути. Ведь такова миссия хорошего драматического театра.

В начале 90-х годов XX века Россия вступила в пору трагических слов, растерянности, судорожного поиска курса. То, как стала она развиваться на подходе к XXI веку и далее, показывало: обращение к материалу горьковской пьесы не только своевременно, но и необходимо — на повестку дня вставали вопросы острейшие. С другой стороны, появился режиссёр, способный и осмыслить сложность современной России в контексте мировой конъюнктуры, и в то же время воспринимать театр «кафедрой», с которой можно сказать миру много хорошего. К счастью, в театре оказалась готовой к работе и плеяда великолепных актёров, которым по плечу были сложнейшие художественные задачи, заложенные в проблематике «Вассы Железновой». Появилась и молодая актриса на роль Людочки — важнейшая фигура для понимания пьесы. Всё наконец «рослось».

В текущей общественной жизни России премьера спектакля «Васса Железнова» на сцене МХАТа им. М. Горького событие уже состоявшееся. Но как культурное явление XXI века ещё далеко не осмысленное и тем более не изученное. С течением времени авторитет спектакля возрастает и по-прежнему не оставляет публику равнодушной. Всё более укрупняется значимость спектакля.

Стержень постановки — мировоззренческая дуэль. Она ведётся по многим направлениям, возникшим на поле современного политико-нравственного кризиса: дуэль собственности Вассы и революционерки Рашель, сторонников социалистической идеи и защитников власти капитала, прожитых жизней и поборников праведного труда, гуманистов и растлителей... Все эти проблемы и есть жизнь. И они так же безразличны нам в начале третьего тысячелетия, как были безразличны людям (более того, определяли характер их существования) в те годы российской действительности, о которых писал один из значительнейших писателей мировой литературы Максим Горький на рубеже XIX—XX веков.

Большинство его пьес («Мещане», «На дне», «Дачники», «Варвары», «Последние», «Дети солнца»), попавших в поле внимания Художественного театра (многие для него писаны), создано было драматургом в период 1901—1908 годов, то есть накануне и во время потер-

певшей поражение первой русской революции. События в пьесе «Васса Железнова» также отражают это время как очень важное в истории развития человеческой цивилизации, особенно интересное и нам на рубеже и в начале третьего тысячелетия. Есть своя особенность у пьесы: драматург вернулся к её доработке (первый опыт состоялся в 1910 году) и выпустил окончательный вариант только в 1935 году, за год до своей кончины. Более пятнадцати лет жизни при советском строе, длительный период строительства социалистического общества, когда многим казалось, что возвращение к власти буржуазии уже невозможно, ушло на обдумывание затронутых в пьесе проблем. Для того чтобы решиться на выбор этой пьесы для постановки в ситуации нынешних «взлотекущих» революций как в России, так и за её пределами — более выразительных в кровавой своей ипостаси, в пору нарастания власти капитала и, как следствие, в кипении бурлящего общественного сознания и одновременной растерянности, театру пришлось преодолеть ряд сомнений. Ведь лицо времени, глядящее нам в глаза, отражает, как зеркало, кричащие и характерные, казалось, для прошлого, уже пережитые историей катаклизмы. Ан, нет! Это вызывает горькую гримасу насмешки, над собой ли? Над временем?

Но это не те вопросы, которые способны остановить, запугать Дорониной. Она словно бы и не замечает, что в обществе трусость стала вполне «приличной» чертой поведения, что «хорошим» тоном стало «снимать» трудные вопросы и принято уходить от решения их с «лёгкостью необязательности», по-хлестаковски! Так сказать, шутя — действительно, зачем усложнять жизнь?!

Ответ Дорониной — нет! Ей нужна правда жизни! Так и только так понимает она назначение искусства. И в ней есть сила воли — «дойти до самой сути». Своим творчеством она бросает «перчатку» времени, когда повсюду, будь то на государственном уровне или в СМИ, старательно «уводят» общественное мнение от осмысления кричащих проблем бытия. Искусство низведено до положения услуги, балагана на торжище, в драматическом театре главенствует филарство, вошло в моду (и мы, как в Америке!) повальное увлечение «облегчённым» жанром, быющими на эффект, — во что бы то ни стало поразить: даёшь шоу! Его величество русский трагик превращён в перемешанника. И то, что ещё недавно волновало, беспокоило общество, занимало театр, под силу которому было решать сложнейшие вопросы на уровне глубокой психологической драмы — всё выброшено на ветер. Хихикают все — экран, сцена, телевидение, радиоэфир, происходят драки и потасовки в Государственной Думе, и всё — ради денег, во имя денег! И это в России?! Ну, право же, смешно?!

В такой ситуации интерес к трагедии русской жизни, отражённой в «Вассе Железновой», считался чуть ли не неприличным. К тому же пьеса принадлежала перу Максима Горького, с самого начала перестройки в СССР попавшего под «карающий меч» реформаторов. С какой волею драматург вернулся к её доработке (первый опыт состоялся в 1910 году) и выпустил окончательный вариант только в 1935 году, за год до своей кончины. Более пятнадцати лет жизни при советском строе, длительный период строительства социалистического общества, когда многим казалось, что возвращение к власти буржуазии уже невозможно, ушло на обдумывание затронутых в пьесе проблем. Для того чтобы решиться на выбор этой пьесы для постановки в ситуации нынешних «взлотекущих» революций как в России, так и за её пределами — более выразительных в кровавой своей ипостаси, в пору нарастания власти капитала и, как следствие, в кипении бурлящего общественного сознания и одновременной растерянности, театру пришлось преодолеть ряд сомнений. Ведь лицо времени, глядящее нам в глаза, отражает, как зеркало, кричащие и характерные, казалось, для прошлого, уже пережитые историей катаклизмы. Ан, нет! Это вызывает горькую гримасу насмешки, над собой ли? Над временем?

А на бескрайних просторах Родины льётся кровь, витийствует криминал, катастрофы. Россия мучительно ищет свой путь.

Татьяна Дорониная чувствует это каждой клеточкой своего сердца. Страдает. И — работает. Много, неистово.

Написанный Горьким характер Вассы Железновой требует от актрисы недюжинного ума, таланта, мастерства, образованности. У России есть ТАКАЯ актриса. Есть и готовность театра постичь высоты нового времени всё нарастающие проблемы русского бытия. Этой готовностью МХАТ им. М. Горького показал, что уважает зрителя, который способен и хочет отвечать на самые тяжёлые вызовы современности. К Дорониной идёт зритель мыслящий, оголодавший в жажде понять, «что с нами происходит»? Это для него — спектакль «Васса Железнова». В пору, когда в стране разгулялась вакханалия вседозволенности, дикая «свобода» унижает человека, тащит дорогие его сердцу символы с пьедестала, Дорониная для себя принимает решение — противостоять. Один из шагов к этому — объединиться с людьми здравого смысла тех коллективов, которым присвоено имя Горького. Так театр стал сотрудничать с Литературным институтом им. М. Горького, с академическим Институтом мировой литературы им. М. Горького. Проводили диспуты по обсуждению спектаклей, познакомились с научными изысканиями учёных.

Мыслитель и влюблённый в жизнь романтик, Горький мечтал и верил, что можно воспитать людей будущего — свободных и счастливых. Это его, Максима Горького, афоризм живёт в каждой душе человека с чувством достоинства — «рождённый ползать — летать не может». Ходом своих размышлений писатель подводит читателя к тому, что в России «возникнет к жизни новая личность, ещё невиданная в истории». Примечательно в этой связи свидетельство крупнейшего русского учёного — современника писателя Н.Н. Бурденко: «Горький был величайшим гуманистом современности. Но он ненавидел всякое либерально-попустительское отношение к человеческим слабостям и несовершенствам, хотя, быть может, знал, как никто, подлинную, скорбную цену человеческим порокам, несчастиям. Ведь он поднялся до вершин человеческой культуры, до непревзойдённых высот творческого мастерства с социального дна (не в фигуральном, а в буквальном смысле этого слова). Даже в периоды гнева, неистовой ярости, глубоких психологических потрясений, сталкиваясь с наиболее звериными и жестокими человеческими страстями, Горький не переставал верить в человека. Его гнев, ярость, презрение питались неисконной любовью к человечеству и человеку».

Вот отчего, например, пьеса «Васса Железнова» так увлекательна и будоражит сознание творческим напряжением, хотя в ткани пьесы и нет этой «личности, ещё невиданной в истории». Но есть мощнейшая человеческая натура Вассы, красивая по своей природной одарённости, достойная совсем другой судьбы, чем та, что выпала на её долю.

В этом спектакле театр ставит вопрос: как живётся людям во времена бурь и революций? Ведь революционная буря сметает веками утверждённые устои человеческих отношений. Жизнь матери как основы основ человеческого существования в центре внимания пьесы Горького. Он и назвал первый вариант пьесы «Мать». И интересует его в первую очередь состояние внутреннего мира такого непростого человека, как Васса Железнова, корни её натуры, любовь и боль её материнской души.

А ведь накануне революции 1905 года он также писал о матери, роман и назвал его тоже «Мать», но выбрал героев совсем из иного социального слоя — революционера Павла Власова и его мать Ниловну. Писатель стремился проникнуть через всякую возможную философию жизни в сердце России, распознать её чаяния и особенности. Сознание современного лихачества послешло сбросить роман «Мать» на свалку истории, как про-

изведение воинствующего большевика. Но не так прост Горький. Например, в его письме от 1897 года к А.М. Скабичевскому «запеклась кровь истории», по выражению А. Герцена, в таких вот строчках писателя: «Я — не марксист и оным не буду вовеки... ибо знаю, что жизнь творят люди, а экономика только влияет на неё». Эти люди и есть сфера, где сосредоточилось внимание театра при постановке «Вассы Железновой».

В нравственный конфликт пьесы «Васса Железнова» вживлён вопрос о праве матери не только болеть за судьбу своего дитя, но и отвечать за его будущее, более того — определять жизненное кредо. Важнейший вопрос современной России, не так ли?! Захватывающая проблема для художественного воплощения на сцене для серьёзной актрисы.

Дорониная с той же одержимостью и настойчивостью повторяет его сегодня, в не менее трудное для театра время.

К созданию образа Вассы она подошла во всеоружии современного знания о времени действия её героини. И вот одна из ключевых сцен, где наиболее глубоко раскрывается суть личности Вассы: диалог-дуэль Вассы с Рашелью. Она встречает невестку радушно, в меру сдержанно:

— Из-за границы? С чужим паспортом... Смелая ты. Молодчина. И — ещё красивее стала. С такой красотой, да... Ну, ладно. Как — Фёдор? Правду скажи.

— Скрывать правду — не моё дело. Федя, Васса Борисовна, безнадёжен. Угадает. Доктора говорят — месяца два, три осталось ему жить.

Наступает долгая пауза. Лицо Вассы резко бледнеет, нос заостряется, веки глаз дают комок напыляющихся слёз, и такая гамма чувств читается в этом лице, что сердце сжимается от пронзительной боли трагедии матери, теряющей сына.

Вся, словно сдавленная тисками, напряжённая фигура Вассы медленно выпрямляется и чужим, замороженным голосом она произносит:

— Сорел, значит, сын капитана Железнова.

Сколько невыносимых страданий, разрывающих её кровоточащее сердце, творится в ней, несчастной женщине, не нашедшей женского счастья ни в трагической сломавшейся любви, ни в детях. Всё это даёт почувствовать нам единственная фраза, но произнесённая великой актрисой так, что в ней звучит и не проходящая память о распотанной юношеской любви к капитану Железнову (совсем не случайно же она так часто подходит к граммофону и ставит всё тот же романс: «Ночь любви волшебной...»).

И мучительная боль безысходности в больном его детях, и грех убийства растлителя-отца, который Васса отважно взяла на себя во имя спасения будущего дочерей.

Советская сцена знала в 50-е годы XX века прекрасный спектакль Малого театра с великолепной актрисой Верой Пашенной в роли Вассы. Спектакль был решён так, что Васса стояла перед выбором между человечностью и капиталом. Она предпочла капитал и негибкая её фигура, словно скованная льдом изнутри, заставляла верить, что Васса — порождение мира наживы, его выражение и его жертва. Чувствовалось, что она выше избранной ею среды, богаче её, но среда оказалась сильнее и как ржавчина разрушила личность.

Васса Дорониной — живая, трепещущая душа, закованная в латы сильнейшей воли. Чувствуется, какая напряжённая неутраченная борьба ведётся ею внутри себя самой. Её подчинённость интересам пародохства — ноша гитантская, но она взялась за неё, считая необходимой опорой жизни всей семьи. Бунтует всё существо Вассы, но она упорно несёт этот груз.

Талантливая, богатая натура, с острым незаурядным умом, не позволяющая себе ни на минуту расслабиться в открытости с кем-либо, Васса открывает тайну свою всё в той же дуэли с Рашелью, когда речь заходит о Коле:

— Коля спит?
— Коля-то? Не знаю. Наверное — спит... Его здесь нет.
— Позвольте! Вы... Что это значит?

— Ничего плохого не значит. Коля в деревне живёт, в сосновой роще... В городе ему вредно жить. У него гланды. Родители плохим здоровьем наградили его.

Васса говорит с каким-то леденящим спокойствием, но зритель не ошибается — внутри в ней кипит буря. Она, кажется, бесстрастно отвечает на нервные вопросы Рашели:

— ...Жив-здоров, и хороший детёныш, умный. Он тебе зачем нужен?
— Я решила его отправить за границу. Там сестра моя замужем за профессором химии, детей у них нет.

— Так и думала: Рашель, наверное, ребёнка потащит в свой круг. Нет! Не дам я тебе Колю-то. Не дам!

— Она говорит это столь уверенно и бесстрастно одновременно, что чувствуется в подтексте насмешка превосходства над пылкостью Рашели.

— Как это не дадите? Я — мать!
— А я — бабушка! Свекровь тебе. Знаешь, что такое свекровь? Это — всех кровей Родоначалница. Дети мне — руки мои, внучата — пальцы мои. Поняла?... Внук мой наследник пародохства Храповых и Железнова. Единственный наследник миллионного дела...

Чувствуется, что программа жизни давно уже продумана ею далеко вперёд для всех и для всех, что она днём и ночью вынашивает свои планы, свою единственно дорогую для неё мечту.

Когда в 1935 году задумано было приступить к постановке пьесы, Горький телеграфировал 22 декабря И.Н. Берсеневу: «Прошу приостановить репетиции. В январе дам совершенно новый текст с новыми фигурами».

Сравнительный анализ двух текстов пьесы даёт понимание того, насколько серьёзно пережил писатель глубинные изменения в жизни России, понял противоречия, которые в ходе истории вырвались на поверхность.

Та Васса, которая приходит к нам со страниц окончательного варианта пьесы, — это личность, при всей крепости и независимости её натуры, не сумевшая ни избежать власти и гнёта капитала, ни ограбить себя и не поддаться невольной коррозии души. Она приняла мораль: «С волками жить, по — волчьей выть», приняла правила игры общества, где безраздельно властвует капитал.

Всякий раз, когда вы, находясь в зрительном зале, «проживаете» страстные бои Вассы Железновой и Рашели Топаз, вы чувствуете в себе сильнейший всплеск ощущений, словно это вы лично ведёте этот спор, и так важно здесь и сейчас найти ускользающий ответ. Это чувство новизны поразительно: оно насыщает пульс современной жизни тревожными ритмами, заставляет современников глубоко задуматься над тем: куда идём? Убеждения Вассы Железновой вскорлупены опытом её жизни — революция «вспыхнула и прогорела — один дым остался».

Сила таланта Дорониной такова, что зритель, пристально следя за всем, что происходит с Вассой, понимает: она глубоко запрятала в тайники сердца не иссякшую жажду любви, в ней по-прежнему жива тоскующая по воле, по высокому синему небу, по добру и красоте души.

Вот почему от первого варианта пьесы Горький помещает Вассу в значительно более страшные обстоятельства: теперь капитан Железнов, муж её, оказался растлителем малолетних детей, и Вассу пародохства необходимо спасти дочерей от позора. Отвратителен быт её семьи: брат Прохор — бездельник, кутила и развратник; неприкаянные дочери слоняются по дому, и возле них, словно жадная гiena, вьётся наглый Пятёркин. Всё к одному: дерзит старшая дочь Наталья, тоскуя от неблагополучия и холода родного дома; мечется в жажде тепла и любви младшая Людочка. А Васса тянет, несмотря ни на что, этот воз — и пародохство, и семью, и везде — хозяйка! Безраздельная.

Чем богаче и значительнее характер Вассы Железновой в образе, созданном Дорониной, тем понятнее глубина внутренней жизни Вассы. Богатейшая личность с её тоской и гордней, с её жаждой и беспощадностью, с её решительностью в борьбе за своих детей и внука.

Показательно, что в первом варианте пьесы Васса позволяет себе доверительно разговаривать с доче-

рю Анной. Исправляя пьесу, Горький убрал этот персонаж, и с ним уходят попытки Вассы к открытости. В окончательном варианте Анной названа не существовавшая ранее секретарь-нашница Оношенкова, которую ненавидит весь дом. Образ, нужный хозяйке, давно причувственной себя к настроенности и наушничеству как способу управления семьёй и жизнью.

Вассе, с которой мы встречаемся на сцене МХАТа им. М. Горького, не доступна роскошь задушевной доверчивости. Она подчёркнуто строга, даже сурова порой в общении с окружающими её домочадцами, будь то брат Прохор, Анна и даже Наталья, разве что при появлении Людочки теплеет её лицо. Вдумаясь в слова, которые говорит Васса, обращаясь к дочери: «Матери — все удивительные, и мученицы великие! Страшен им будет Господень суд...» Она глубоко задумывается, словно проверяет внутри себя верность и нужность сказанного, а потом с какой-то отчаянной решимостью добавляет: «А людям — не покаюсь! Через нас все люди живут, помни!»

Васса Железнова как характер поистине шекспировского масштаба особенно дорога Дорониной. В пору безвременья и обмельчания личностей, она как художник постоянно испытывает острую потребность соизмерять свою жизнь в искусстве с характерами могучими, способными на свершения. При создании образа Вассы актриса не могла пойти по пути прототипному. Задавшись вопросом: зачем драматург ввёл в ткань пьесы мысль: «Ты — человеческая женщина» и ещё и наделил ею блаженную Людочку, актриса открыла для себя ключ к поиску правды образа Вассы — именно отсюда и надо исходить в работе над пьесой.

Васса Железнова на сегодняшний день пока самая новая в галерее актёрских работ Татьяны Дорониной. Что видит зритель, когда впервые попадает на этот спектакль? В угасающем освещении огромного запыленного зала тихо звучит ностальгическая музыка. Медленно идёт занавес, открывается панорама, в центре которой вы видите большой старинный граммофон, установленный на фоне огромного резного окна.

Чуть хрипящие звуки старинного инструмента всё более привлекают ваше внимание, и вы уже различаете голос великого Собинина, погружающего вас в атмосферу элгии («В сиянии ночи лунной тебя я увидал...»).

Стиль модерн в убранстве роскошной комнаты напоминает вам мир Врубеля, так впечатляюще оформление красивого просторного жилища с редчайшей изысканностью мозаичной отделки из изразцов зеленовато-синих оттенков, как напоминание о полотнах Врубеля, фона его картины «Демон». Всё здесь вас сразу заставляет поверить, что находитесь в доме богатого, скорее всего, купца или промышленника начала XX века. Массивный рабочий стол, громоздкий сейф за ним, большие тяжёлые кресла, на застелённой террасе сад цветов и граммофон — здесь виден определённый характер хозяина этого дома. А вот и она: распахивается дверь и в дом стремительно входит красивая женщина в роскошном светлом пальто, изысканной широкополой шляпе, с огромным портфелем в руках. Она резким движением бросает на кресло портфель, быстро снимает пальто и шляпу и берётся за трубку массивного телефонного аппарата, стоящего на столе. Это Васса, и мы видим, как она глубоко взволнована, как торопится решить какое-то важное, неотложное дело.

Галина ОРЕХАНОВА

Глава из книги «Татьяна Дорониная: Жизнь моя, русский театр», которая выходит в рамках Издательской программы Москвы.

19 сентября

Московская государственная консерватория имени П.И. Чайковского

БОЛЬШОЙ ЗАЛ

СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР
Белорусской государственной академии музыки

Александр АНИСИМОВ

Артём ШИШКОВ

Вероника ПРАДЕД

П. Чайковский. Увертюра-фантазия «Ромео и Джульетта»
Э. Шоссон. Повесть для оркестра со змеями, оп. 25
Д. Сляковский. Концерт №2 для виолончели с оркестром
С. Рахманинов. Симфонический триптих

ЦАЧАПД 19.80

Контртеррористическая операция

К 150-летию польских событий 1863 года

Этот эпизод русской истории долгое время оставался потаённым или интерпретировался однобоко. Многие историки искренне следовали демократической, герценовской, трактовке событий, другие опасались «обидеть» польских товарищей... Вот и вышло, что поучительный сюжет, в котором проявили себя и герои, и авантюристы, и демагоги, остаётся за пределами народных представлений об истории.

А ведь это один из немногих примеров энергичного преодоления многостороннего кризиса. Тут вам — политика, внутренняя и внешняя, бандитизм, терроризм, сепаратизм, коррупция, растерянность идеологов... И всё это на фоне экономического спада и в разгаре вовсе не сахарных «великих реформ».

Польша загорелась весьма своевременно. Подпольная работа активизировалась в 1862 году — и к началу 1863-го польские революционеры сделали опасной силой. Поляки ушли от ошибок прежних восстаний, на этот раз конспиративная организация отличалась железной дисциплиной: от кружков-троек до Центрального национального комитета под руководством Ярослава Домбровского. Каждый участник организации знал только двоих собратьев по трюйке и командира десятка. Литовский комитет возглавил Константин Калиновский — авантюрист хоть куда.

Все они перешли в наступление, когда был объявлен очередной рекрутский набор. Власть намеревалась «перековать» польских патриотов в армии, а те демонстративно уклонились от службы. Тут уж заявят о себе и временное польское правительство во главе со Стефаном Бобровским, и террористические отряды, совершавшие дерзкие нападения на русские гарнизоны. 10 января прошло сразу пятнадцать кровавых налётов. Такой прыти от поляков не ждали. Повстанческие отряды бродили по западным окраинам империи, а местные заводы снабжали их оружием. Английская и французская дипломатия зорко следила за реакцией Петербурга на польские события и готова была всеми средствами сопротивляться попыткам России восстановить имперский порядок в восточных губерниях... Для императора Александра II худшей ситуации и придумать было нельзя.

Можно в тысячный раз назвать государство системой подавления, только от этого во рту слаще не станет. Ни в 1863-м, ни сегодня нет способа существования более сообразного человеческой природе, чем государство. Все крики о свободе и самоопределении заканчиваются непредсказуемой войной и суровой диктатурой. Держава не имела права не защитить себя, предать знамёна Суворова и Паскевича, знамёна Праги и Дрездена... Не имела права позволить истребление русского солдата. Польшей и Литвой Россия овладела по праву военных побед. В своё время Речь Посполитая сама приговорила себя, пристрастившись к хмелью демократии и безвластия, к шумному «майдану». Если бы столь слабый характер продемонстрировала Россия — варшавская шляхта шустро хозяйничала бы в Петербурге и Москве — и уж тут без обид, пожалуйста. Суд истории справедлив. После 1812-го империя вполне могла бы расширяться на Запад ещё дальше, но император Александр I знал меру.

Многие в России считали ошибкой присоединение Польши: дескать, правильное было бы создать вокруг Варшавы хиленькое, но отдельное государство, подконтрольное Петербургу. А «внутренняя» Польша стала для державы постоянной головной болью, вечным источником смуты, обузой. Но нужно было нести бремя империи: уступишь в Польше — придавят и в Петербурге.

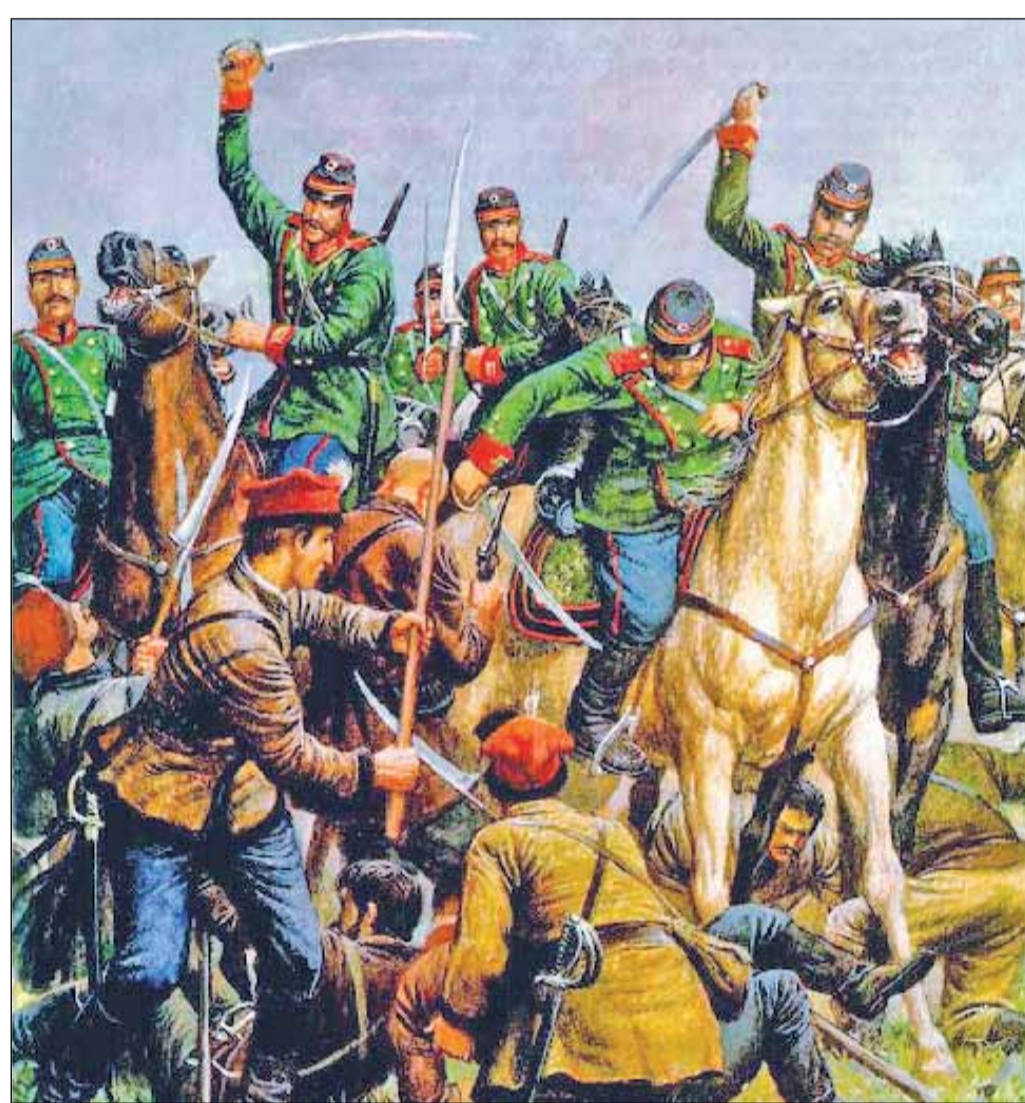
В 1860-е в России уже сформировалась интеллигенция — как инстанция, как орден. А государственники сначала по большому счёту почивали на лаврах победы 1814 года и Священного союза, а после падения Севастополя впади в панику. Кроме того, патриотизм в очередной раз бюрократизировался. Многим молодым людям в те годы казалось, что быть патриотом и монархистом можно только из корыстных побуждений или по инерции. Они, конечно, ошибались и не хотели постичь душу старшего поколения, но вспомним, как дорого нам стоила аналогичная ошибка в 1980-е... Патриотов и консерваторов, которых вдохновляла историческая память о Бородине и взятии Парижа, оставалось немало. Но многие из них ощущали себя отжившими, проигравшими. Да и реформы ошарашили приверженцев самодержавия...

Около десятилетия прошло после Крымской войны. В Париже и в Лондоне побавились Россию и со страду создавали образ огромной варварской державы, которая нависла над утончённой цивилизацией. Орды Аттилы, пришедшие с Востока, — подходящая историческая аналогия, она и пошла в ход.

Но захватить Россию в Польше, как в Крыму, западные державы не могли. Просто с

точки зрения военных расчётов это оказалось невозможным, да и австрийцы с немцами не желали появления на политической карте Европы суверенного польского государства. Поэтому либеральная общественность негодовала, но поделять ничего не могла. Кстати, польский мятеж помог России всерьёз сблизиться с Пруссией. Этот союз вскоре позволит Бисмарку поставить на колени Францию.

Впрочем, когда Польша загорелась, многим в России всерьёз казалось, что речь идёт о крушении империи. После падения Севастополя апокалиптические настроения среди патриотов не затухали. Вспоминали о падении Константинополя, о гибели православной империи. Вот-вот Запад, объединившись с внутренними врагами престола, добьётся, задавит большого медведя. Когда крамола вышла за пределы Польши и Литвы, многие — кто с ужасом, а кто и с надеждой — предполагали, что она охватит весь запад Российской империи, и распад неизбежен.

Помните ситуацию 1993 года? Россия выводит армию из Европы, отказывается от геополитических завоеваний 1945-го — и тут же получает агрессию генерала Дудаева. Аналогия станет яснее, если вспомнить, что в 1861-м Россия вступила в цикл смелых реформ, а экономика после Крымской войны и сокращения доходов от хлебного экспорта пребывала в отчаянном положении. Тут уж приходилось добывать победы зубами.

Польша бурилась уже несколько лет, но с января 1863-го на западных рубежах Российской империи началась настоящая война. Отряды повстанцев нападали на русские гарнизоны, терроризировали обширные территории в Польше, Литве и Белоруссии. Восстание получило оттенок межрелигиозной бойни: жертвами повстанцев стали православные, а вдохновителями — скендзы. По отношению к православным повстанцы избрали политику устрашения — непокорных казнили.

Многие в России сохранили хладнокровие и боевой дух — качества, позволившие нашей стране в XVIII веке превратиться в сверхдержаву. Одним из последних исполнителей воинской державы был Михаил Николаевич Муравьев-Виленский, в прежние годы уже послуживший на за-

паде империи. Тогда он проявил себя решительным православным миссионером, энергичным защитником русских.

Муравьеву шёл 67-й год — возраст по тем временам мемуарный. И вот император Александр II был вынужден призвать этого своенравного старика, к которому питал антипатию. Ведь Муравьев методично критиковал реформы, а в глазах либеральной общественности считался не просто «старовером», но по меньшей мере цепным псом. Прозвище «вешатель» он сам себе придумал задолго до польской операции. Кто-то съездив по адресу его родственника-декабриста, а Михаил Николаевич рубанул: «Я не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые вешают». Впрочем, этот афоризм приписывают и Н.Н. Муравьеву-Амурскому. Под впечатлением от виселиц 1863 года этот исторический анекдот припомнили. Муравьев-вешатель, Муравьев-палач — так называли усмирителя Польши салонные удалцы.

На личной аудиенции Александр II назначил Муравьева виленским, гродненским и минским генерал-губернатором, командующим войсками Виленского военного округа. Ему предстояло столкнуться с главными силами повстанцев. Ответ Муравьева напомнил речи героев Плуларха: «Я с удовольствием готов собою жертвовать для пользы и блага России». И это была не показная решительность, старику не нужно было притворяться.

Он пригодился системе Николая I, именно тогда сложился административный стиль Муравьева — целеустремлённого и волевого управленца, негнбимого охранителя державы.

Своя правда есть, разумеется, и у хулителей имперских инстинктов России, но, превращая эту правду в политкорректный абсолютизм, мы ставим себя в ложное положение. Нам навязывали трафаретный образ «вешателя». И никого не интересовало, что на совести польских повстанцев даже повешенных и замученных в три-четыре раза больше, чем у Муравьева. Они казнили бессудно — просто хватили православных крестьян, не желавших помогать восстанию, и вешали. К тому же они начали эту бойню, а Муравьев был вынужден строго наказывать виновных. Да, у него при этом не дрогнула рука. Он отправил на казнь 128 человек — зачинщиков бойни. 10–12 тысяч преступников бросил в арестантские роты и на каторгу. А повстанцев насчитывалось около ста тысяч! Остальных отпустили по домам.

Сколько безвинных жертв было бы брошено на алтарь польского восстания, если бы русские генералы, самым последовательным из которых был Михаил Николаевич, не пресекали гражданскую войну? Но исторические репутации создаются по технологии подтасовки: «прогрессивным» прощаются всё, а от консерваторов требуют мягкотелости. Грузный Муравьев был политиком ловким, предпримчивым, энергичным. Он умел пообещать — и за это его ненавидели с особым жаром. Будь он беспринципным сонным вельможей — про него бы и не вспоминали. А он, к жазу весёлых разрушителей, действовал осмотрительно, да ещё и самоотверженно. Жертвовал собой!

Убеждённый патриот великой России, он не считал имперскую идею обречённой, а позиции России — заведомо проигрышными. Бодрость XVIII века ему удалось сохранить в эпоху нигилизма, когда общество разделилось не на бойцов и обывателей, а на «новых людей» и ретроградов. То есть вместо битвы за великую державу русские люди настраивались на междоусобицу, забыв о сплочении. Это примета упадка, тут уж не до серьёзных побед. А Муравьев показал, что можно идти против идеологической моды, против этой стихии, которая набирала ход, — и побеждать.

Он не был одним-единственным воином в поле. Идеологически Муравьева поддерживал Михаил Никифорович Катков. Без стараний этого публициста вряд ли Муравьева выдвинули бы на первые роли. Катков доказал, что консерватизм бывает не только политическим, но и живым, горячим, искренним. И хотя стратегическое противостояние с нигилистами и западниками будет проиграно, в 1863-м держава устояла. Противники Каткова должны были доказать, что они либо неискренны, либо невежественны. Историк Сергей Татищев писал: «Общее одушевление, вызванное событиями в Польше, знаменует переворот в воззрениях русского общества на существеннейшие вопросы политики... Пробудившееся в нём народное самосознание свело его с пути увлечений отвлечёнными учениями, навеянными с Запада, и возвратило к правильной оценке и разумному историческому началу русской государственной и общественной жизни. Поборником единения всех русских людей с Верховной властью в общем деле отстаивания державных прав России, её чести и достоинства являлся... М.Н. Катков. Пламенная речь этого даровитого и убеждённого писателя поколебала и скоро совсем вытеснила влияние либеральных органов и заграничных выходец, которым известная часть русского общества подчинялась дотолё».

История не подтвердила оптимизм Татищева. Либералы очень скоро утратили позиции, станут ещё изобретательнее и самоувереннее. Но и за тактическую победу Катков заслуживает восхищения — ему ведь случалось оставаться в одиночестве против общественной волны. Охранители 1863-го показали, что есть у России самостоятельный державный путь. Но прочно овладеть умами реакционным идеологам всё-таки не удалось даже при Александре III. Трудно было скрестить самодержавный патриотизм с буржуазной реальностью. Просто и ясно опишет эту коллизию Есенин: «И продал власть аристократ промышленникам и банкирам».

Идеологическая слабость тогдашней России ощущалась в противоречивом диалоге с европейскими державами. Вот ранше целый век у России была объединительная идея — побеждать. Просвещение и Победа — вот пароль и отзыв русского XVIII века. А потом пришли сомнения. Явились утон-

Литография «Граф Михаил Николаевич Муравьев». Санкт-Петербург, 1865 г.

чённые господа, которых белым хлебом не кормишь — только дай поругать Россию, её свиновые мерзости, её неповоротливость и жестокость. «Как сладостно отчизну ненавидеть», — напишет радикальный космополит Печерин. А Герцен в «Колоколе» даже Виктора Гюго привлек для антиимперской пропаганды во дни польского восстания.

Общество (точнее — его самая шумная и прогрессивная часть!) подвергнет обструкции Михаила Николаевича Муравьева — грозного старика, который действовал в Польше расторопно и негнбимом. Внук Суворова, петербургский губернатор, отказался преподнести «плодоеду» Муравьеву приветственный адрес.

А потом в Английском клубе Николай Алексеевич Некрасов считал Муравьева оду в духе победного XVIII века, но с новыми полемическими поворотами, неизбежными для 1860-х:

*Мятеж прошёл, крамола ляжет,
В Литве и Жмуди мир взойдёт;
Тогда и самый враг твой скажет:
Велик твой подвиг... и вздохнёт.*

*Вдохнёт, что, ставши сумасбродом,
Забыв присягу, свой позор,
Затеял с доблестным народом
Поднять давно решённый спор.*

*Нет, не помогут им усилия
Подземных их крамольных сил.
Зри! Нао тобой, простёрши крылья,
Парит архангел Михаил!*

Тут уж шум поднялся невиданный. Недавние поклонники проклинали, топтали Некрасова, произвели его в «нерукопожатные» (словечко из другого времени, но смысл всё тот же).

Не так давно, после цикла эффектных телесериалов, книгу об Александре II выпустил Эдвард Радзинский. Автор «104 страниц про Любева» наловчился писать об истории Отечества языком «Мурзилки» — и это (говоря без высокомерия и иронии) завидное умение. Для Радзинского Муравьев — устрашающий бульдог с тигринными глазами. Карикатура! Ретроград, стоящий на пути прогресса, который, как известно, курсирует по одностороннему движению: из Европы к нам. О польских зверствах, о политике террора, проводившейся поляками, драматург умалчивает. Да не он первый!

Тогда, в 1863-м, после победы Муравьева, Герцен негодовал: «Дворянство, литераторы, учёные и даже ученики повально заражены: в их соки и ткани врослась патриотический сифилис». И впрямь, были и есть в России люди, убеждённые, что лучше быть бульдогом на страже Родины, чем шакалом на службе либералов. Тютчев подарил Муравьеву такую эпитафию:

*На гробовой его покров
Мы, вместо всех венков, кладем
Слова простые:
Не много было б у него врагов,
Когда бы не твои, Россия.*

150 лет назад решалось: защитит ли Россия суверенитет — от сепаратистов, от соседей, от надменного европейского сообщества. Слабых, как известно, бьют — даже «польские пань». Если бы не Муравьев, возможно, и у армии, и у императора не хватило бы воли к победе. Будем помнить человека, который служил России — не напоказ, но верой и правдой. И без оглядки на «просвещённую Европу».

Арсений ЗАМОСТЬЯНОВ

КНИЖНЫЙ РЯД

«Англомания» и её последствия

Т.Л. Лабутина.
**Британцы в России
в XVIII веке.** — СПб.: Алетейя,
2013. — 352 с. —
Тираж не указан.

«Следует отметить, что русофобские настроения были заметны в Англии, прежде всего в среде правящей элиты. Как признавал британский учёный Д. Хорн, антирусские настроения подогривались в общественном мнении Великобритании искусственно. Правительство хорошо оплачивало услуги журналистов, которые без устали твердили об опасности со стороны России...»

Но если в России ксенофобия возникала как естественный протест народа против

чужеземного влияния и чрезмерного засилья «немцев» в высших властных структурах общества, то в Великобритании русофобия, напротив, моделировалась искусственно и дирижировалась политической элитой, создавшей из России образ врага с единственной целью — добиться устранения своего экономического и политического конкурента».

Согласитесь, эта цитата из новой книги известного историка Татьяны Лабутиной звучит чрезвычайно злободневно и заставляет задуматься о том,

как многое в нашем настоящем заложено ещё во времена, отдалённые от нас уже веками.

При этом сразу следует отметить, что книга известного специалиста по истории Англии насыщена самой разнообразной исторической фактурой, но написана спокойно и объективно. И в приведённой цитате не надо искать стигущения красок, нагнетания страстей и желания подогнать прошлое под злободневное. Такова историческая реальность.

И ещё одна поучительная цитата из книги.

«Историк В. Ключевский отмечал, что западное влияние проникало глубоко не в народ, но в верхние классы общества, где постепенно приобретало господствующее положение. И в этом Ключевский усматривал разрушение «нравственного состава общества». Более того, преклонение перед западной культурой и подобострастное отношение к иностранцам стало заметным явлением в среде политической элиты.

Однако и пропитавшись западной культурой, и про-

возгласив себя европейским государством, Россия в глазах европейцев таковым отнюдь не стала. Запад по-прежнему продолжал в ней видеть «варварскую страну».

В основу книги положена в основном мемуарная литература, дневники, которые предназначались не для широкой публики, а для частного употребления, что подразумевает особую искренность. Это придаёт ей неакадемическую живость и живописность. Прочитав её, узнаёшь, как Пётр I познакомился с британцами, откуда на Руси взялись англоманы, поддерживающие во всем английские интересы, почему многие британцы, приехав в нашу страну, занимались

разведывательной деятельностью, к чему привела тотальная вестернизация политической элиты России в XVIII веке. Но не только.

Может быть, главное впечатление от книги — понимание, что процессы, начавшиеся тогда, вовсе не закончились. И потому автор и предлагает читателю задуматься.

«Мы вновь сталкиваемся с отдельными проявлениями ксенофобии. Активизируется процесс вестернизации современной политической элиты России. Чем он закончится? Не приведёт ли к очередной Смуте, как то случилось в давние времена?»

Игорь МИТИН

ТЕЛЕИСТОРИЯ

Голос Брежнев

«Дневников на войне я не вёл» — помните, так начинается книга «Малая земля»? Слово «дневник» для Леонида Ильича Брежнева — сокровенное, самое важное слово и ежедневная потребность. Современные политики ведут «Твиттер», потому что того требует логика саморекламы, а он — без себя, без показухи. Брежнев и сегодня узанваем — и мы неизбежно увидим ещё немало фильмов про одного из крупнейших политиков XX века.

Одна из самых несправедливых пропагандистских кампаний нашего времени — это война с застоем, которую объявил Александр Яковлев в первые годы перестройки. Любопытный факт: Брежнев пришёл к власти на волне острого конфликта с Хрущёвым, но шельмование «волюнтаризма» продолжалось всего лишь несколько месяцев. Уже в феврале 1965-го агитаторам не рекомендовалось объяснять наши «отдельные неудачи» тяжёлым наследием «звоняря Никиты». Горбачёв стал генсеком, потому что оказался самым молодым из выдвиженцев Брежнева, ему бы о преемственности задуматься — но он к наследию Леонида Ильича отнёсся по-шалкаши. Он попытался приучить общество к тому, что эпоха Брежнева — это не орбитальные станции, не Останкинская башня, не песни Пахмутовой, не адмирал Горшков, не силач Алексеев, а воровство, безнадёга и старческое шамканье. Одним словом — застой. Неизвестно, какая забава больше нравилась Горбачёву — тушить пожар керосином или швырять камни из стеклянного дома? Какое-то время он действительно выглядел выигравшим в сравнении с поздним Брежневым. Но понятие «застой» так и осталось официальным, пропагандистским. А вот новые времена «бардаком» прозвали именно в народе.

Беллетристический телефильм о Брежневе по сценарию Валентина Черныша продемонстрировал другую крайность: генсека показали человечным, своим мужиком (в главной роли Сергей Шакуров), а его соратников — мрачными фарисеями. Но главное достоинство политика Брежнева в том, что он не боялся выдвигать

ярких, сильных профессионалов. Осознавал их превосходство над собой, но выдвигал. Кто из правителей позднейшего времени потерпел бы на посту премьер-министра фигуру, равную Косыгину, а в Генштабе — маршала Огаркова? Срабатывает отрицательный отбор. Поэтому и был у брежневского СССР статус сверхдер-

тиры (хоть в Москве, хоть в Соликамске) равнялась полугодовой средней зарплате рабочего. И «лично Леонид Ильич» к этому причастен: читайте дневник генсека!

Новый документальный фильм «С точки зрения Брежнева», вышедший на канале «Культура», производит впечатление серьёзно-

Приглядишься — и просвечивает судьба человека, неотделимая от истории.

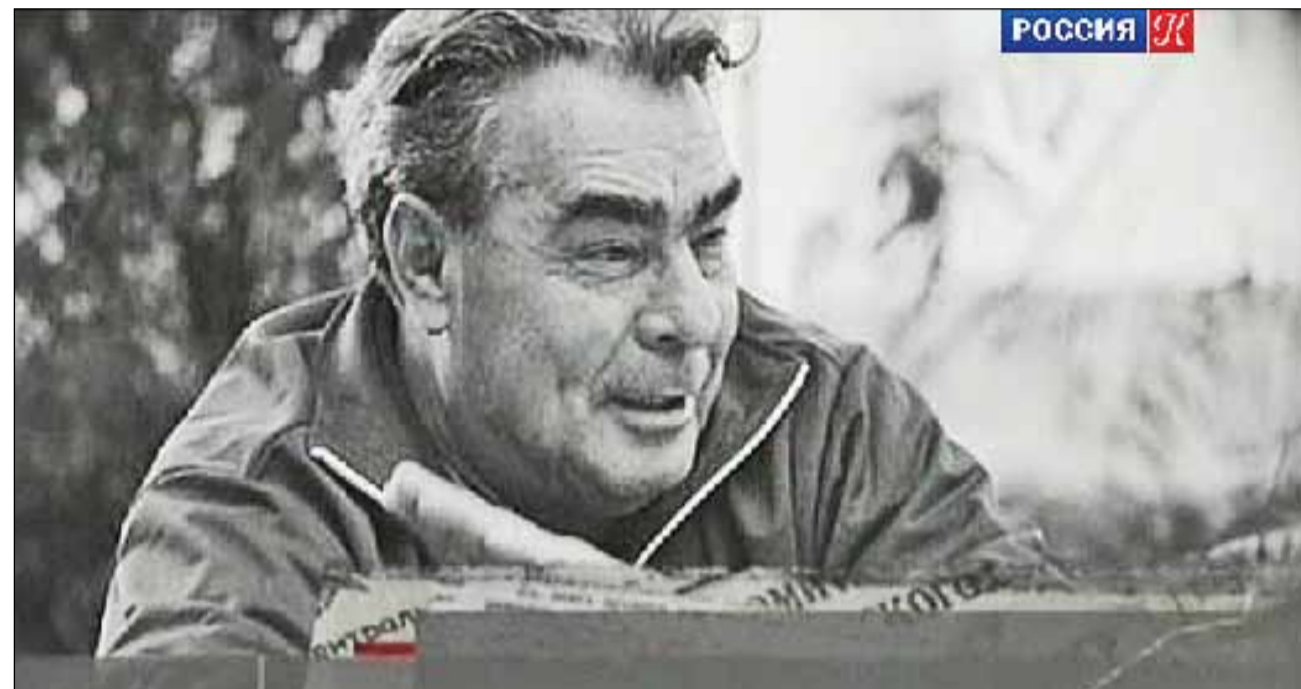
Мы увидели политика, закалённого в бою, администратора, который изучил свою страну досконально. На кончике его карандаша — все проблемы страны. Хлебопеканья, качество жилищного строительства, добыча газа... Под стать записям и фотографии. Брежнев до середины семидесятых — обаятельный, энергичный, цепкий. Именно такой человек и должен был возглавить государство рабочих и крестьян в середине XX века — иначе

мянул подавление Пражской весны как проявление русского империализма. Вот до чего доводит умолчание о ключевых подробностях того кризиса. А Брежнев отнёсся к чехословацкому вызову всерьёз. Мы услышали в фильме такую запись: «О размягчении социализма. Это требует анализа». Конечно, пражский опыт означал предательство социалистической системы — и Брежнев, и Косыгин, и Шелест именно так расценивали ситуацию. Но Брежнев понимал, что и сталинский мобилизационный социализм для мирного развития во вто-

И всё-таки главное — что телевидение перестаёт изображать Брежнева клоуном с густыми бровями. Перестроечные трафареты давно превратились в самопародию, но на телевидении многие до сих пор хранят им верность.

Дневник (а вслед за ним и фильм) не утаит и трагедию Брежнева. Этот жизнелюб не годился для адских перегрузок, но в сороковые годы он почти каждый день работал до полусмерти. Мы забываем, что Брежнев после войны возглавлял Запорожскую и Днепровскую области. Война испепелила этот промышленный край, а восстанавливать его нужно было без промедления. И не просто отчитываться о возрождении в бизнес-плане, а давать продукцию. О многом говорит простой факт: после Днепротрестовской карьера Брежнева пошла в гору. Он справился. Но — надорвался. Болезнь тревожила его с сорока лет, а к семидесяти — одолела. И изменились дневники генсека: теперь его интересовали удобные тужурки, тёплая вода в бассейне, домино, хоккей. До болезни, за первые десять лет правления, Брежнев награждал себя скромнее, чем Хрущёв. А тут силы оставили его — и обострилось мелочное сластолюбие. Но главная вина, конечно, не в орденах: простим старческую страстишку истинному воину-победителю. Вина в том, что Леонид Ильич в отличие от Сталина и Дэна Сяопина в последние годы боялся выдвигать дельных профессионалов на политический Олимп. Поколение Бакланова, Воронникова, Маслюкова передержали на вторых ролях... И всё-таки брежневская держава могла бы стать фундаментом будущего расцвета нашей страны, а обвиняя Леонида Ильича в сути дальнейшей перестройке мы не имеем права. Он свою вахту отстоял — и ушёл от нас не предателем, а «верным сыном». Шаблонное выражение, но верное.

Арсений АЛЕКСАНДРОВ

жавы. Потому и удалось в те годы превратить нашу страну в энергетическую сверхдержаву. Для сравнения — вспомним судьбу самых прорывных проектов последнего времени. Нанотехнологии, Сколково, «Анжи». А как вам энергетическая реформа Чубайса? Словеса и провалы, провалы и словеса. Брежнев в последние годы с превеликим трудом произносил свои длинные доклады, но теперь-то мы понимаем, как мало было вранья в этих речах! Тогда ведь не существовало президентской программы «Доступное жильё», зато стоимость однокомнатной кооперативной квар-

го исследования именно потому, что наконец-то в основе рассказа оказались дневники! Редактор журнала «Вестник архива Президента РФ» Сергей Кудряшов рассказывает о Брежневе без перестроечного фарисейства. В основе фильма — рабочие записи Леонида Ильича, а из дневников слова не выкинешь, кходячей конъюнктуре их не приспособишь. Там — субъективная, но всё-таки правда. Завучали дневниковые записи Брежнева — и куда подевался дуболом-бюрократ, которого изображают эстрадные пародисты? Страницы исписаны цветными карандашами.

всё оказалось бы ложью. Такова была задача Октября: научить простого человека управлять государством. И поколение Брежнева оказалось фантастически компетентным. Лучшее в фильме — цитаты из дневника, но и реплики историков хороши. А вот закадровый текст ощутил слабее. Сценаристам не удалось объективно минут за пятьдесят проанализировать брежневское восемнадцатилетие. Почему-то ни слова не сказано о том, что инициатором жёсткой политики в 1968 году был Пётр Шелест. Несколько лет назад Ющенко упо-

рой половине XX века не годится. Тогда и родилась концепция «развитого социализма», от которого осталось долгое ностальгическое послевкусие. Про диссидентов сценаристы вспоминали чаще, чем про ледоколы и электростанции, а надо бы наоборот. Не «инакомыслие» одолело СССР, а перенапряжение холодной войны и связанная с ним проблема товарного дефицита. А большие научно-технические проекты — это не просто строчки в энциклопедии, это миллионы людей «при деле». Миллионы профессионалов, а не ловкачей, не бомжей...

А ВЫ СМОТРЕЛИ?

televed@mail.ru

Новый сезон

После долгих телеканикул в эфир возвращаются популярные программы. Среди них на Первом канале «Голос» и «Вечерний Ургант». Последний вернулся сильно похулевшим, но таким же сытым и самодовольным. Почему из кадра исчез Александр Гудков, более-менее понятно, ну доставал его чрезмерно залихватистый смех, а вот почему его сменил другой Александр, известный телеведущий и продюсер Алейников, пока непонятно. Но всё, как и раньше — искреннему шутят над всем и вся... Вот посмотрит какой-нибудь зритель из «еврейской автономии» (так часто называют одноимённую область на радио) и подумает: «Из какой это жизни?» У них — по-то, беда, а здесь — вечный праздник: небоскрёбы, ночные клубы, доступные блондинки, томные взгляды, полунамёки, изысканные кушанья, кунштштоки, зажигательные танцы. Президент поёт что-то по-английски, а его недоумённо-восторженно слушают тренеры проекта «Голос», якобы среди них тоже проводился кастинг — такой пародийный номер, всех обсмеяли.

Кстати, шоу «Голос» началось ни шатко ни валко. Возможно, после прошлогоднего успеха мы слишком много ждали. Слишком большое внимание, на мой взгляд, стало уделяться тренерам, их реакции на пение конкурсантов. Мы их видели-перевидели, хочется вслушаться-вглядеться в будущих звёзд. Одна сердечная просьба к продюсерам Первого. Поскольку большинство песен поётся на иностранных языках, бегущей строкой давая русский перевод — не все зрители ещё овладели языками Шекспира, Данте и Рабле, а знать, о чём поют таланты, очень хочется.

Жанна ОНОПРИЕНКО

ТЕЛЕГРАМОТА

Прецедент и инцидент

Эта печальная история началась месяца три назад. Как по команде, журналисты большинства новостных программ взяли усердно выговаривать забористые словечки: «прецедент» и «инцидент». То, что одна буква «н» в каждом из них лишняя, как говорится, и ежу понятно. Ежу, но не редактору на ТВ. Для них, видимо, прецедент — это то же самое, что претендент. Кто-то из них ведь дал зелёный свет этому шедевру орфоэпии. Не удивлюсь, что он же и перечислил произношение своих корреспондентов — не все же они — неучи.

Что интересно, я вот сел писать эту реплику, а мой текстовый редактор назойливо выправляет эти слова. Написать «инцидент» прописными буквами так и не позволил. Интересно, владеют ли наши телевизионные редакторы компьютерной грамотой? И есть ли у нас на телевидении люди, ответственные за соблюдение правил русского языка? Вообще говоря, в таких случаях люди, обладающие зачатками чести, подают в отставку.

Сергей КАЗНАЧЕВ

ТЕЛЕПОВТОР

Тема без вариаций

На канале «Культура» показали фильм «Тема», предварив его беседой с Михаилом Ульяновым (из цикла «Коллекция Петра Шепотинника. Главная роль»).

Кино Глеба Панфилова датировано 1979 годом, а вышло на экраны уже при Горбачёве в статусе «снятого с полки», что, безусловно, добавило ему тогда, в конце 80-х, зрительского внимания. Сейчас факт запрета картины, кажется, стал частью её сюжета, важной составляющей созданного авторами художественного образа.

Главный герой — драматург-приспособленец, испивший конъюнктурщик, блестяще сыгранный Михаилом Ульяновым, по всей видимости, был призван проиллюстрировать положение дел в тогдашней писательской среде, указать на беспросветность происходящих в СССР социокультурных процессов, а заодно представить такое явление, как «советская литература», тупиковой ветвью эволюции. Задача эта, конечно, не могла обозначаться авторами публично (сценарий Червинского и Панфилова), да и вряд ли подразумевалась именно в этой формулировке, но послевкусие трудно было с чем-нибудь спутать. Талантливое, искромётное произведение с остро подмеченными деталями, яркими характерами, трагикомическими ситуациями неизбежно приводило зрителя к обобщениям и далеко идущим выводам: официальное искусство — зло, приближись существованию интеллигенту следует искать либо в пыльных музейных подвалах, либо в Америке, куда и собирался отправиться один из героев картины, сыгран-

ный лаконично и ярко Станиславом Любшиным. Мотив отъезда, намеченный в фильме пунктирно, свидетельствовал — несправедливость подстергает тонко организованную натуру с гражданством СССР буквально на каждом шагу. В данном случае к герою Любшина кто-то набивался в соавторы его литературоведческого открытия, ситуация, согласитесь, невыносимая, а значит, надо ехать. Правда, оценивая эти драматические обстоятельства с высоты современной русской действительности, где укоренились принципы демократии и свободы, невольно удивляешься наивным представлениям интеллигентов 70-х — 80-х о загнивании культурной и нравственных императивах капиталистического общества.

Героиня Инны Чуриковой отказалась эмигрировать с любимым человеком, она осуждает идею отъезда, однако важно обратить внимание на каких позициях: эмоционально и трогательно, в истерике расставания, она говорит, что её любимый и там со всеми переругается, да и никому он не нужен за границей. В этом аргументе и женская интуиция, и житейская мудрость, и более, пожалуй, ничего. Монолог с осуждающими нотками, придуманный как будто специально для цензоров, тем не менее не содержит мысли, что уезжать дурно не только и не столько из субъективных соображений психологического комфорта (интеллигентный человек о бытовом комфор-

те, понятное дело, не думает), а потому что бросать Родину это, как бы сказать, ну, типа, что ли, подло... Да, да, вот нужное слово — подло. Произнеси его Чурикова в напряжённой трагической сцене прощания, где герои помещены в суровый (для одних), симпатичный (для других) интерьер хрущёвки, и, кажется, никто бы фильм не запретил. Всё сложилось бы, выстроилось — для художества, для зрителя, для прочности драматургии, но нет — слова такого не нашлось. Почему? Да просто не использовалось это слово применительно к сидящим на чемоданах страдальцам. Даже цензор бы не решился предложить такую реплику, потому что и сам, вполне вероятно, уже шерстил генеалогическое древо на предмет поиска заветных корней, приглядывался к сектам, обдумывая перспективы стать

узником совести, вынашивал план необременительной фронды, не подпадающей под статью, но способной впечатлеть КГБ с ОВИРОм. Где тот цензор — неизвестно, а вот Александр Червинский уехал в Америку вслед за своим персонажем в 1993 году...

И вот ведь что любопытно, скажи тогда Чурикова Любшину: «Да, это же подло, чем бы ты ни объяснял своё решение, здесь ведь Родина твоя — уедешь, станешь заурядным предателем», и «Теме» во веки веков не стать любимым фильмом столичной интеллигенции, глядишь, даже и «Культура» не стала бы его показывать. Потому что вышла б совершенно другая картина, с иной, не побоямся этого слова, парадигмой. Вся драматургическая конструкция работала бы на смыслы, чуждые либеральной интел-

лигенции. Все многочисленнейшие режиссёрские тонкости, артистические кружева, атмосферные фишки умножились бы пафос, режущий слух чувствительного арбатского братства... А ведь одно слово — и кино стало бы убедительным манифестом, способным повлиять и на конкретные человеческие судьбы, упредить чьё-то трагическое решение, и даже на судьбу страны, ведь это были времена, когда люди ещё романтически верили кинематографу...

Конечно, героиня Чуриковой ничего подобного сказать не могла, такой вариант был просто невозможен. В фильме создан образ типичной интеллигентки 70-х, в которой едва угадываются черты движущей силы будущей перестройки. Эдакий невзрачный, но живучий росток, бутон борщевика,

который только со временем станет опасен, оккупирует брошенную колхозами землю, претанет во всей красе своим устрашающим ядовитым погловьем.

Если бы героиню сыграла не Инна Чурикова, а, скажем, Татьяна Лаврова, портрет интеллигентки «эпохи застоя» вышел бы карикатурным. Потому что при создании образа интеллигента неприемлемо никакое преувеличение. Бросающаяся в глаза привлекательность была бы воспринята целевой аудиторией как пошлая агитка. Интеллигентка должна быть не внешне эффектной, а внутренней красотой, в этом её недостаток и уникальное конкурентное преимущество. Интеллигентка сама по себе ходячий парадокс и генерирует парадоксы, вдохновляя самов на интеллектуальные подвиги. Вот и в «Теме» одной, казалось бы, репликой точно обозначена женская порода, когда чуриковская героиня роняет фразу, как будто пёрышко с воробушки упало, да он и не заметил: «А может быть, князь Игорь был совсем не герой, а был скорее авантюрист и зря погубил свою дружину?»

Мог ли после такой фразы устоять герой Ульянов и не потянуться к прекрасному, не оценить прозорливость интеллигентной собеседницы? Ведь в этом же ключе заговорили вскоре и о других наших полководцах, досталось и Александру Невскому, и Сталину, и Брежневу, вот Ельцин только, пожалуй, один-единственный не проштрафился на ниве авантюризма...

Конечно, именно Ульянов должен был сыграть драматурга с несчастливым именем Ким и фамилией Исе-

нин. Тут даже видятся некие знаки «Темы», посылаемые современникам в конце 70-х: Ивановы, Петровы, Сидоровы, принявшие коммунистические идеи и служившие им верой и правдой (по возрасту Ким Есенин — фронтовик), — какие-то жалкие люди. Когда-то за границами сценария родители принесли мальчика в жертву коммунизму, и вот корабль с сомнительным названием поплыл, как ему и предназначалось, тёмными водами идеологических компромиссов, покуда вдали не пошла агитка. Интеллигентка должна быть не внешне эффектной, а внутренней красотой, в этом её недостаток и уникальное конкурентное преимущество. Интеллигентка сама по себе ходячий парадокс и генерирует парадоксы, вдохновляя самов на интеллектуальные подвиги. Вот и в «Теме» одной, казалось бы, репликой точно обозначена женская порода, когда чуриковская героиня роняет фразу, как будто пёрышко с воробушки упало, да он и не заметил: «А может быть, князь Игорь был совсем не герой, а был скорее авантюрист и зря погубил свою дружину?»

Мог ли после такой фразы устоять герой Ульянов и не потянуться к прекрасному, не оценить прозорливость интеллигентной собеседницы? Ведь в этом же ключе заговорили вскоре и о других наших полководцах, досталось и Александру Невскому, и Сталину, и Брежневу, вот Ельцин только, пожалуй, один-единственный не проштрафился на ниве авантюризма...

Конечно, именно Ульянов должен был сыграть драматурга с несчастливым именем Ким и фамилией Исе-

Олег ПУХАНЧЕВ

Кипр: море, солнце, стихи

Современная поэзия этого небольшого островного государства в Средиземноморье неразрывно связана с его историей. Кипр, расположенный между Европой, Африкой и Азией, не раз становился добычей завоевателей. После периода господства франков и венецианцев (1191–1570) Кипр на три столетия перешёл в руки турок (1570–1878), которые по тайному соглашению передали остров Великобритании. В результате освободительной борьбы 1955–1959 годов британское господство над островом закончилось, но молодой республике не удалось справиться с новыми проблемами: гражданскими столкновениями 1963–1964 годов, возвращением к вопросу объединения с Грецией, противостоянием между левыми и правыми, государственным переворотом и свержением правительства. Всё это в 1974 году послужило для Турции поводом ввести свои войска и оккупировать почти 40% территории острова, которые она контролирует и по сей день.

Трагические события, связанные с турецким вторжением на Кипр, не могли не отразиться на творчестве кипрских поэтов, голоса которых звучат всё более решительно, обретая силу в накале политических страстей. В этом русле политико-патриотической поэзии выделяется многочисленная группа молодых поэтов, появившаяся после кризисного 1974 года. Их стихи были посвящены в основном теме турецкой оккупации острова, отражая современность сквозь призму истории. Постепенно жизнь брала своё, и в кипрской поэзии стали появляться другие темы — любовь, экзистенциализм, философские идеи, но тем не менее всё это так или иначе было связано с событиями, которые случились на Кипре почти 40 лет назад. Новейшие поэты Кипра, заявившие о себе после 1990 года, отходят от набольших политических проблем острова и используют обновлённый образный язык, не ограничиваясь лишь патриотической и национальной тематикой.

По мнению известного поэта Георгиоса Молескиса, избранного в июне 2013 года председателем Союза писателей Кипра, исторические события второй половины XX века очень повлияли на творчество многих кипрских поэтов и писателей:

— Сегодня Союз писателей Кипра объединяет около 90 человек. Мы организуем различные литературные мероприятия, участвуем в международных конференциях по линии Конгресса европейских писателей (EWC) — (European Writers Congress). Несколько лет назад конгресс учредил Европейскую премию по литературе для молодых писателей и поэтов. В нынешнем году мне довелось председательствовать в этой комиссии в Брюсселе. Мы вручали премии двенадцати авторам, а кроме того, их произведения переводятся сейчас на французский и английский языки и будут представлены на книжных выставках Европы. Европейский союз спонсирует издание произведений молодых авторов. Мы тоже ежегодно присуждаем пре-

мию кипрскому писателю или поэту. В наш союз входят как греки-киприоты, так и турки-киприоты, мы активно сотрудничаем. В ближайшее время готовим к изданию ряд новых работ.

Из современных кипрских поэтов, по мнению греческих и кипрских специалистов, можно выделить несколько имён, которые внесли новый вклад в копилку поэзии острова. Среди них — Кириакос Хараламбидис, Андреас Кукумас (Антис Канакис), Михалис Пашардис, Дина Катсури, Георгиос Молескис, Наса Потапиу, Христос Халджипапас, Йоргос Христодулидис, Михалис Пападопулос, Леонидас Галазис, Памбос Кузалис. Безусловно, этот список может быть продолжен, ведь Кипр в последние годы стремительно развивается, в том числе в области литературы, образования, культуры, искусств.

Эдвард АСЛАНЬЯН,
сборник «ЛГ» на Кипре

Георгиос МОЛЕСКИС

Изучал филологию в МГУ имени Ломоносова, написал докторскую диссертацию на тему восприятия творчества Маяковского в новогреческой литературе. Опубликовал поэтические сборники, новеллу, исследования и переводы русской поэзии. Работы Г. Молескиса переведены на французский, итальянский, румынский, болгарский, албанский, английский, турецкий. Много лет назад стихи Г. Молескиса были опубликованы в «ЛГ» и журнале «Октябрь».

НАША РОДИНА МАЛА

Наша родина мала, вокруг — море,
Границы остального мира не видны.
Начинаются дожди и вот их уже нет,
И мы остаёмся сухими

и с чувством жажды.
Ветры дуют со всех сторон,
Но мы никогда не берём верный курс.

Наша родина мала и угрожающе
уменьшается.
Балансируем недолго и вновь падаем.
Испуганные, больше смотрим назад,
И чем вперёд.

Раскапывая забытых святых и героев,
Всё меньше родина и всё больше героев,
всё беднее души и всё больше святых.
Какую пользу они принесли, что призываем
тех, что отошли уже на покой!

Герои стали армией
и убивают в нас человека,
святые стали армией
и убивают бога внутри нас.

Свобода! Свобода! Откуда ты придёшь,
чтобы нас освободить!

ВОДА ПАМЯТИ

Безыскусны планы
наших воскресных выходов.
Всегда едем на юг
и возвращаемся в Никосию,
лениво смотрящую на Пентадактилос
в фиалковом свете сумерек.

И вот мы смотрим друг на друга,
Пентадактилос, и я брожу
среди твоих вершин

со сказкою своей.
Перехожу на противоположный берег
и окунаюсь

в другие времена,
в дни, когда цвело улыбками море,
с другими трагедиями,
с другими волнениями...

А детям, что постоянно спрашивают
об этой стене,
рассказываю сказку,
где добрый есть и злой,

и, как это всегда происходит в сказках,
добро побеждает,
и герой входит во дворец
или
приносит в последний момент
живую воду
и воду памяти.

ИЗ МИНИМУМА

Поэзию, как и хорошее настроение,
можешь почерпнуть и из минимума,
почти из ничего. И тогда
это ничто подучит обличье,
и тело обретёт, как в библейском чуде.

Для поэзии не нужно много. Факты
зачастую отяжеляют её и душат,
как и всякий расчёт — любовь.
Но, когда она есть, — это лестница,
которая ведёт к столу с хлебом,
к кружину вина
или к любовному ложу.

Дает почувствовать ещё раз
акус бессмертья,
как акт любовный с женщиной любимой,
что завершается зачатием.

Перевела Юлия КУТНЯЯ

АНТИС КАНАКИС

Именно в этом возрасте
Победил
все свои комплексы.
Говорил с нею свободно.
Не стеснялся
держать её руку
и целовать на улице.
И твёрдо говорить, когда надо:
«Это моё мнение, я на этом настаиваю».

Именно в этом возрасте
оказался на передовой
с оружием в руках.
Не вернулся.
Годы прошли.
Она разделила
жизнь свою с другим.
Родила детей.
Волосы поседели.
Но часто она
закрывается в своей комнате
надоев с ним —
он улыбается с фотографии
и остаётся в том же возрасте.

Перевёл Пётр ВЕГИН

ГОЛУБКА

С детства
я никогда не шёл
по общей дороге,
у меня всегда была своя тропинка.

Через овраги,
леса и горы.
Чтобы встретить тебя,
волшебница.
Надо мной смеялись
за моё чудачество.
Но я продолжал идти
за твоей тенью.

Ты бежала,
летала и
с высоты улыбалась,
сбрасывая свой пух
на землю.
Я собирал
каждую пушинку,
чтобы ветер
не унёс их.
Я дышал
много лет
твоими улыбками.
Я вязал свои стихи
твоим пухом.

Но сейчас,
когда не могу
идти
по твоему пути
и не могу
менять дорогу,
Ты мне перестала
улыбаться.
И сбрасывать
свой пух.
Ты кружишься
надо мной
и с высоты
смотришь
на меня
с иронией...
Моя белая
голубка.

Перевела Ольга КУКУМАС

Андреас ГЕОРГАЛЛИДИС

ПОДЛИННЫЕ ДИСТАНЦИИ

Я обновляю свои молчаливые соглашения,
убирая звук.
Молчание ничему не адекватно,
когда смысловые значения
обнаруживают подлинную глубину.

СОЛИСТ

Никто не пришёл на концерт,
но солист играл,
словно его слушал весь мир
и даже больше.
Аплодисменты прозвучали,
они до сих пор ещё звучат...
Все, кого трогает волшебные звуки музыки,
очень хотели бы причаститься к ним.
Никто не пришёл на концерт,
но солист играл.

ПЯТОЕ ВРЕМЯ ГОДА

...я регистрирую свою жизнь,
чтобы не испугать
пятое время года.
Я держу в руках несуществующее время,
откладывая на будущее никому не нужное
распределение событий.
Они всё в том же порядке,
и потому эпизода нет....

Перевела Лара БАРГИЛЛИ

Михалис ПАСИАРДИС

МОМЕНТАЛЬНЫЙ СНИМОК ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

Владимир,
вот бы прикоснуться
к краю твоего пиджака,
подумалось мне, глядя на тебя,
внимательно наблюдающего
за репетицией «Скорпиона»
с Мейерхольдом
и другими.
Может тогда ты вдруг обернёшься
и посмотришь на меня
со знакомым движением непослушных волос
и всей друстью
твоих глаз.

Перевела Ирина КОСЕНКО

Дина КАЦУРИ

ИСКУССТВОВЕДУ

И кто тебе сказал,
Что тебе дано это право,
В целях филологического порядка и только,
Вооружившись ланцетом, щипцами,
бинтами и

хлороформом,
на стол операционный укладывать
Наши слова,
Слова наши кровные,
Им чрево вскрывать,
Внимать из них внутренность,
Копаться в надразгах,
Прямых, поперечных и наискось,
Кровавить в руках своих
Имена и эпитеты,
Точки и скобочки.

И кто тебе сказал,
Что тебе дано это право,
Ставить диагнозы
Нашим мыслям заветным,
Нашей страсти по жизни
И идейному нашему качеству.

Ты должен был знать,
Что мы не этим самым подобные,
Кто между раним и позним ужином
Убивает мозг отмирающий,
Стараясь выродить строчечку
Поэмы
В духе, тобою предписанном,
По тобою написанным правилам.

Ещё ты должен был знать,
Что нам ни к чему совсем
Твои филолога выкладки
И грамматиста инструкции.
Нам чужды поиски верного
Едино
Слова значения
Со всеми намёками, подтекстами
и метафорами.

Абстракция, что воспевается,
Омрачает наши измерения,
И увечит чувств измерение.
Перевела Виктория ЧЕЛПАН

АЛЕКСАНДР ШЕЛЛЕР-МИХАЙЛОВ – 175

Без скуки и отвращения

создавать на бумаге жизненные модели. При этом модели не рутинные, но чем-нибудь замечательные, заострённые, яркие хотя бы в одном проявлении. И проявление это вовсе не обязательно должно отзвучать в сознании.

Едва ли кто-то не согласится, что описание частностей само по себе малоинтересно и никому особенно не нужно, если только эти частности не связаны с целым. Под целым же, конечно, следует понимать не местечковые проблемы, а нечто, если и не объясняющее всё вообще, то по крайней мере дающее понять, что жизнь — это не только финансовые потоки в тек или иных своих проявлениях.

Хотелось бы также поменьше натурализма и побольше тех самых благородных чувств, коловших глаза критикам XIX века и называемых Салтыковым-Щедриным «самым сильнодействующим ядом нашей литературы». Но именно благородных чувств, а не слюнчасти и слащавости, и без того щедро отравляющих современную словесность.

Итак, все, скорее всего, понимают, из чего должна складываться хорошая литература. А между тем именно хорошей литературе у нас и не получается. И ведь речь не идёт о высших достижениях! Куда подевались романы, которые хотя бы не скучно было читать? А романы, где бы герой, как говаривала графиня Анна Федотовна Томская из «Пиковой дамы», «не давил ни отца, ни матери и где бы не было ни отпленных тел»? И если в XIX веке над писателями, доказывавши-

ми, что порок и в шелках порок, а добродетель, как ты её ни поворачивай, всё добродетель, смеялись, то нам, пожалуй, впору звать так в таких писателях. Чтобы те явились и развёрнутыми картинками нормальной человеческой жизни прочитали бы общественное сознание.

Среди тех, кого подвергал острой критике М.Е. Салтыков-Щедрин, был и Александр Константинович Шеллер-Михайлов, «чёрнорабочий» русской журналистики и литературы, как его называли впоследствии. Честный труженик, всего себя отдавший Русскому Слову, Шеллер создал около ста произведений, среди которых и стихи, и статьи, и рассказы, и около тридцати романов. Это был тот человеческий тип, что почти исчез в эпоху потребления — человек мечты, человек идеи.

Шеллер не совершил переворота в литературе, не сказал в ней нового слова, не предложил собственных философии. Возможно, поэтому о Шеллере написано не так уж много. А серьёзных трудов, посвящённых анализу творчества писателя, и вовсе не существует. А между тем даже названия шеллеровских произведений могли бы стать предметом научного исследования. Чего стоят хотя бы «Вешние воды», «Господа Обносковы», «Над обрывом» и т.д., отсылающие к Тургеневу, Салтыкову-Щедрину, Гончарову. Можно ли в данном случае говорить об интертекстуальности? И какой место творчества Шеллера в этой перекличке названий?

Так, например, использование в заглавии слова «господа» в сочетании с фамилией или любым другими обобщающими наименованиями указывает на то, что речь в произведении пойдёт о группе людей, объединённых некими качествами или обстоятельствами. Действительно, и Шеллер-Михайлов, и Салтыков-Щедрин представляют читателю семейства, причём семейства довольно противные, отравляющие жизнь окружающих.

Но только Шеллер описывает, а Салтыков-Щедрин исследует. Исследует миллиметр за миллиметром, поднимаясь на недосягаемую высоту обобщения. И всё же роман Шеллера читается с меньшим интересом и впечатления дарит самые благоприятные.

Масштаб дарования Шеллера не позволил ему встать в один ряд с великими. Да, порой он повторяет сам себя. Да, порой герои его произносят напыщенные монологи протяжённостью в три страницы. И тем не менее романы Шеллера нескучно читать, они насыщены событиями, добро в них побеждает зло, подлецы и негодии либо караются, либо встают на путь исправления. И такти исправляются!

Шутка сказать: ещё при жизни писателя романы Шеллера спрашивались в библиотеках чаще, чем романы Тургенева и Толстого. Книжки его переиздавались и переводились на многие языки. А общий тираж романа «Чужие грехи» достиг 22 000 экземпляров — по тем временам ти-

раж крупный, учитывая к тому же отсутствие системы «раскрутки». Шеллер оказался выразителем чаяний немалого числа людей, нуждавшихся в слове добра и правды. В искреннем и горячем слове писателя, который, не мудрствуя, звал их к лучшей жизни и уверял, что такая жизнь возможна, стоит лишь каждому сделать над собой усилие и претворить порок, заняться делом на благо ближним.

В одном из писем, полученных писателем по случаю 35-летия его литературной деятельности, почитательница Шеллера написала: «... Вы пробуждали в нас душу, будили ум, заставляли вникать в самих себя, в окружающую жизнь, сочувствовать горю ближнего и быть отзывчивым; а Вашей правдивостью, честными взглядами, нравственной чистотой и искренностью Вы всецело завоевывали и покоряли юные сердца наши...» А подобные признания дорогого стоят.

Впрочем, что же тут удивительного? Ведь Шеллер не кликушествовал и не мямлил, не рыгал словами и не перебирал их, как чётки, сонной рукой.

Он горячо защищал детей, смело заявляя, что зачастую первые враги детей — сами родители: «Не имей матери — это горе, имей дурную мать — это глубокое несчастье» («Над обрывом»). И о том же в стихах:

Горе своё я умею терпеть,
Стонам людским я внимаю
бесстрастно.

Только на детские слёзы
смотреть
Я не могу безучастно.

Он вступал за женщин, протестуя против стереотипов и бесправия и утверждая, что «хорошая русская женщина стоит неизмеримо выше хорошего мужчины <...> На вопрос: что делала хорошая русская женщина в то время, когда мужчины проповедовали, служили, бил баклуши, создавал воздушные замки преобразования людей и ругал настоящее положение дел? я ответила бы: работала» («Гнилые болота»).

Он ратует за образование и воспитание, ненавидит безделье и ложь. Его горячие призывы к честности и порядочности, к красоте и благородству, неприятие нытья и проповедь жизненной активности, его способность «внушения нравственного», дар увлечь и заставить сопереживать — всё это, возможно, именно то, чего не хватало современной словесности. Кто это решил, что современному читателю не нужно, чтобы в нём пробуждали душу и будили ум? С чего бы это литераторы воображали, будто могут кормить читателя грязью и пустотой?

Шеллер незаслуженно забыт. Книжки его, выходявшие в советское время, сегодня не переиздаются. А между тем его живое, искреннее, увлекательное повествование не просто пришлось бы по вкусу читателю, но вполне могло бы послужить образцом для появления беллетристики, которую можно читать без скуки и отвращения. Где уж нам мечтать о вершинных образцах! Как говорит-ся — не до жиру...

Светлана ЗАМЛЕЛОВА

СИТУАЦИЯ

Смерть браконьера

Судьба бывает строже рыбнадзора

Из полицейского протокола: «...на Березовском заливе обнаружен труп Мокрого Ивана Васильевича, 1965 года рождения. Житель села Полянки, безработный. Смерть наступила в результате переохлаждения тела».

ЗНАТОК ПРЭСНОВОДНЫХ

В документе, подводящем черту под недолгой жизнью Ивана Мокрого, есть существенная неточность. А именно: покойный безработным в прямом смысле этого слова никогда не был. Наоборот, с юных лет до самой своей нелепой кончины он трудился неустанно, не зная ни сна, ни отдыха, ни выходных. Ибо только такая неуёмная энергия давала ему возможность вполне сносно (по здешним меркам) существовать. А именно: иметь дом, автомобиль, деньги на еду и выпивку. И конечно, на приобретение рабочего инструмента: то есть сетей, верш, «экранов», лодки, сапог-бродней, прорезиненных курток и прочего инвентаря. Ванька Мокрый всю жизнь работал. Браконьером.

Я понимаю, что к этому занятию каждый из нас в какой-то мере причастен. Все мы браконьеры — в том смысле, что порти́м и ломаем столь безупречно созданное Всевышним мироздание. И те, кто выплывает в реки дерьмо, и те, кто нарушает выбросами озонового слоя планеты, и те, кто устраивает свалки над чистыми родниками... Но среди всего этого сонма разрушителей есть — как бы это выразиться? — особо целенаправленные типы, владеющие своё призвание в этом губительстве.

Иван Мокрый был именно из таких. Фамилия ему вполне подходила: вечно у воды или в воде, вечно в резиновых броднях, вечно простуженный. Вот и звали его Ванька Мокрый.

Известно, что браконьеры имеют свою специализацию, свой профиль. Один спец по истреблению зверя и птиц; другой лес валит; третий цветы и травы изводит. Иван Мокрый был ас по рыбе. Ещё точнее: по волжской рыбе.

Могут сказать: ну какие уж тут особые знания и таланты требуются, чтобы рыбу губить? Ставь сети, тащи бредень, поджигай взрывчатку — и конец! Не скажите, граждане. Квалифицированный «бракоша» — это мастер своего дела. Он должен знать, когда начинается нерест у белого карася и карася жёлтого, при какой температуре активизируется сом и идёт в заливы, в какие утренние часы и где именно толпится крупный язь... Ну, ветер, погода и прочие климатические условия — это само собой. Иван Мокрый, под рюмку именовавший себя «заслуженным браконьером Поволжья», оба толстенных сабанеевских тома «Пресноводные рыбы России» наизусть, можно сказать, зубобрил. И при случае похвалялся:

— Я заметки на полях книги уважаемого профессора делаю... Разве мог, скажем, Сабанев ведать, как сложится жизнь волжской рыбы после того, как реку переграудят гигантские плотины? Разве мог он предпо-

лагать, что в илистых глубинах подпруженных вод заведётся стадо золотых и серебряных карасей — и когда именно эти полчища ранее исключительно прудовой рыбы станут подниматься в Березовский залив на нерест? И что именно эти дни рыбных свадеб станут днями свальной нежизни для Ивана Мокрого и его сотоварищей-браконьеров?

БАЛАНС С ПРИБЫТКОМ

Иван Мокрый был одним из лучших учеников полноводской школы — и потому без особого труда поступил в Политехнический институт. И возможно, стал бы способным инженером, командиром производства. Но судьба распорядилась иначе: со второго курса Ивана забрали в армию (тогда отсрочек не было) и назначили заведовать каптеркой, что и определило весь его жизненный путь.

— Сижу, понимаешь, и размышляю. Вот кто я есть? Младший сержант, полный нуль. А подходит ко мне кавторанг и уважительно так сетует, что его жена зашила по поводу сильно поношенных простыней. А у меня этих тряпочек — на целую команду. И разве мне трудно принять пяток драных и выдать командиру четыре новых? И ему приятно, и мне прибыток.

Суть «размышлизмов» Мокрого над «балансом с прибытком» свелась к тому, что он стал искать сферу деятельности, где «прибыток» как бы заложен сам собой, автоматически, изначально. И его осенило (да и разве его одного?), что самый весомый «прибавочный продукт» существует там, где уже за него поработала природа-матушка.

Вернувшись в родные Полянки, Иван стал усердно «окучивать» громадный волжский залив. Чем только не промышлял! Вывел всю ондатру (продавал мех на шапки); осенью утиное племя истреблял беспощадно; зимой бил кабанов. Весной, на пролёте — гусей. И каким оказался изобретательным, сметливым, увёртливым! Охотинспекция поначалу пыталась Мокрого прищипнуть. Нагрянули однажды с обыском: мол, кабана накануне завалил, нам стукнули. Иван гостеприимно все саран-погреется сом и идёт в заливы, в какие утренние часы и где именно толпится крупный язь... Ну, ветер, погода и прочие климатические условия — это само собой. Иван Мокрый, под рюмку именовавший себя «заслуженным браконьером Поволжья», оба толстенных сабанеевских тома «Пресноводные рыбы России» наизусть, можно сказать, зубобрил. И при случае похвалялся:

— Я заметки на полях книги уважаемого профессора делаю... Разве мог, скажем, Сабанев ведать, как сложится жизнь волжской рыбы после того, как реку переграудят гигантские плотины? Разве мог он предпо-

— Я заметки на полях книги уважаемого профессора делаю... Разве мог, скажем, Сабанев ведать, как сложится жизнь волжской рыбы после того, как реку переграудят гигантские плотины? Разве мог он предпо-

РМ-Иллюстрация

уменьем своим и жил-кормился целых пятнадцать лет, до самой кончины.

КОРМНЫЕ ДНИ

Так вот: карась в залив пошёл! Восклицательный знак стоит не зря: это самые кормные для Ваньки дни — тут самый большой прибыток. Ждёт не дожидясь этого часа Иван Мокрый. И не один. Тут целая команда под его началом: две машины, мотоцикл с коляской; семь здоровенных мужиков готовятся к крестовому походу против самой миролюбивой рыбки российских вод.

Впрочем, можно ли назвать рыбкой вот того красавца в кило весом, которого только что вытащил из мотни бредня Иван Мокрый и торжествующе держит над головой двумя руками?

Такое бывает только раз в году. Ещё только начинающие зеленеть камыши длинководя шевелятся, шуршат — это трутся боками, вымётывая икру и молюки, матёрые рыбы. В такие дни раньше, в царские времена, над Волгой даже благовест запрещался — не спугнуть нерест, заложенный уловом. Ныне по сумеркам — а то и среди бела дня — парни с нехорошим взглядом волокут длинководя бредни, набитые рыбой, заполняют его полиэтиленовые мешки и увозят — на продажу, для засолки. Да-да, малосольный карась под пиво — это ноу-хау сегодняшних браконьеров.

А тем временем на берегу разворачивается становище: машины, палатки, костры и мангалы. И водка ящиками, и пиво в пятилитровых кугах, девочки и музыка. Хмельной и гордый,

руководит всем этим браконьерским табором, конечно же, Ванька Мокрый.

И продолжает это дикое издевательство над природой не день-другой, а целый месяц с гаком! Ибо не только карась, покормный вечно зову разноможения, валом валит в мелководья, но и сазан. И щука — да, да! Отметавшая икру ещё в марте, теперь речная хищница идёт за мелкотой, которая тоже кишмя кишит в поволодьях, тоже мечет икру... И потому так ликуют Иван и вся его ватага.

А рыбинспекция? Ха-ха, да вот она — заданью прибыла! Иван отстёгивает ей регулярно и щедро. Претензий к нему не имеется.

ПОСЛЕДНИЙ САЗАН

Как у любого классного спеца, у Ивана были и любимые виды занятий, и «инструменты». Нет, бредень он не уважал: грязно, грубо, тяжело. И нет азарта, куража, истинной страсти. Да и компанейский галдэж поднадоел. И потому всё чаще и чаще шёл на залив острожить. То есть бить рыбу острогой. Инструмент у него был особый, сделанный по личному заказу приятелем на судоремонтном заводе: пучок зазубренных стрел из нержавеющей стали, словно когти у хищника, не оставлял жертве ни малейшего шанса на спасение...

— От меня и уж не уйдёт, не то что сазан! — хвастался Мокрый. — Я с острогой — водяной бог! Потому второе прозвище у Ваньки Мокрого было такое: Иван Посейдон.

Ах, как замирала в предвкушении охоты его душа, когда

шёл он бодро к заветной протоке, где шевелилась от брачного сазаньего хоровода уже поднышающая над водой осока! Медленно, затаив дыхание, стоял он, пока не являлась, чуть не тыкаясь в его бредни, серая сазанья спина. Короткий удар — и вот уже бьётся пронзённая насквозь трёхкилограммовая рыбина. Так сильно трясётся, что прогибается дубовый держак остроги и сам Ванька чуть не теряет равновесие при могучих рывках рыбины...

Было и промахивался Иван. Или цеплялся острога рыбий бок одним зубом — и срывалась жертва, уходила бурым кровавым клубком, искалеченная и обречённая. И тогда возвращался Мокрый с залива злой, не разговаривал с женой, уходил в огород. Там стояла у него большая ёмкость с водой для полива, где плавал резиновый мячик. Вот его-то и прыгал, и прыгал до отупения острогой Иван по часу и более. То ли нервы успокаивал, то ли руку набивал.

Но такие промахи случались нечасто.

...Наверное, и тот тихий, благостный вечер был бы удачным и благополучным для Посейдона. Он выбрал место на своей самой любимой протоке — Дальней. Она была безлюдна, тиха, заманчива.

Из полой, ещё не сошедшей воды торчали стебли старого рогоза, пробивались зелёные стрелки осоки. Полоска чистой, зеркально-спокойной воды тянулась посередине. Там была глубокая промоина.

...Рыбы возникли из тёмной глубины беззвучно. Первой к глянцанному кушам шла сазаниха полуметровой длины; отстав на полголовы, её сопровождали два самца.

Как только морда беспечной рыбины коснулась сапога, Ванька Мокрый изо всех сил бросил острогу вниз.

Ах, если бы все три сазана не метнулись ему прямо в ноги, если бы Иван не поскользнулся! Если б не дрогнула его рука от сладостной мысли: «Всех! Сразу!»

Зверинный вопль взметнулся над безлюдной протокой в предрасный светозарный час заката. Так торжествующе вопил Посейдон, когда его братки выволокали на берег очередной богатый браконьерский улов. Но сейчас это был не крик преступной победы, а крик боли.

Посейдон промахнулся. С насквозь пробитой стопой и застрявшей в ней острогой Иван сумел пройти по воде метров двести. Потом упал — и больше уже не поднялся. Помочь было некогда...

Умер Посейдон, конечно, не от переохлаждения, как отмечено в полицейском протоколе. Ведь сазан мечет икру при тёплой уже воде. Скорее всего Ванька Мокрый захлебнулся. Но какое это имело значение?

Жан МИНДУБАЕВ, собкор «ЛП», ТАТАРСТАН

КНИЖНЫЙ РЯД

По русской провинции на машине времени

Алексей Митрофанов. Повседневная жизнь русско-го провинциального города в XIX веке: пореформенный период. — М.: Молодая гвардия, 2013. — 511 [1] с. — (Сер. «Живая история: Повседневная жизнь человечества»). — 3000 экз.

Наверное, каждый любитель чтения знает, что одни книги нужно проглатывать «залпом», а другие — надолго «растягивать», словно хороший напиток. Именно к такому разряду можно отнести новую работу писателя и тележурналиста Алексея Митрофанова. Для этой книги автор поставил конкретную и довольно сложную задачу — воссоздать дух русской провинции. Без сусального поэтизирования, но и без снобистской сниженности современного столичного жителя.

Открывая книгу, словно садишься в машину времени и совершаешь увлекательное путешествие по русской провинции более чем столетней давности. Картины, создаваемые автором, настолько яркие, что реально возникает «эффет присутствия», бытовые подробности не просто заворачивают, они затягивают в себя. Перед нами легко и непринуждённо разворачивается повседневная жизнь городов и городков старой России и их несчастных, безмятежных, сокровенным жизненным укладом, который хотя и ушёл навсегда, но оставил после себя значительный след и в облике самих городов, и в привычках их жителей.

В книге использованы самые разнообразные источники. Это и газетные заметки тех лет, и полицейские хроники, и отрывки из художественных произведений и мемуаров — как русских, так и иностранных. Причём все эти свидетельства имеют для автора одинаковую ценность, поскольку они — живой голос эпохи. Заркам повествования умышленно вынесены Петербург, Москва, окраины страны, а также губернии, находящиеся за пределами Восточной России, поскольку жизнь в них сильно отличалась от жизни русского провинции.

Что же бросается в глаза в первую очередь? Конечно же, внешний облик городов. Как известно, Россия того времени была отнюдь не городской страной. В начале прошлого века лишь десятая часть жителей обширной империи имела статус горожан (сегодня таких почти две трети). Да и города, кроме двух столиц, были небольшими. Из почти тысячи городов в великороссийских губерниях ещё только Саратов, Казань, Ростов-на-Дону, Тула и Астрахань — насчитывали более 100 тысяч жителей. Небольшие же городки, за пределами своих центральных кварталов, мало чем отличались от крупных сёл или посёлков. Различные сословия состояли лишь в основном занятиях жителей. Как писал Иван Аксаков, в городе трудно найти «мужика-землепашца, а встречается вам на каждом шагу мужик промышленный, фабрикант, торговец». Сюда нужно добавить ещё работавших «в услужении» и, конечно же, духовенство, жившее при многочисленных церквях и монастырях.

Больше всего в книге поражает то, что, о каком бы городе ни рассказывал автор, будь то живописный Торжок, богатый Рыбинск, утопающая в берёзовых рощах Вологда или же заурядные Калуга и Ива-

ново-Вознесенск, всегда находятся в источниках какие-то чёрточки и характеристики, которые выделяют его по-особенному, с лучшей стороны. Например, калужане гостеприимны, в Костроме — «великая опрятность», а Ростов-на-Дону настолько хорош, что скоро «купцы Кавказа перестанут ездить в Москву, а все дела свои будут иметь в этом городе. А вот слова Бориса Зайцева, восхитавшегося жителями одного из красивейших городов русской провинции, Ярославля: «...Ярославцы издавна славятся людьми прочными, жизненными и сметливыми». И ещё одно наблюдение: даже простые «ярославцы» носят рубашки со всегда накрахмаленными кружевными манжетами. В скобках замечу, что и сегодня жительницы этого города как-то по-особому заботятся о своей одежде, хотя «эпоха постмодернизма» вносит свои коррективы в традиционные жизненные ценности.

Алексей Митрофанов откровенно любит то, что описывает. Он словно любуется созданными картинами, а вместе с ним любуются и мы, читатели. В самом обыденном описании жителей — будь то высокий чиновник, гимназист или рядовой обыватель — чувствуется внимание к их самым разнообразным занятиям. Хотя некоторые вещи вызывают по меньшей мере недоумение. Взять хотя бы описание попытки отца А.П. Чехова «очистить» бочку оливкового масла от попавшей туда крысы при помощи публичного молебна. Стоит ли удивляться, что после такой «акции» торговля в лавке «колонизальных товаров» совсем захирела. Фантастическим выглядит и возмущение М.Е. Салтыкова-Шchedрина по поводу удаления его бюста (при живом существовании бюста) из Тверского городского музея. Прямо-таки курьёз в стиле его же собственной «Истории одного города».

Примечательно, что досуг в провинции совсем даже не был скучным в «детелевизионную» эпоху и не ограничивался только церковью и трактиром. Повсеместно создавались парки и сады, строились театры, открывались библиотеки и народные дома, проводились художественные выставки и даже здания вокзалов использовались для организации музыкальных концертов. Действовали многочисленные кружки и общества по интересам. Например, в Тамбове создали Общество развития женского кустарного труда и Общество любителей граммофона, а в подмосковном Богородске (пока ещё носящем имя Ногинск) построили циклодром для организации велосипедных гонок. Короче говоря, жизнь за пределами столиц была не такой уж безликой и однообразной, как может показаться на первый взгляд.

...И хотя заканчивает Алексей Митрофанов свою книгу словами о невозможности дважды войти в одну реку и вернуть атмосферу тех лет, ему всё же удалось совершить чудо — от-править читателей в путешествие увлекательное путешествие.

Инна КАБЫШ

НАСЛЕДИЕ

Неизвестное Даровое

Яшла из писательского Переделкина на станцию. «Куда направляешься?» — поинтересовался встретившийся писатель.

Я ответила, что еду в Даровое.

«А что это такое?» — сморщил он лоб.

Путь от писательского городка до станции маленький, и на нём мне встретились ещё двое коллег! Никто не знал, что такое Даровое (трудно представить русского человека — тем более литератора, — не знающего, что такое, например, Ясная Поляна). Но дело вовсе не в невежестве наших литераторов. Что в конце концов такое Даровое?

Даровое — это имение Достоевских, где прошли детские годы писателя и о которых он писал, что это «место отделило во мне самое глубокое и сильное впечатление на всю жизнь и где всё полно для меня самыми дорогими воспоминаниями».

Побывавшая (не по одному разу) в Михайловском, Караихе, Тарханах, я давно мечтала попасть в Даровое. И вот по приглашению Игоря Волгина, президента фонда Достоевского, примкнула к участникам XV симпозиума Международного общества Достоевского.

Даровое расположено не на краю земли — это Московская область (150 км от столицы), и тем более поражает...

Как водится, здесь есть памятник Достоевскому (по мнению правнука писателя, присутствовавшего на открытии, наиболее точно передающий облик его великого прадеда). Есть храм Сошествия Святого Духа, рядом с которым находится могила отца писателя.

И, конечно, дивная русская природа — лес, пруд, поле (с тем самым сакральным местом, где девятилетний Федя встретился с музиком Мареем).

Но что поражает больше всего?

Залупление.

Музея как такового в Даровом нет — есть маленький флигель с очень скромной экспозицией.

Храм скорее напоминает катакомбы (если возможно себе представить надземные катакомбы), а дорога к нему, как мне рассказали, выстроена только что, к нашему приезду (ведь в составе делегации было много иностранцев), а раньше экскурсанты добирались до него пешком — то по колену в грязи, то по колену в снегу.

Почему же в таком состоянии находится музей-усадьба гения нашей литературы? Причин здесь несколько.

Во-первых, в том, что слово «Даровое» мало кому это говорит, как ни странно, виноват сам Достоевский, который почти не писал о Даровом, а если и писал, то называл его не по имени, а просто «селем» или «маленьким и непримечательным местом».

Во-вторых, судьба литературного наследия писателя. Ведь с конца 20-х годов прошлого века Достоевского «ушли» из школьной программы, а значит, и из русской литературы вообще!

Потому судьба усадьбы вкратце складывалась так: до революции ею владела племянница Достоевского Мария Александровна Иванова. Потом здесь находилось правле-

ние колхоза (правда, имени Достоевского). В 1923 г. был открыт маленький музей, до которого никому не было дела. Здесь ничего не развивали, но ничего и не разрушали (экскурсовод даже рассказал байку о том, как в 1941 г. сюда вошёл немецкий танк, но бросившаяся ему навстречу смотрительница прокричала одно только слово: «Достоевский!» — и танк повернул назад).

Одним словом, «судьба» имение хранила.

А десять лет назад профессор Коломенского гуманитарного института В.А. Викторович со своими студентами начал здесь, скажем так, раскопки. Всё то немногое, что сейчас есть в Даровом, — плод усилий этих добровольцев (не люблю слово «волонтеры»), студентов 1, 2 и 3-го курсов филфака.

Вокруг Дарового (и Достоевского) вообще много энтузиастов, если не сказать, подвизников.

И это хорошо, это знак истинной народной любви. Но неплохо было бы и государству сделать что-нибудь для своего великого сына. Например, поменять статус музея. Сейчас Даровое — сектор районного музея «Зарайский кремль». Почему — Зарайский? Почему — кремль? (Почему не сектор Литературного музея?) Отсюда и мизерное финансирование, и необустроенность.

То же и с храмом. На мой вопрос, почему он находится в таком плачевном состоянии, его настоятель отец Григорий ответил, что этот храм не входит в список патриарха. Спрашивается, почему?

Кроме того, в наше циничное и продажное время такому малозащищённому памятнику грозит и другая (помимо разрушения) опасность: жилая застройка в его границах. И это уже стало былью (нам показали дачу, вторгшуюся на территорию усадьбы). Трудно представить, что какой-нибудь нувориш оттяпал, например, часть Спасского-Лутовинова.

Когда-то Достоевский, обижённый размером полевой платы (100 руб.), писал: «Я очень хорошо знаю, что пишу хуже Тургенева (тому платили 400 руб. за лист. — И.К.), но ведь не слишком же хуже». Так и хочется добавить: может, конечно, Спасское-Лутовиново (или Ясная Поляна) кому-то кажется более ценным объектом, но не настолько же!

Лично мне Даровое кажется местом драгоценным ещё и потому, что здесь прошло детство писателя, то есть те годы, когда «генерализируется» личность. Ни Москва, ни Петербург так наглядно не дают представления о «почве» (а стало быть, и о судьбе) писателя.

В Даровом «почва» не метафора: её можно взять в руки, сорвать колосок, на ней растущий. Именно здесь чувствуется, по слову поэта, «самая крепкая, самая кровная связь» Достоевского с Россией.

Очень хотелось бы, чтобы в истории с Даровым что-то сдвинулось с мёртвой точки. И если те, от кого зависит судьба нашей культуры, не понимают, что Достоевский — гений, можно им подсказать, что Достоевский — бренд и, если будут вложены достаточные средства, проект 3D: Даровое, Достоевский, Детство — окупится с лихвой.

СИСТЕМА КООРДИНАТ

Следите за рекламой

В первую очередь решено ликвидировать конструкции, не соответствующие новой концепции размещения рекламы в городе Москве. Специально разработанные и одобренные правила предусматривают разделение города на 14 зон, для каждой из которых чётко определены виды рекламных конструкций. «Даже являясь двигателем прогресса, реклама не имеет права конфликтовать с окружающей средой, в том числе с архитектурой», — считает и.о. руководителя столичного Департамента средств массовой информации и рекламы Владимир Черников. — Следуютельно, разные части города требуют индивидуального отношения к рекламе. Бульварный и Садовый кольца, Третье транспортное, МКАД и вылетные магистрали — разве можно всё это стричь под одну гребёнку?»

Накануне Дня города на Пушкинской площади завершили демонтаж 20-тонного рекламного видеокрана — одного из самых больших на территории

города. Месяц назад центр Москвы был освобождён ещё от двух полобных экранов. Кроме этого, с крыш исторических зданий убрали рекламу компаний «СОГАЗ», «Уралсиб», Samsung, «Мерседес», Pepsi, Nokia — всего было демонтировано 27 конструкций, многие из которых провели на своём «рабочем месте» не один десяток лет.

По словам Владимира Черникова, новая рекламная политика связана с обустройством пространства жизни, в котором горожанин должен ощущать главным героем именно себя, а не окружающие дома, многоэтажные офисы или автомобили. «На рекламном рынке Москвы царит хаос, порождённый последними полутора десятилетиями. Мы не переладать рынок хотим, а структурировать, установить «прозрачные» правила, понятные для всех», — пояснил чиновник.

Сергей Собянин не раз подчёркивал, что лицо столичного мегаполиса не должны определять только чьи-то бизнес-интересы. Стратегию градоначаль-

ника разделяет и глава Департамента СМИ и рекламы: «Да, город ежегодно получал от рекламодателей по несколько сот миллионов рублей за так называемые перетяжки, поэтому мы не сразу решились начать с ними борьбу: советовались с ГИБДД, с архитекторами, даже с психологами. Но когда с огромным трудом, преодолевая немалое сопротивление, мы их убрали, — москвичи увидели небо над головой. Это никакой звонкой монетой не описать и не оплатить», — не скрывает эмоций Владимир Черников.

Существенно сокращая объёмы рекламных конструкций в центральной части столицы, власти одновременно принимают меры для пополнения казны. Так, в прошлом месяце Департамент СМИ и рекламы разыграл на ближайших десять лет более 7 тысяч мест, отведённых под уличные конструкции, что составляет около 60% всех разрешённых в Москве точек наружной рекламы (переходы под землёй под это определение не попа-

дают). Семь компаний-победителей обязались за десять лет перечислить в городской бюджет свыше 75,2 миллиарда рублей — при стартовых расценках менее 22 миллиардов рублей.

В настоящее время по поручению мэра Сергея Собянина Департамент средств массовой информации и рекламы готовит новый аукцион, где будут разыграны рекламные возможности почти 300 пешеходных переходов. Руководитель ведомства сообщил, что торги на право размещать рекламу в подземных тоннелях могут пройти уже в октябре, а организатором торгов будет государственное бюджетное учреждение «Гормост», которое является собственником всех переходов.

«В конечном итоге мы добиваемся красивого, комфортабельного, удобного во всех отношениях города, где вместо хаоса есть чётко определённый порядок, где, в частности, реклама, как Тень в пьесе Евгения Шварца, знает своё место», — подытожил Владимир Черников.

С крыш домов на Пушкинской площади исчезли рекламные монстры

ПУЛЬС БОЛЬШОГО ГОРОДА

Завершено строительство храма Всемилошного Спаса

В Северо-Западном административном округе столицы стало на один храм больше. Соответствующие постановления принимали подрядчики, проектировщики, духовенство и прихожане новой церкви, рассчитанной на 500 человек.

«На площадке подобрался отличный коллектив, все работы исполнялись в срок и на высоком уровне, — дал оценку строителям Владимир Ресин, депутат Государственной Думы, курирующий программу возведения в Москве 200 храмов. — В апреле 2012 года Святейший Патриарх Кирилл совершил здесь закладку первого камня, а уже сегодня верующие пришли сюда молиться». Префект СЗАО Владимир Гервердовский подчеркнул, что храм на Пятницком шоссе стал знакомым для жителей района — случайно большинство участников конкурса на лучшую эмблему Митина предлагали коллажи с изображением этой церкви.

Пятикупольный храм Всемилошного Спаса выполнен в традициях допетровского православного зодчества — за образец был взят Успенский собор в городе Владимире. В доме причта расположены крестильня, трапезная и учебные классы воскресной школы, а также помещения для отдыха и административных нужд.

Благодаря программе «200 храмов», реализуемой полностью на благотворительные средства, уже построено восемь церквей. Ожидается, что до конца 2013 года в столице появятся ещё 15 храмов.

«Сити тур столица»

В соответствии с мировым опытом организации экскурсий в концепции нового интермодального маршрута заложена интеграция наземного и водного транспорта. Купив единый билет, турист в течение одного дня совершает прогулки на автобусе и теплоходе: в единую транспортно-экскурсионную сеть проекта объединены 5 речных причалов и 17 остановок автобусов. На маршруте используются четыре испанских двухэтажных автобуса, оборудованных панорамной стеклянкой крыши, вмещающие 48 человек, включая одного инвалида-колясочника.

Проект реализуется старейшим предприятием города — «Столичной судоходной компанией» — при поддержке Комитета по туризму и гостиничному хозяйству, Департамента культуры, Департамента культурного наследия и Департамента транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры города Москвы.

Путешествуя по маршруту «Сити тур столица», местные жители и туристы смогут увидеть или посетить более 30 достопримечательностей мегаполиса. Автобусы курсируют по городу с 10 утра до 21 вечера летом и с 11 утра до 19 вечера зимой. График речных теплоходов с апреля по октябрь — с 11.30 до 20.00. Продолжительность полного

автобусного маршрута — 1,5 часа. Стоимость обычного билета — 600 рублей, билета «автобус + теплоход» — 900 рублей. Для детей с 6 до 12 лет, студентов дневных отделений и пенсионеров предусмотрены льготные тарифы.

Испортил — заплати!

Соответствующие поправки в закон, вступившие в силу 24 августа 2013 года, были подготовлены при участии Департамента культурного наследия города Москвы. И.о. руководителя ведомства Александр Кибовский сообщил, что штрафы за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия, в том числе и по неосторожности, а также за нарушение требований сохранения или использования подсобных объектов выросли в 7–10 раз. Теперь нарушителям грозит штраф до 5 миллионов рублей или лишение свободы на срок до 6 лет. «Если раньше было непонятно, кто виновен — строитель, правообладатель или кто-то ещё, то теперь вся ответственность ложится на правообладателя, который на законных основаниях владеет зданием», — пояснил Александр Кибовский.

Кроме того, граждане обязаны передавать государству археологические предметы, обнаруженные в результате проведения земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ, — в противном случае находка повлечёт за собой тюремный

срок или штраф до миллиона рублей. Законом определён срок, необходимый для включения археологических объектов в единый государственный реестр памятников истории и культуры народов России: с момента их возникновения должно пройти не менее 100 лет. «Мы системно закрываем те юридические дыры и правовые лазейки, которые позволяли многие годы уходить от ответственности, в том числе и преступники в этой сфере», — заметил и.о. главы Департамента культурного наследия. Так, внесённые в закон изменения устраняют годами существовавший правовой казус — памятники археологии регионального значения отныне приравнены к объектам культурного наследия федерального значения.

«Лучший книжный магазин Москвы»

Победителями ежегодного соревнования среди книоторговых предприятий в разные годы становились известные предприятия (Московский дом книги, «Библио-Глобус», «Москва») и маленькие магазины-читальни («Книжная коллекция», «У Кентавра», «Гилея»). В конкурсе активно участвуют и те, кто продаёт книги в Рунете.

Для участников данное мероприятие — прекрасная возможность изучить опыт работы конкурентов, поделиться своими успехами. Для организаторов

— своеобразный мониторинг состояния столичной книоторговой сети. Но есть и третья заинтересованная сторона — москвичи: всё, что демонстрируют магазины — от качества обслуживания до расширения ассортимента, — делается для покупателей. Неслучайно их мнение неизменно учитывается жюри при присуждении почётного звания «Лучший книжный».

По условиям нынешнего года в отдельных номинациях будут состязаться магазины общего профиля, специализированные книоторговые предприятия и продавцы-консультанты.

Заявки на конкурс принимаются до 10 октября по электронной почте: book-konkurs@list.ru

Экономим на такси

С началом осени в Москве заработали регулярные ночные маршруты общественного транспорта. Троллейбусы № 6 (по Садовому кольцу) и 15 (ВВЦ — улица 10-летия Октября) и трамвай № 3 (станция метро «Чистые пруды» — улица Академика Янгеля) перешли на круглосуточный режим. Кроме того, организован постоянный ночной маршрут автобуса № Н1, который с 1.00 до 5.30 будет курсировать по маршруту Озёрная улица — Ленинский проспект — Центр — Тверская улица — Ленинградский проспект — Ленинградское шоссе — аэропорт «Шереметьево». На «Букашке» ночью можно прокатиться с интервалом в 15 минут, остальные виды общественного транспорта ходят каждые полчаса. Стоимость проезда на ночных автобусах, троллейбусах и трамваях не будет отличаться от обычной.

«Пока это пилотный проект: мы хотим исследовать пассажиропотоки в тёмное время суток», — пояснил Дмитрий Пронин, заместитель руководителя столичного Департамента транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры. В будущем планируется открывать новые ночные маршруты. О том, где они нужны всего, городские власти надеются узнать от самих москвичей — на сайте Департамента транспорта скоро можно будет высказать своё мнение и проголосовать за необходимый маршрут.

В наземном транспорте — бесплатный Wi-Fi

С 30 сентября 2013 года московские пассажиры смогут воспользоваться доступом в интернет в 25 единицах подвижного состава наземного городского транспорта: 16 троллейбусах 4-го троллейбусного парка, шести трамваях трамвайного депо имени Апакова и трёх автобусах 14-го автобусного парка.

Пассажиры получат возможность отвечать на электронную почту, использовать социальные сети и читать новости в интернете, передвигаясь в городском транспорте. Тестирование, проводимое Департаментом транспорта города Москвы при поддержке компании «Ростелеком», продлится в течение полугодия, после чего решат дальнейшую судьбу проекта.

В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ

Столичные дороги: Точки реконструкции

АЛБЯНО-БАЛТИЙСКИЙ ТОНNELЬ

Балтийский тоннель проходит под Ленинградским проспектом, тремя тоннелями Замоскворецкой ветки метро, железнодорожной станцией Подмосквовая. Его общая длина — 1930 м, глубина — 25 м, количество полос — 6 (по 3 полосы в каждую сторону). Почему мы так ждали его открытия? Во-первых, Балтийский тоннель увеличит пропускную способность общественного транспорта — впервые появится выделенная полоса в тоннеле. Во-вторых, обеспечит прямое сообщение Дмитровского шоссе с Карамышевской набережной, Ленинградским и Волоколамским шоссе; разгрузит прилегающие внутриквартальные улицы. В-третьих, новая магистраль соединит районы Северного, Северо-Западного, Западного и Юго-Западного округов через сеть улиц с возможностью выезда на МКАД и Третье транспортное кольцо (ТТК). Кроме того, тоннель поможет снизить экологическую нагрузку на окружающую среду — не только в районах жилой застройки и социальных объектов, но и в местах пересечения транспортных потоков при выездах на шоссе.

Выполнены основные конструкции в правом и левом направлениях тоннеля. Впервые разработана и внедрена уникальная система круглосуточного мониторинга за состоянием конструкций тоннелей метрополитена, близлежащих зданий и сооружений, действующей магистрали, уровнем шума и грунтовых вод. Долгосрочность строительства обусловлена тем, что работы ведутся на самых загруженных магистралях столицы, в сложнейших гидротехнических условиях, под действующими тоннелями метрополитена и линиями железной дороги, при этом режим движения поездов не меняется.

ЯРОСЛАВСКОЕ ШОССЕ

В начале сентября Сергей Собянин открыл движение по эстакаде на пересечении Ярославского шоссе и Малыгинского проезда.

Он отметил, что на магистрали построены две эстакады (вторая — на пересечении Ярославского шоссе с улицей Вешних Вод), 11 км дублёров, почти 30 км выделенных полос для общественного транспорта, 3 подземных перехода, около 600 парковочных мест. Эти меры позволят организовать бесшумное движение от ТТК до МКАД на участке Ярославского шоссе протяжённостью более 12 км.

Строительство местных проездов и организация съездов на них с главного направления и выездов на основной ход увеличат пропускную способность данного участка на 25%, при этом возрастёт скорость движения всех видов транспорта.

Вместе с тем на Ярославском шоссе остаётся проблема на выезде из Москвы, где уменьшается количество дорожных полос. Столичные власти обещают реконструировать и этот отрезок магистрали.

ДМИТРОВСКОЕ ШОССЕ

Как известно, Дмитровское шоссе, соединяющее центр города с северным периферийным сектором, крайне загружено. Проблема транспортной доступности ещё более обострилась после завершения строительства 9-го микрорайона посёлка Северный с населением 25 тысяч человек.

После реконструкции трёх участков магистрали дорожная сеть расширится до пяти полос движения в каждую сторону, с выделением полосы для общественного транспорта. А строительство трёх пешеходных переходов обеспечит бесшумное движение по реконструируемому участку Дмитровского шоссе.

Кроме того, чтобы избежать эффекта «бутылочного горлышка» на границе Москвы и Московской области, Росавтодор проектирует расширение Дмитровского шоссе на территории Подмосквья (трасса А 104 «Москва — Дмитров — Дубна») с ответвлением на Рогачёвское шоссе.

А вот транзитное движение на пересечении Дмитровского шоссе и 3-го Нижнелисьевского проезда будет осуществляться по тоннелю вдоль Дмитровского шоссе, а всё поворотное движение и обслуживание прилегающих территорий — по боковым проездам. Протяжённость тоннеля — 635 м, ширина с подпорными стенками — 28 м, боковые проезды — 21 м, количество полос движения — 12 (в оба направления). В конструкцию перекрытой части тоннеля встроены подземный пешеходный переход.

Заторы возникли здесь в связи с тем, что четырёхтактный светофор не мог пропустить мощный транспортный поток по основному направлению Дмитровского шоссе. При строительстве Северо-Западного хорды от МКАД до Дмитровского шоссе, без последнего пятого участка от Дмитровки до Ярославки, часть транспортного потока с Большой Академической улицы дополнительно переберётся в данный узел.

УЛИЦА ПОДОЛЬСКИХ КУРСАНТОВ

Сегодня движение осуществляется по внутриквартальной двухполосной автодорожке — фактически под окнами жилых домов, вблизи детских учебных учреждений. Ввод данного участка дороги позволит перенаправить потоки грузового транспорта Востряковского проезда на улицу Подольских Курсантов и обеспечит выезд на МКАД по построенным эстакадам, что улучшит крайне неблагоприятную экологическую ситуацию в жилых застройках районов Бирюлёво Западное и Чертаново Южное.

Кроме того, строительство дороги улучшит транспортную ситуацию в районе пересечения улицы Подольских Курсантов с улицей Красного Маяка, что, в свою очередь, повысит пропускную способность транспорта в промышленно-коммунальных и жилых зонах Варшавского шоссе. Проектом предусмотрено продление улицы Подольских Курсантов от улицы Харьковской до МКАД, с устройством транспортной развязки на пересечении с кольцевой автодорогой. Это облегчит жизнь автомобилистам района Бирюлёво Западное и всего Южного административного округа Москвы.

ОТ «ЖУЛЕБИНО» И ДАЛЬШЕ — НА МЕТРО

Строющийся участок продлевает Таганско-Краснопресненскую линию от станции «Выхино» в район Жулебино. Открытие станции «Жулебино» (с последующим вводом «Лермонтовского проспекта») позволит:

- улучшить транспортное обслуживание Жулебина (в пешей доступности от метро окажутся 90% жителей района, а затраты времени на проезд подземным транспортом сократятся в среднем на 20 минут);
- снизить нагрузку пересадочного узла на станции «Выхино», улучшить условия проживания населения прилегающих к транспортно-пересадочному узлу кварталов;
- сократить в два раза частоту движения по Лермонтовскому проспекту автобусов, обслуживающих район Жулебино;
- сократить на 3 км удалённость от метро жителей Люберец и других населённых пунктов Московской области;
- улучшить экологическую ситуацию в районе Выхино—Жулебино за счёт снижения интенсивности движения автотранспорта.

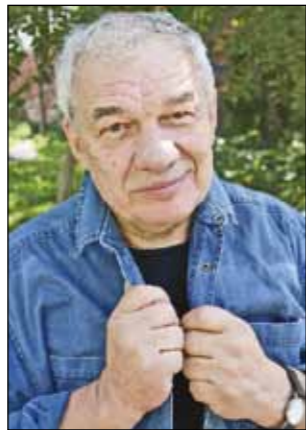
Пресса вышла на площадь

Ежегодный Фестиваль прессы — это своего рода презентация печатных СМИ. Так и в этот раз в День города на Пушкинской площади вырос палаточный городок, представивший столичные газеты и журналы.

С десяти утра москвичи оформляли льготную подписку на «Литературную газету» и, конечно же, на другие СМИ. Выбрать было из чего: более 30 федеральных и городских изданий различной направленности для всех возрастов. Литгазетовцы вручали своим читателям памятные сувениры и подарки с символикой старейшего культурологического издания России.

В рамках фестиваля работала детская площадка, на которой проходили игры, викторины с вручением призов и развлекательные мероприятия для детей, организованные детскими журналами. Во второй половине дня началась большая концертная программа.

Прошло полтора года с той трагической ночи, когда в своей московской квартире застрелился один из последних руководителей советской разведки генерал-лейтенант Леонид Владимирович Шебаршин. В тяжёлом августе 1991 года он 27 часов был председателем КГБ СССР. Через месяц Шебаршин вообще ушёл из системы, в которой проработал почти всю свою сознательную жизнь. Почему это произошло? На этот вопрос отвечает книга Валерия Поволяева «Шебаршин», которая готовится к печати в серии «ЖЗЛ» издательства «Молодая гвардия». Предлагаем вниманию читателей одну из глав (в сокращении).

Валерий ПОВОЛЯЕВ

Восемнадцатого августа, после обеда — примерно в три часа дня, — на рабочем столе Шебаршина в «Лесу» зазвонил кремлёвский телефон. День был воскресный, такие высокие звонки в выходные дни бывают редко, так что ждать чего-либо хорошего от внезапного телефонного «зова» не следовало.

Так оно и оказалось. Звонил Грушко, первый заместитель Крючкова, передал приказ шефа:

— Владимир Александрович распорядился привести в боевую готовность к двадцати одному ноль-ноль две группы «Вымпела», по пятьдесят человек в каждой, с транспортом.

«Вымпел», или ОУЦ, — спецназ разведки, именуемый Отдельным учебным центром, — это боевое подразделение, которое малым составом может взять большой город, хорошо выученная воинская часть, предназначенная, между прочим, для «действий в особых условиях за рубежом».

— К двадцати одному ноль-ноль, а сейчас уже четвёртый час, воскресенье, — озбоченно проговорил Шебаршин, — и какое будет задание?

— Не знаю. Крючков звонил из машины, велел передать приказ — две группы по пятьдесят человек с транспортом.

— Кто будет дальше распоряжаться группами? С кем связываться?

— Скорее всего, Жардцкий, всё будет идти через него. Больше я ничего не знаю.

Помедлив немного, Шебаршин вновь поднял трубку правительственного телефона, позвонил Жардцкому. Александр Владиславович был начальником Третьего Главка — военной контрразведки, — но вот какая штука: при чём тут военная контрразведка? Может быть, где-нибудь что-нибудь происходит, о чём Шебаршин не знает? Нет, что-то тут не то...

Жардцкий поднял трубку сразу, словно бы ждал звонка.

— В чём дело, где планируешь использовать группы? — спросил у него Шебаршин?

— Сам не знаю, — ответил тот. — Мы только что отправили тридцать пять сотрудников в Прибалтику. Может быть, группы тоже пойдут туда?

И тут — неясность. Шебаршин попросил дежурного разыскать по телефону Бескова Бориса Петровича, командира «Вымпела», и немедленно вызвать его на работу.

Прошло совсем немного времени и в «телефонном эфире» появился Бесков, доложил, что находится на месте и приступил к выполнению приказа.

Что-то затевалось, но что именно — непонятно. Может быть, что-то происходит из военных? Всё должно было прояснить совещание у Крючкова, его назначили на половину одиннадцатого вечера.

Совещание, которое Крючков назначил на половину одиннадцатого вечера, было отменено.

Спать Шебаршин лёг у себя в кабинете — уходить от аппаратов правительственной связи нельзя. В голове сумбур, сумятица, перед закрытыми глазами — неясные вспышки... Сна нет. Да разве тут уснёшь?

В шесть тридцать пять включил приёмник, а там — сообщение о Государственном комитете по чрезвычайному положению... Почему Крючков не ввёл в курс дела руководителя разведки? Обстановка начинает складываться такая, что и чаю-то толком не попить. Следом раздался ранний звонок — конечно же, тревожный, звонил Агеев, первый заместитель Крючкова.

— Группы готовы? — Готовы, Геннадий Евгеньевич!

— Направьте их в помещение Центрального клуба, — приказал Агеев, — немедленно! И нужны будут ещё сто человек... Туда же!

— Экипировка, вооружение? — спросил Шебаршин.

— Пусть возьмут с собой всё, что есть.

Следом раздался ещё один звонок — на девять тридцать утра назначено совещание в кабинете председателя КГБ Крючкова.

На улице Шебаршин увидел колонны бронетехники — бэтээры, хорошо известные ему по Афганистану, «безмешки» — те же бронетранспортёры, только на гусеничном ходу, танки.

Шебаршину было понятно, что надвигаются серьёзные события, готовится кровопролитие, он ощущал, что запах беды буквально носится в воздухе. Или это только ощущается? Шебаршин был крайне встревожен.

Бесков со своими группами спецназа уже половину суток находился в клубе — у них вроде бы всё в порядке, питание подвозят регулярно, ребята спокойны, срывов быть не должно...

Шебаршин передал Бескову следующий приказ (цитирую по дневнику):

«Борис Петрович, приказываю вам не исполнять никаких указаний, не уведомив предварительно меня и не получив моего разрешения».

Бесков повторил приказ. Это означало, что он понял Шебаршина.

Когда стало ясно, что люди начали собираться у Белого дома и собрались совсем расхотевшись не собираются — ни днём ни ночью, — на набережной разожгли костры, с Нового Арбата, этой «вставной челюсти Москвы», подогнали несколько троллейбусов, в них люди отдыхали, спали...

«Вымпел» просидел в клубе и девятнадцатого числа, и двадцатого... Двадцатого людей Бескова начали тенснить: в клубе провозжали в мирной обстановке хозяйственно-управления Пожарского, а вот уже после похорон, когда участники траурной церемонии сидели за столом, выпивали и закусывали, пришла новость, переданная, судя по всему, Си-эн-эн, что Белый дом собираются штурмовать.

Борис Петрович Бесков сейчас на пенсии, носит штатский костюм с галстуком, хотя ему больше идёт полевая спецназовская форма. Он хорошо помнит те августовские дни...

В самом начале девяностых годов начались очень непростые процессы по выделению из союзных структур российских — и компартии Российской Федерации, и Комитета госбезопасности, и много ещё чего. Так вот, председателем КГБ РСФСР был назначен молодой генерал Иваненко Виктор Валентинович.

Он также рассказывает об августе девятого первого года.

...Девятнадцатого числа, очень рано, когда над Москвой ещё только розовел рассвет, приехал в Белый дом, к Ельцину. На площади — никого, удручающая пустота, но танки уже стояли. Мощные, тяжёлые машины, от

которых исходила утробная сила, были пока немые и неподвижные, около них не было ни одного человека.

Нет, это были не декорации, а настоящие танки, — настоящие! Иваненко добрался до первой «вертушки» — аппарата правительственной связи и позвонил Крючкову:

— Владимир Александрович, скоро сюда придёт народ, — проговорил он не без некоего стеснения, — придёт, а тут танки...

Крючков в ответ бросил резкое: — Кто придёт? Какой народ? За кого? За Горбачёва биться? — в голове Крючкова послышалось открытое презрение, он хмыкнул и швырнул трубку на рычаг.

Ельцина Иваненко не нашёл — нашёл Бурбулис. Бурбулис хорошо понимал, что означают танки, стоящие возле Белого дома, и был встревожен не меньше председателя российского КГБ.

Бурбулис тем временем также дозволился до Крючкова, потребовал убрать танки, на что Крючков ответил, что танки на улице перед Белым домом пригнал не он и вообще они ему не подчиняются, это дело Язова, полемика была недолгой, и Бурбулис предупредил с угрозой: — Если прольётся кровь, она будет на вашей совести.

Что ответил Крючков, Бурбулис не сказал — Крючков поступил как обычно, жёстко и резко, — повесил трубку, на том разговор и закончился.

Двадцатого августа Шебаршин записал в своём дневнике: «Предельно тревожно. В двадцать одиннадцать я — в своём кабинете, в Центре. Мысль найти Крючкова и крупно с ним поговорить. Но в здании КГБ его нет, дежурные говорят, что он в Кремле. Отъездив, увеличивалось и увеличивалось потому, что запущенная кем-то машина подвоза туда людей, еды, водки работала бесперебойно. Поразмыслив немного, Шебаршин пришёл к выводу, что разведку втягивают в гибельное дело, которое может кончиться плохо.

Шебаршин передал Бескову следующий приказ (цитирую по дневнику):

«Борис Петрович, приказываю вам не исполнять никаких указаний, не уведомив предварительно меня и не получив моего разрешения».

Бесков повторил приказ. Это означало, что он понял Шебаршина.

Утром двадцать первого Шебаршин приказал Бескову вернуть все группы «Вымпела» на базу в Балашиху, где располагался учебный центр. Бесков, как показалось Шебаршину, сделал это охотно, даже вздохнул с облегчением.

Отдать приказ о штурме Белого дома не решился ни один человек. Это во-первых, а во-вторых, ни Карпухин, ни Бесков не знали ни карты Белого дома, ни расположения внутренних коридоров и кабинетов, ни переходов с одного этажа на другой, ни расположения подземных коммуникаций — знание всё-таки было правительственное, а там, где возникало слово «правительственное», всякая информация делалась закрытой.

И всё-таки операция «Гром» по штурму Белого дома была назначена на двадцать первое августа на три часа ночи...

Ночь двадцать первого августа была в Комитете госбезопасности очень тревожной. Генерал Прилуков Виталий Михайлович рассказал, что в кабинете Агеева — первого зама Крючкова — они находились небольшой командой: Карпухин, Бесков, Прилуков, Лебедев. В кабинете Крючкова расположился штаб ГКЧП — Грушко, Бакланов, Варенников, Ачалов, Громов, Шейнин, Плеханов, Крючков... Все ожидали «времени Че» — штурм Белого дома.

Находившиеся прекрасно понимали — для того, чтобы взять Белый дом, не нужны были ни танковые полки, ни десантные батальоны. Это легко можно было сделать с помощью двух элитных команд: Карпухина и Бескова.

Слить команды вместе и сделать это стремительно было задачей, по мнению Карпухина, не очень сложной. Главная задача была другая...

Но разговор, состоявшийся в ту ночь в кабинете Агеева, поломал всё. И Бесков, и Карпухин отказались штурмовать Белый дом.

Агеев даже в лице изменился.

— Ка-ак?

Растерянность буквально повисла в воздухе.

Командиры «Альфы» и «Вымпела» объяснили свои позиции — почему они так поступают.

Но по-другому Карпухин и Бесков поступить не могли. Приняли они такое решение тогда, когда не получили поддержки со стороны руководителей армии, МВД и КГБ.

Надо было обо всем докладывать Крючкову. Тогда же в кабинете Агеева приняли решение, что к Крючкову пойдёт Прилуков, расскажет всё как есть. И об остановке у Белого дома по результатам самой последней рекогносцировки, и об общей позиции «Альфы» и «Вымпела», да и об общей растерянности, царившей в здании КГБ тоже.

...Агеев и Прилуков явились к председателю КГБ в два часа ночи для доклада. Крючков сидел мрачный, молчаливый. Ему доложили об отказе «Альфы» и «Вымпела», о том, как в эту минуту складывается обстановка у Белого дома. Прилуков показал даже, что по лицу Крючкова неожиданно проскользнула тень облегчения.

— Повторите Венгрии я не допущу, — проговорил Крючков решительно и громко, чтобы все слышали. Придвинул к себе аппарат правительственной связи и набрал короткий, ведомый ему номер, — в специальный телефонный справочник даже не заглянул.

Через несколько мгновений стало ясно, кому он звонил.

— Борис Николаевич, я же говорил, что никакого штурма Белого дома не будет, — громко произнёс он. — Как с вами и договаривались. Летим в Форос!

Форос, Форос... На ту минуту это было что-то новое. Тем временем

громкий голос Крючкова увял, потухнул, в него натекла растерянность.

— Борис Николаевич, как? Мы же договорились!

Что ответил Ельцин, Прилуков не слышал, да и слова, какие они были, какого цвета, с какой интонацией произнесены, уже не имели никакого значения. Понятно было, что между Ельциным и Крючковым существовала тайная договорённость о каких-то совместных действиях и сейчас эта договорённость распалась.

Понятно было и другое: завтра на месте Крючкова в этом кабинете, за этим столом, в этом кресле будет сидеть уже другой человек.

Шебаршин всё это время находился в «Лесу» со своей службой и внимательно следил за событиями. Происходящее ему было понятно, но в большую драку ввязываться не хотелось, иногда хотелось вообще отойти от всего этого в сторону и забыть, но забвения было нельзя... Нужно было сделать всё, чтобы сохранить разведку.

Нападать на неё сейчас будут с такой силой, что всем чертям тошно станет, — постараются навесить все грехи... На КГБ же постараются навесить грехов ещё больше. Это Шебаршин ощущал уже кончиками пальцев, порами кожи, не

— Было понятно, как дважды два — четыре, что из заговора ничего не выйдет, точнее, уже ничего не вышло. Это он сказал Янаеву.

Через несколько часов Примаков позвонил Силаев, бывший тогда председателем Совета министров России, и предложил лететь в Крым, в Форос, к Горбачёву. Сказал, что летит ещё целая группа, и спросил, согласен ли лететь в ней Примаков?

Примаков, естественно, согласился, сказал только, что должен проконсультироваться на этот счёт с Ельциным, заинтересовался, кто летит ещё?

— Я полечу, — сказал Силаев, — ещё Рудцкой, министр юстиции Фёдоров, французский посол, несколько журналистов наших и зарубежных, Бакатин, без Бакатина тогда ни одно дело не обходилось...

В общем, самолёт ТУ-134 оказался забит под завязку.

Отправили в Форос и второй самолёт — в нём было попросторнее. Полетел в Крым и Крючков, очень мрачный, неразговорчивый, со старым потрёпанным портфелем в руках.

Из Крыма в Москву возвращались также на двух самолётах — и Горбачёв с семьёй, и помощники, и публика, прилетевшая к нему из Москвы для выяснения отношений, и автоматчики с корреспондентами — все, в общем, только у одного самолёта статус был повыше, у другого пониже. Иваненко же тем временем получил указание явиться с автоматчиками в аэропорт Внуково и арестовать членов ГКЧП, летавших в Крым, в частности, Крючкова.

В самолёте, который приземлился, надо было арестовать троих человек — Крючкова, Язова, Тизякова. Для Иваненко и его группы специально открыли заднюю дверь салона, через неё и вошли.

Крючков очень спокоен, даже более чем спокоен — заторможен, — и в движениях, и в реакции, и в чертёвном затянутах ответов на вопросы, — создавалось такое впечатление, что он специально наглогался каких-то таблеток; Язов также был спокоен, даже дружелюбен по отношению к автоматчикам и тем, кто пришёл его арестовывать. Язов — фронтовик, настоящий солдат, хорошо знает, почём фунт лиха, поэтому удивить лихом его было невозможно. Только улыбка на лице была печальной: он знал то, чего не знал Иваненко.

...Двадцать второго августа было днём, когда толпа перед Белым домом более-менее успокоилась, телевизионные сообщения об аресте заговорщиков, хотя много в этих сообщениях было протого-напросто непонятно. Каждые десять минут телевизионщики сообщали о ликованиях простого народа и включали трансляцию из различных городов России (впрочем, не только России), но, несмотря на телевизионное ликование, в воздухе всё равно продолжало пахнуть порохом... Что будет дальше?

Один вопрос был слишком тяжёлым, он буквально сплудом, непосильной гирей висел у Шебаршина на плечах: что произошло с Крючковым, как он мог всех предать? А может, не предал, может, это не предательство, а что-то иное, чему пока нет объяснения? Кто знает...

В девять ноль-ноль в кабинете Шебаршина раздался булькающий звук «вертушки» (ну и придумали же голос для правительственной связи), звонила секретарша Горбачёва:

— Вас просят быть в приёмной Михаила Сергеевича в двенадцать часов дня.

А на Лубянке... На Лубянке, как записал Шебаршин в своём дневнике, «Грушко срочно собирает коллегию. Коллективно посылаем голову пелло, принимаем заявление коллегии с осуждением заговора. В заявлении употреблено слово «замарано». Начинается идиотический спор — не лучше ли написать слово «запачкано» или «ложится пятно». Всё, как в Верховном Совете или в романе Кафки. Состояние всеобщего и дружного маразма, единственная не высказанная мысль: «Ну, влип!».

Да, влипли, да и ещё как влипли. Бессильная ругань в адрес вчерашнего шефа не утешает. Предал, предал всё и всех...

Когда все разобрались по своим кабинетам, Шебаршин зашёл в кабинет Грушко — тот был один, лицо потемнело, глаза запали, было видно, что он не спал ночь. Грушко сказал, что утром ему из машины позвонил Горбачёв и велел всем пока работать спокойно. Дальше видно будет.

— А меня в двенадцать ноль-ноль вызывают в приёмную к Горбачёву.

— Я, кажется, догадываюсь, в чём дело, но пождём, что покажут события, — сказал Грушко.

После этого короткого, ничего не значащего разговора Шебаршин отправился в Кремль к совминовскому зданию, где во втором подъезде располагался кабинет Горбачёва.

В приёмной народу было много: Силаев — председатель правительства РСФСР, Смоленцев — председатель Верховного суда СССР, Баранников из МВД, Моисеев — начальник Генерального штаба, ещё несколько человек — все «выпы» — особо важные персоны. Вскоре появился Горбачёв, здороваясь, обошёл собравшихся. «Я представился, — записал Шебаршин в дневнике, — и он сразу же позвал меня в соседний, пустующий зал заседаний...

Разговор очень короткий. «Чего добивался Крючков? Какие указания давались комитету? Знал ли Грушко?»

У меня вдруг пропала к нему вся неприязнь. Отвечая как на духу. Коротко рассказываю о совещании 19-го. «Вот подлец. Я больше всех ему верил, ему и Язову. Вы же это знаете».

Затем Горбачёв сказал: — Поезжайте на Лубянку, соберите заместителей председателя КГБ и объявите им, что я временно назначаю вас руководителем комитета.

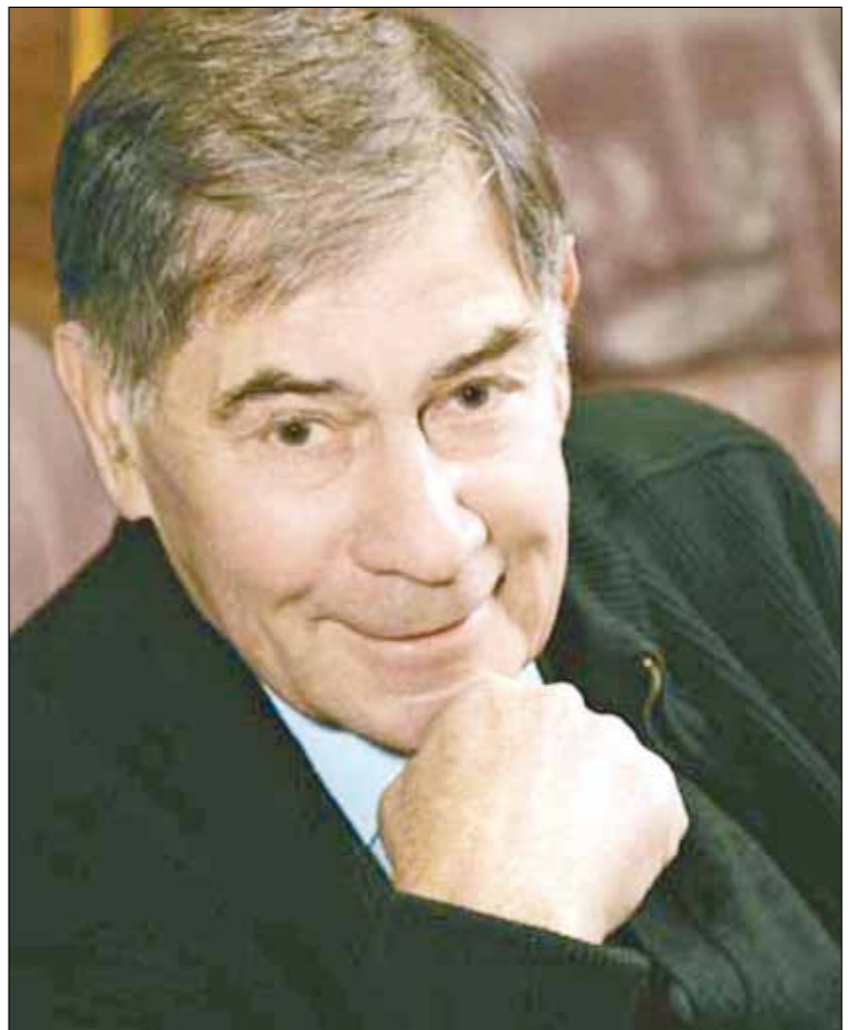
С тем Шебаршин и отбыл из Кремля.

А тем временем снизу, с первого этажа здания на Лубянке доходят неприятные новости: на площади собралась большая толпа и, похоже, решила взять Лубянку штурмом.

Стены здания уже изрисованы колотими, едва ли не матерными (но во всех случаях оскорбительными) лозунгами, публика ревёт, того гляди, начнёт раздавать звон разбитых стёкол. Обстановка не для нервных. Несколько дюжих человек, весом не менее памятник Дзержинскому, прикладываются к монументу — судя по всему, готовятся снести.

Вечером по подземному переходу Шебаршин переместился в кабинет Агеева, окна кабинета выходили на площадь. Шумела, колыхалась, размахивала руками толпа, народу было много, не сосчитать, — это могли сделать только специалисты, но несколько десятков тысяч присутствовало точно.

Горячий август 91-го

Генерал-лейтенант КГБ Леонид Шебаршин

Евгений Максимович Примаков в те августовские дни находился с внуком Женей в Крыму, в санатории «Южный», километрах в десяти от Фороса, где отдыхал Горбачёв.

И вдруг по телевизору передали обращение ГКЧП. Час от часу не легче. Примаков тут же запросил билет на самолёт.

Всё, кончился отдых! В воздухе витала тревога, осязаемая, как пепел, разбрасываемая сильным костром. Вскоре Примаков вылетел в Москву.

Вечером у Примакова собралась небольшая компания — друзья, жившие неподалёку. Вывод был общий: ГКЧП — разговор обречённых. Поддержится ГКЧП два-три дня, не больше. Примаков добавил ещё два дня. На том и разошлись.

говоря уже об интуиции, которая никогда его не обманывала.

Примаков же утром, ещё восьми не было, приехал в Кремль — пропустил, как он написал позже, без задержки — как всегда, в общем. Зашёл к Геннадию Янаеву, — их кабинеты находились недалеко друг от друга, отношения были самыми добрыми, с порога спросил резко:

— Ты чего, в своём уме? Они были на «ты», по именам, без отчества, имели возможность разговаривать вот так накоротке, откровенно.

Янаев растерянно постучал себя пальцем по лбу, потом сказал:

— Женя, поверь, всё уладится. Михаил Сергеевич вернется, и мы будем работать вместе.

— Что-то не верится. Нужно немедленно убрать танки с улиц Москвы...

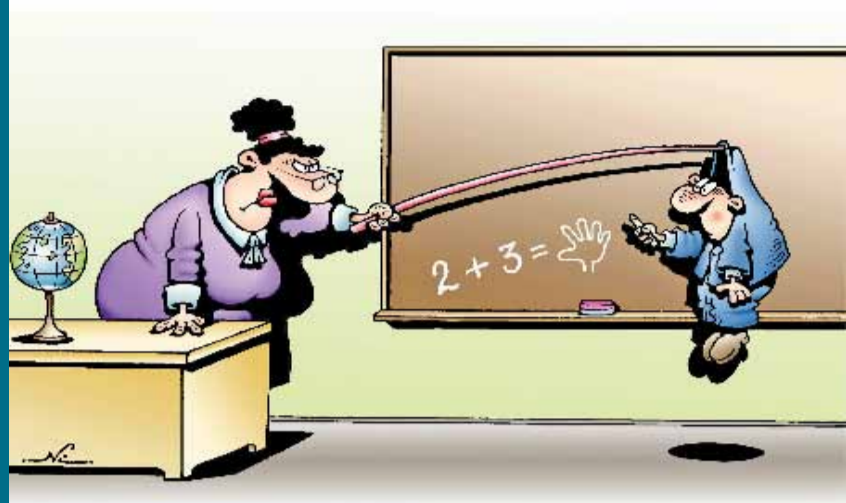
**ДАТКА
ВЗЯТКИ**
— Сергей Иванович, ты когда-нибудь взятки давал?

— Нет. Никогда. Но, случилось, давал датки.
— Чего?!
— Пойми: он взял. Это взятка. Я дал. Это датка.
— А ведь верно! Слушай, ты же новое слово придумал! Классное! Разреш, я им тоже

пользоваться буду?
— Бесплатно, что ли? Здрасьте.
— Да нет, конечно. Вот, бери за это свою взятку. Даю тебе мою датку.

**Герман ДРОБИЗ,
ЕКАТЕРИНБУРГ**

ШКОЛЯРЫ «КЛУБА ДС»

Общезитие джаза. Огромная кровать. На кровати, посапывая и похрапывая, спят джазисты. В сторонке на стуле дремлет старичок дежурный. Звонит телефон. Дежурный на цыпочках подходит к телефону, снимает трубку.

ДЕЖУРНЫЙ (шёпотом). Общезитие джаза. (Громче.) Общезитие джаза. (Кричит.) Да тише вы говорите, здесь спят. Кого? Шуру? Он спит. Разбудить? Не могу. Да не потому не могу. А не могу потому, что я его не знаю. Так не знаю. Я здесь только второй день работаю. Их тут, почитай, человек двадцать, разве их за два дня всех упомнишь. Кого же спросишь, когда они все спят. Ну да, все. Вот тут попробуй и догадайся, кто из них Шура. Что? Легко отличишь? А как же его отличишь? Брунет с голубыми глазами? Да ведь глаза-то у него закрыты. А брунеты — они, почитай, все брунеты. Что? Какое лицо? Тонкое, благородное. Ладно, сейчас поищу. (Заглядывает через спинку кровати в лица спящих. Выражение лица и храп, издаваемый спящими, плохо вяжется с описанием наружности человека, которого он ищет. Осмотрев всех, он снова подходит к телефону и говорит.)

Послушайте, может быть, вы не в тот джаз звоните. Вроде у нас с благородным лицом никого нету. Точно. Государственный Утёсова. Нет, значит, в тот. Ничего не поделаешь, придётся вам, гражданка, попозже позвонить, когда встанут. Ждать не можете? А вы кто же, мамаша его будете? Невеста? Голубушка, как же мне с вами быть? Послушайте, а вы его по храпу не узнаете? Да, я понимаю, что не жена, а невеста. Ну, может, приедет обедать, так обед съготовит — пальчики оближешь.
Д. И часто вы у них обедаете?
З-й. Зачем часто. У каждой через два дня на третий.
Д. А из чьих же продуктов они готовят?
З-й. Из своих.

совхоз. Уверю вас, что это человек. Ей-богу, человек. Мало ли что хрюкает. Вот выйдете замуж, вы ещё не услышите. Ну ладно, ладно, давайте следующего попробуем. (Подносит трубку к носу второго джазиста.) Ну как? Он? Ну вот, а вы сомневались. Сердце — оно всегда подскажет. Будите? Сейчас разбудю. Молодой, а молодой человек. (Трясёт его.)

2-й ДЖАЗИСТ (спросонья). А? Что? Кого?
Д. Вас к телефону.
2-й. Кто?
Д. Невеста.
2-й. Какая невеста?
Д. Ваша, молодой человек.
2-й. Ты что, смеёшься надо мной? Какая может быть у меня, к чёрту, невеста, если я женат.
Д. Женаты?! А зачем же вы храпите, как холостой, только людей пугаете... Обсечка, барышня. На женатого напо-

Д. Из своих? Так зачем же вам жениться, молодой человек, так и живите. Покуда у них продукты не кончатся.
З-й. Я бы и не женился, если бы не картины.
Д. Какие картины?
З-й. Всякие, дедушка. И наши, и заграничные. Можете себе представить, ведь я каждую картину из-за них по три раза смотрю. А ведь другую картину и один-два раза посмотреть — сил не хватает, а я три. Я и «Воздушного извозчика» три раза смотрел, и «Актрису» три раза...
Д. Неужели и «Черевички» три?..
З-й. Три.
Д. Господи, как же вы выдержали? **З-й.** А что сделаешь... Вот она звонит, а какая из трёх — неизвестно. А вдруг это Валерия. Если Валерия, то не иначе как она меня хочет сегодня вечером на «Тётку Чарлею» пригласить. А я эту тётку уже два раза видел. Я свою родную тётку и то режу вижу.

Д. Проснитесь, молодой человек.
4-й. Где я?
Д. Заявляю вам совершенно официально — вы здесь.
4-й (хватая за голову). Ой, голова! В чём дело?
Д. Вас милиция спрашивает.
4-й. Милиция? Меня нет.
Д. Да она уже знает, что вы здесь.
4-й. Скажите, что я не могу подойти.

Д. (в трубку.) Говорит, что он подойти не может. (Джазисту.) Спрашивает почему?
4-й. О господи, да придумайте же сами чего-нибудь. Видите, человек в себя ещё не пришёл.
Д. (в трубку.) Не пришёл ещё. Да не сюда, а в себя. (Джазисту.) Очень сердчат и требуют объяснения.
4-й. Скажите, что я ударил его по голове бутылкой, потому что он оскорбил мою даму.

Николай ЭРДМАН

Разбудите Шуру!

ролись. Ну ничего. Вы только, барышня, не ушай, а больше сердцем слушайте. Как оно у вас ёкнет — значит, это он храпит. Внимание. (Подносит трубку к носу третьего джазиста. Храп.) Ну как, ёкнуло? Ёкнуло! Значит, он. (Торжественно спящего.) Молодой человек, вас к телефону.
З-й ДЖАЗИСТ. Кто?
Д. Невеста.
З-й. Какая невеста?
Д. Ваша.
З-й. Я понимаю, что моя, а какая именно, она не говорила?
Д. А что же их у вас, невест-то, несколько, что ли?
З-й. Три.
Д. Да зачем же вам одному столько?
З-й. Не могу выбрать. Вот вы сами посудите, ну на какой мне из трёх жениться, если любят меня все три одинаково, комнаты у всех у трёх с центральным отоплением, к любой приедет обедать, так обед съготовит — пальчики оближешь.
Д. И часто вы у них обедаете?
З-й. Зачем часто. У каждой через два дня на третий.
Д. А из чьих же продуктов они готовят?
З-й. Из своих.

Д. Что же мне ей всё-таки сказать? Подойдите вы или нет?
З-й. Прямо не знаю. А вдруг Валерия. Если бы сначала узнать.
Д. Почему не узнать. Узнать это можно. (Говорит в телефонную трубку.) Сейчас он, барышня, подойдёт. Да вы не волнуйтесь, барышня. Вас как зовут? Как? Милиция Николаевна.
З-й. Как, как?
Д. Милиция.
З-й. Чёрт возьми, у меня такой нет. У меня Калерия, Валерия и Фиса. А Милиция — это чья-то чужая невеста.
Д. Опять стало быть обсечка. (В трубку.) Вы, Милиция, ободите маленечко, потому что она пока подоити не в состоянии. (Третьему.) Вы, значит, не Шура?
З-й. Нет.
Д. А который же из вас Шура?
З-й. Шура? Вон на спине лежит.
Д. Вот этот с синячицами? (Показывает на взлохмаченного, храпящего джазиста, который лежит на спине с широко открытым ртом и огромными синяками под глазами.)
З-й. Ну, да.
Д. Скажи, пожалуйста. Точно. Брунет с голубыми глазами. (Будит его.) Молодой человек, а молодой человек.
4-й (мычит). М-м-м-м.

Он ударил его по голове бутылкой, потому что он оскорбил его даму. Что значит какой бутылкой?
Ну какой онаквенно по голове ударяют, уж, наверное, не из-под молока. (Джазисту.) Вы где были-то?
4-й. В «Арагви».
Д. Из-под «Напареули». За то, что он оскорбил его даму. Опять двадцать пять. Ясно какую. С которой он в «Арагви» пьянствовал. Что? Ладно, передам. (Джазисту.) Просят вам передать что вы подлец.
4-й. Бросьте, не может милиция мне так сказать. Что вы выдумываете.
Д. Здравствуйте! Что же я по-русски не понимаю, что ли. Так и сказала. Передайте, говорит, Александру Петровичу, что он подлец.
4-й. А я вовсе не Александр Петрович.
Д. А кто же вы?
4-й. Александр Иванович.
Д. А кто же Александр Петрович?
4-й. Вон с краю лежит.
Д. В таком случае действительно это она не вам сказала, а ему. Недогадочка, молодой человек, спите спокойно. (Подходит к пятому. Будит.) Александр Петрович, а Александр Петрович.
5-й. Что случилось?
Д. У вас невеста Милиция Николаевна есть?
5-й. Есть, а что?
Д. Она только что просила вас передать, что вы подлец.
5-й. Мися — мне?
Д. Вам, вам. Еле-еле вас нашёл. Прямо замаялся. За такую работу не мешало бы на сто грамм, молодой человек.

Публикация Ал. ХОРТА

ЗОЛОТОЙ ФОНД

На 78-м году жизни скончался прозаик, драматург, переводчик Веселин Георгиев. Выпускник Литературного института им. М. Горького, он более сорока лет жил и работал в Москве. Писал на трёх языках: болгарском, русском и международном эсперанто. В его творческом активе 12 книг, 14 пьес. Веселин отличался оптимистичным, незлобивым характером, редкостной деликатностью. Таким он и запомнится коллегам. Писатель ушёл, но его творческая жизнь будет продолжаться. В частности, в портфеле «Клуба ДС» остались последние четверостишия Веселина Георгиева, часть из которых сегодня публикуется.

Видно, нечего надеяться — Шей из топора сварить.

Отару пастырь собирает, Кнотом похлёстывает власть, На стадо с гордостью взирает: Хоть над баранами, но власть!

Не из Орла сам, но — орёл. Кругом таких блаженных — рать... В блаженстве я себя обрёл, Вот только бы не потерял...

Наша жизнь ещё не драма, Но проблем невпроворот, И хотя тонуть нам рано — Беспокоится народ...
Веселин ГЕОРГИЕВ

ЧИТАЛКА

Юбилейное жабо
Воронежский писатель Виталий Мухин книги печёт как блины. Сейчас он выпустил очередную, десятую по счёту — «Жабо для жабы» (Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет, 2013).

наших «Рогов и копыт», то есть всё то, что обычно называют записными книжками. В сборнике они, правда, дифференцированы по неким малозаметным признакам, но это большого значения не имеет. Завершает книгу блок юмористических рассказов. Это не самая сильная сторона творчества В. Мухина — его рассказы весьма традиционны, выглядят старомодными и только ухудшают впечатление от этой забавной

книжечки, несколько типичных миниатур из которой предлагаем вниманию читателей.

Наши военные готовы к встрече с любым противником: у них всегда с собой ящик водки.

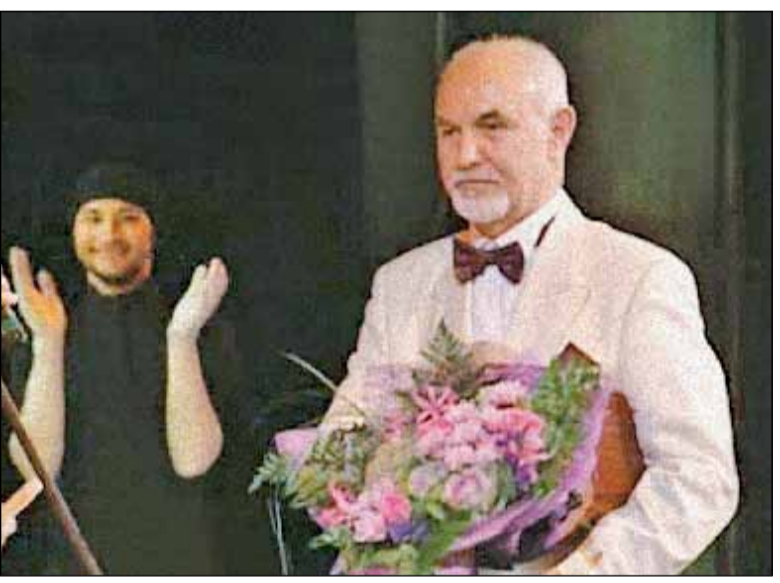
Новости дня: «Вчера в сосновом бору случайным прохожим были обнаружены два охотника, потерявшие ещё в позапрошлом

году. Охотники очень прощали не сообщать своим жёнам об этой находке».

— Скажите, который час?
— Ровно пять, но если вас не устраивает, спросите у кого-нибудь ещё.

Есть бараны, перед которыми проше поменяй ворота, чем доказать, что они — новые.

КЛАСС ПРЕМИУМ

Пять томов — десять веков

Московская международная книжная выставка-ярмарка начала свою работу с награждения лауреатов ежегодного национального конкурса «Книга года». Обладателю Гран-при вручается специальный приз работы известного ювелира Андрея Ананова — хрустальное яйцо с алмазной инкрустацией, внутри которого находится миниатюрная книга.
Книгой года на сей раз была объявлена пятитомная антология Евгения Евтушенко «Поэт в России — больше, чем поэт. Десять веков русской поэзии». Сам автор присутствовать на церемонии не смог, поэтому приз был вручён генеральному директору издательства «Русский Мир» В.Е. Волкову. «ЛГ» в своё время одной из первых выступила

СОБЫТИЕ

В Смоленск за бриллиантами

VI Всероссийский кинофестиваль актёров-режиссёров «Золотой Феникс»

Уже заработавший статус традиционного, что в провинции (и для провинции!) сделать весьма сложно, нынче фестиваль сумел ещё более повысить свою золотую пробу: город-герой готовится отпраздновать 1150-летие со дня своего первого упоминания в летописи — и организаторы кинофорума (Гильдия кинорежиссёров России, Минкультуры РФ, администрации города и области) постарались подарить смолянам не только серию ярких кинопоказов, но и системную череду встреч-диалогов с реальными, а не мнимыми звёздами нашего искусства. Народные артисты страны: Всеволод Шоловский, юбилейным вечером «Уходящая натура» отпраздновавший в Смоленске своё 75-летие; Валентин Гафт, Сергей Соловьёв и Сергей Гармаш, которым на площади у кинотеатра «Современник» под фейерверк и аплодисменты были заложены именные звёзды; Сергей Никоненко, побывавший в старинном Дорогобуже, где полвека назад шли батальные сраженья «Войны и мира», и там вместе с земляками вспомнивший свою актёрскую молодость, а ещё Станислав Любшин, Светлана Дружинина, Юрий Васильев, Валентина Талызина, Лев Прыгунов, Алексей Булдаков, Левон Оганезов, Александр Панкратов-Черный — все они были чрезвычайно коммуникабельны и предельно открыты для человека по имени Зритель.

Близкой к запредельной оказалась нагрузка у писателя и кинодраматурга Юрия Полякова: к творческому вечеру «В контексте», на который пришло полтысячи смолян, органично добавились информационный показ картины «Апофегей» (режиссёр Станислав Митин, исполнители главных ролей Агния Шиловская и Александр Лойте), запись в популярной в городе телепрограмме «Диалоги», встречи в областном драматическом театре имени А.С. Грибоедова, художественном училище и только что открывшемся Культурно-выставочном центре имени меценатов Тенишевых...
Вручая на церемонии закрытия фестиваля специальный приз имени А.Т. Твардовского за лучший сценарий авторам фильма «Роль» Константин Лопушанскому (он же режиссёр) и Павлу Финку, Ю.М. Поляков подчеркнул: «Хороший сценарий — это литературное произведение, отвечающее принципам нашей словесности. Сценаристы, любите русскую литературу!»

Сегодня Смоленск называют столицей бриллиантов России — здесь работает крупнейшее в стране и Европе производственное объединение по обработке алмазов «Кристалл». Предприятие — спонсор фестиваля, потому Гран-при форума и носит название «Бриллиантовый Феникс». Гран-при удостоен фильм «Майор» (автор сценария, режиссёр и композитор Юрий Быков), фильм о тяжёлой судьбе Сергея Соболева, майора полиции. Полицейский совершил абсолютно непреднамеренное — но с нарушением закона — убийство и, не желая попасть в тюрьму, начинает, используя погони, спасать себя.
Приз «Дебют» («Рубиновый Феникс») присуждён Максиму Панфилову за фильм «Иван сын Амра», картину — о любви, многоженстве, чести и верности, войне.
«Сапфирового Феникса» (приза зрительских симпатий) удостоена «Игра в правду» Виктора Шамирова. Фильм был обречён на победу, ведь симпатии зрителя на стороне Гоши Куценко, Ирины Алексимовой, Дмитрия Марьянова, Константина Юшкевича, исполнителей основных ролей бывших одноклассников, собравшихся через 20 лет, чтобы сказать друг другу неожиданную правду.
Статус фестиваля, его платформу «актёр-режиссёр», безусловно, упрочили фильмы, сделанные артистами Дмитрием Астраханом («Деточки»), Ренатом Давлетьяровым («Стальная бабочка»), Вячеславом Лавровым («Ванька»), Сергеем Быстрицким («Пасечник»), Анной Артамоновой («Первоклашки»), Рано Кубаевой («Я тебя никогда не забуду»), Вячеславом Яковлевым («Пять звёзд»), Игорем Черницким («Подпоручик Ромашов»).... Весомых наград картины не получили, но разве овации зрителей — не награда?
— Благодаря фестивалю «Золотой Феникс» в наш кинематограф вновь приходит очень нужная дуга русского человека мода на драматическое кино, и нам сегодня уже не стыдно было бы посмотреть в глаза Бондарчуку, Гермону, — сказал, закрывая смотрины актёров-режиссёров, президент фестиваля Всеволод Шоловский. — Я уверен, что «Золотой Феникс» — 2014 тенденцию на обнажение проблем, честность и профессионализм подтвердит ещё больше!

**Владимир КОРОЛЁВ,
сбор «ЛГ», СМОЛЕНСК**

Соб. инф.